

A photograph of a couple in military uniforms. The woman on the left is wearing a white sweater and dark pants. The man on the right is wearing a camouflage uniform. They are holding hands, with their fingers interlaced to form a heart shape. The background is a bright, hazy sunset or sunrise over a field of trees. The text is overlaid on the image.

**НАТАЛЬЯ БУКРИНА
ВАЛЕРИЙ БУКРИН**

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ ХАКИ

Валерий Букрин

Пятьдесят оттенков хаки

«Автор»

2017

Букрин В. В.

Пятьдесят оттенков хаки / В. В. Букрин — «Автор», 2017

Название книги намеренно интонирует с известным бестселлером. Реалии российской жизни – альтернатива чувственному импортному визави. Главные герои Андрей и Маша не наслаждаются роскошью мегаполиса, а служат в таежной глубинке. Их запретная любовь под прицелом высших чинов, поскольку у заместителя начальника космодрома и журналистки – служебный роман, что для людей в погонах чревато серьезными последствиями. Армейское руководство объявляет нарушителям спокойствия беспощадную войну. В силу занимаемой должности и решительного характера Андрей неуязвим, и высокопоставленные обидчики атакуют Машу. Противостоять массовой агрессии женщине не под силу, и она пакует чемоданы, забыв, что самовольное оставление гарнизона для военнослужащего – преступление, за которым неминуемо следует наказание. Как будут развиваться отношения влюбленных на специфическом режимном объекте, смогут узнать читатели романа.

© Букрин В. В., 2017

© Автор, 2017

Глава первая

Связка ярких воздушных шаров, гонимая легким порывом ветра, зацепилась за полукруг вывески «Парк Сокольники». Маленькая девочка захлебнулась в рыданиях, горюя о потере. На танцплощадке по соседству с входом кружились две пары – строго по количеству кавалеров. Одинокие дамы элегантного возраста печально ностальгировали в сторонке. Неподалеку от танцевального круга кипела торговля, звучал детский крик и восторженный смех взрослых, штурмующих карусели.

В глубине парка вокруг одного из выставочных павильонов толпилась броско одетая публика, играл известный столичный оркестр, звучала оживленная речь. Политическая элита и артистический бомонд вальяжно расположились поодаль, поглощая кулинарные изыски. Официанты галантно лавировали между притаившимися под тентами столами, наперебой предлагая дорогущее спиртное. Шапочное знакомство позволяло завсегдатаям светских тусовок, картинно улыбаясь, нарочито громко приветствовать друг друга, отпуская за глаза колкие шпильки комментариев. Шел обычный день работы специализированной выставки, закрытой пока для глаз широкой общественности.

В разношерстной толпе многочисленных представителей всевозможных СМИ ярким пятном выделялся костюм эффектной блондинки. Цвет морской волны выгодно оттенял голубизну ее широко распахнутых глаз. На вид журналистке было чуть больше тридцати. Она что-то эмоционально объясняла стоящему рядом оператору и мило шурилась, терпеливо поправляя непокорные локоны. Противоположный павильон украшала броская вывеска: «Международная конференция. Высокие технологии». Всмотревшись в группу беседующих у входа гостей, блондинка попросила напарника снять одну из пар крупным планом.

– Бизнес-элита, – понимающе кивнул тот, корректируя резкость, и иронично прокомментировал: – Новые российские буржуа транжируют нажитое непосильным трудом бабло. Там один компьютер стоит трех наших камер, – печально вздохнул он. – Маня, к ним подрулила еще одна парочка. Чувствуется, тоже не бедные. На всякий случай снимаю.

Мужчины обменялись рукопожатиями и поцеловали дамам руки. Те, нарочито обнимаясь, придирчиво оценивали чужие наряды.

– Укрупни по максимуму, – шепнула Маша.

– На кой? Это ж мимо темы.

– Снимай! Лично для меня.

– Собираешь компромат? – наострил уши приятель. – Знакомое по инвестиционному форуму лицо.

– Матвеев, – подтвердила напарница.

– Как насчет интервью? Или не прокатит? Куда нам грешным в их калашный ряд! Наверняка папик твоего приятеля преподнес ему свое дело на блюде с голубой каемочкой, – Никита выключил камеру и, прочитав во взгляде коллеги упрек, запротестовал: – Не испепеляй меня своим бездонным взглядом, Маня. Можно подумать, я не прав!

– Представь себе. Матвеев поднялся сам, без именитого папаши от бизнеса или власти.

– Скажи еще, он сирота и воспитывался в одном детском доме с чукотским губернатором, – иронично уколол оператор. – Или, нет: этот крутой парень – приятель таежной отшельницы Агафьи Лыковой.

– Так и есть, из тайги. Космодромовский, вчерашний офицер.

Никита недоверчиво оглянулся и всмотрелся пристальнее:

– Неслабый карьерный рост у служивого. И держится подстать заправскому лорду. Стало быть, имеет постоянную прописку в Лондоне или виллу где-нибудь на Лазурном берегу. А в некогда родное отечество наезжает, чтобы опустошить счета.

– Мимо цели! И живет в России, и бизнес здесь ведет.

– Какой, если не секрет?

Маша наклонилась и перешла на шепот.

– Зашибись! – уважительно цокнул товарищ. – А дочки на выданье у него случаем нет?

– Есть, но не про твою душу, – щелкнула его по носу собеседница. – Утомонись! Все знают, что у твоей Катерины нюх на...

– Маня, это не по кайфу, – жестом остановил ее Никита, пристально изучая бизнесмена. – Сразу к своему Матвееву примкнешь или как?

– Повременю, – женщина проверила микрофон. – Загляну после съемок, если останется минутка-другая.

– Отпустить тебя одну к акулам бизнеса не имею права, поскольку отвечаю за твою безопасность! – моментом сориентировался хохмач.

– Нюхал? – Маша в шутку приставила к его носу кулак.

Приятель смиренно изобразил горечь разочарования и подытожил: «То непруха, то облом». Продолжить пикировку не позволила всколыхнувшая толпу волна оживления. Маша спешно обернулась. От безмятежности оператора не осталось и следа. Никита мгновенно сосредоточился и включил камеру: «А вот и герой нашего репортажа. Поехали».

У входа в павильон бесшумно притормозила иномарка. К ней торопливо подбежал услужливый молодой человек и распахнул дверь перед седовласым красавцем в костюме от кутюр. «Генерал-полковник Петров. Первый командующий Военно-космическими силами», – уважительно прокомментировал кто-то сзади. Стройная фигура гостя и внешность интеллектуала все еще вызывали живой интерес у женщин. Представители сильного пола ревностно сканировали его пышную шевелюру, по-прежнему с трудом подчинявшуюся укладке. О возрасте свидетельствовала лишь мелкая сетка морщин вокруг умных глаз, придававшая выражению лица особый шарм.

«Владимир Николаевич», – оживились репортеры и защелкали объективами кино- и фотокамер, едва тот направился к входу в павильон. «Господин Петрофф, позвольте поинтересоваться...» – уважительно окликнул гостя кто-то из иностранцев. Петров окинул толпу журналистов скольльзящим взглядом и бросил дежурное: «Все комментарии на пресс-конференции». К нему попыталась протолкнуться невысокая брюнетка с диктофоном в руке и следами былой роскоши на утратившем свежесть лице. «Рада видеть вас, мой генерал», – фамильярно произнесла она, бесцеремонно расталкивая коллег. Дама была безобразно худа и одета в безвкусное коротенькое платье цвета перезревшего инжира с тоненькими лямками на костлявых плечах. Многоярусная паутинка на шее предательски выдавала ее годы. «Сундукова, «Маяк», – прокомментировал кто-то сзади. Прядь волос Марьяны неряшливо выбилась из подобия прически. Было видно, что она подшофе.

Мельком взглянув на старую знакомую, Петров досадливо отвел глаза. Развязную представительницу СМИ тут же профессионально оттеснили крепкие мужские плечи. Генерал заметил Машу и жестом подозвал ее к себе. Окружение расступилось, и они оказались совсем рядом. Журналистка ловким движением убрала с лица золотистую прядь.

– Искренне рад встрече, Снегурочка. Какими судьбами?

– Очередной телерепортаж.

– Помощь требуется?

– Небольшая консультация и несколько слов в камеру.

– Чуть позже, – обнадежил Петров и уточнил: – Супруг здесь?

Маша кивнула на группу стоящих неподалеку иностранцев.

– Старые знакомые? Помню-помню, – собеседник дружелюбно улыбнулся и уточнил: – По-моему, там Клоди?

– Она самая. Нынче возглавляет делегацию Франции.

– Наверное, к министру дружеского нам государства уже так запросто не обратишься? – предположил генерал. – Хотя мы знакомы еще с момента ее подготовки к полету.

– Она была и в жюри нашего конкурса, – напомнила Маша.

– По-моему, вы встречались с ней позже, в Париже?

– Увы. Клоди стартовала как раз в день прилета делегации, а приземлилась в день нашего возвращения в Москву.

– Хорошее дело мы тогда затеяли – конкурс детского творчества под эгидой Военно-космических сил, – напросился на похвалу Петров.

– Разве только тогда? – подыграла ему женщина.

– Кстати, именно поэтому вы с мужем мне и нужны, – уточнил он и откланялся: – Не прощаюсь.

Едва Петров удалился, из-за поворота выпорхнул кортеж автомашин с федеральными номерами. Разговоры смолкли, на мгновение воцарилась тишина. Как только важные персоны ступили на ковровую дорожку, рука дирижера стремительной птицей взметнулась вверх. Над павильоном поплыли звуки торжественного марша. Под его аккорды делегация чинно проследовала внутрь здания. С ее уходом толпа моментально ожила. Всевозможные напитки и содержимое изысканно сервированных столов таяли буквально на глазах.

Беседуя с французскими коллегами, Андрей Тополевский – высокий, стройный, темно-волосый мужчина весьма приятной наружности – пропустил вперед Клоди.

– Рад снова видеть вас в Москве.

– Андрэ, а я еще раз хочу благодарить вас за помощь. Вы нисколько не изменились с момента нашей последней встречи.

– Чего не могу сказать о вас...

– Вам не нравятся деловые женщины? – растерялась гостя.

– К вам это не имеет ни малейшего отношения. Просто совсем недавно я был знаком со смущающейся по любому поводу ученой дамой, которая не без труда изъяснялась по-русски и старательно готовилась к полету в космос. И вот передо мной настоящая леди от политики, вслед которой с интересом оборачиваются именитые мужи. А ваш русский и вовсе безупречен.

– Андрэ, вы меня смущаете, – грациозно погрозила пальцем француженка. – Вы прекрасный дипломат, но по-прежнему жесткий менеджер. С вами сложно договариваться – вы все знаете... – она долго подбирала слово и с милым акцентом произнесла: – ...навперед. Вы буквально подавляете противника аргументами. При этом вам удается усадить всех за стол переговоров, которые всегда завершаются успешно. Видимо, у вас много друзей?

– Боюсь, что друзей много не бывает.

– О, да. А союзников?

– Я ни с кем не желаю ссориться, это точно.

Оба рассмеялись.

– Я помню, как вы сразили ...наповалку...

– Наповал.

– Наповал, – повторила иностранка, – наших мужчин, когда рано утром подарили всем дамам из жюри букетики ...лан-ду-хов.

– Ландышей, – с улыбкой подсказал Андрей и понизил голос: – Только об этом лучше не говорить вслух.

– Почему? – искренне удивилась Клоди. – Вам неловко вспоминать об этом?

– Во все нет, просто этот цветок занесен в Красную Книгу.

– Почему в красную? Он символ революции?!

– Нет-нет, – рассмеялся Тополевский. – Красная книга охраняет все редкое. Собирать ландыши запрещено: они под охраной государства.

– Жаль, они так красиво пахнут, – женщина о чем-то задумалась и не заметила, как они приблизились к небольшой группе людей.

– Маша, ты узнаешь нашу гостью или вас познакомить заново? – улыбнулся супруге Андрей.

– Здравствуйте, Клоди, – Маша протянула француженке руку и тихо поинтересовалась: – Мы не нарушаем никаких дипломатических этикетов, беседуя с вами вот так запросто?

– Нет, я ведь министр, а не королевская особа, – мило улыбнулась иностранка.

Пока женщины предавались воспоминаниям, Сундукова в изрядном подпитии бродила по залу. Лямка ее платья опустилась на уровень груди, остатки прически сползли на затылок. Постоянно оступаясь на высоких каблуках, она едва держалась на ногах. Марьяна рассеянно осматривалась, пытаясь найти достойных собеседников, но никто не хотел задерживаться рядом с ней надолго. Наконец, она заметила чету Тополевских, но в этот момент на пути журналистки возникла фигура официанта. Будучи не в силах удержаться, Марьяна спешно изменила траекторию, придирчиво изучила бокалы на его подносе и сделала выбор в пользу шампанского. Поднеся фужер к свету, Сундукова манерно постучала ногтем по стеклу, наблюдая за игрой пузырьков, и залпом осушила содержимое. Какое-то время она пыталась вспомнить, куда и зачем шла, потирая пальцем висок, что со стороны выглядело весьма двусмысленно, затем оглянулась в поисках знакомых, и, не найдя таковых, направилась вглубь цветочной галереи. Вскоре она благополучно дремала в углу холла, под раскидистой пальмой. «А репортаж сделает искрометно», – не без зависти шепнул кто-то из коллег Марьяны.

Чуть поодаль, вдали от посторонних глаз, за одним из столиков уютного холла расположились Петровы и Тополевские. Женщины вспоминали гарнизонное прошлое, а генерал убеждал Андрея написать книгу о земных тружениках космоса. «Я понимаю, как много сил и времени придется потратить на сбор и систематизацию материалов. Но не зря же ты доктор наук – к кропотливому труду приучен. В одиночестве не останешься: помогут многие. Разошлем письма, соберем документы. Понадобятся встречи с ветеранами – организуем. Все финансовые вопросы берет на себя генерал Басов, он уже в курсе, – Петров оглянулся. – Володя здесь и появится с минуты на минуту, – и, видя, что к разговору прислушивается Маша, добавил: – Супруга у тебя человек творческий, по старой дружбе тоже поможет. Ведь так?» Тополевская согласно кивнула. «Кстати, Маша, работая с таким материалом, вы сможете сделать неплохой фильм о космодроме. Там скоро череда юбилеев. Мне звонил по этому поводу Светин, помните такого?» Маша улыбнулась. С этим удивительным человеком были связаны самые яркие воспоминания о первом рабочем дне на космодроме. Пятнадцать лет назад полковник Светин, сам того не сознавая, инициировал ее армейское «крещение».

...Первый рабочий день в войсковой части начался для Маши не совсем обычно. Ее непосредственный начальник, высокий розовощекий крепыш капитан Тищук, кивнул на рабочий стол в просторном помещении, пояснив, что эта комната лишь временное пристанище, на период ремонта кабинета в музее. «Начинайте компоновать стенды. Завтра к вам приставят художника и девушку, владеющую пером. Плакатным, – уточнил он, видя непонимание на лице новенькой, и представил миловидную женщину лет пятидесяти за печатной машинкой: – Это Любовь Евгеньевна, человек надежный и очень трудолюбивый. Думаю, вы сработаетесь», – он протянул машинистке внушительную кипу бумаг. «Опять от Светина? – обреченно вздохнула та, не поднимая головы. – Как обычно, срочно? И как всегда, прочесть невозможно?» «Вот видите, вы и сама все знаете. Только вам под силу разобрать его, мягко говоря, замысловатый почерк», – подыграл Леонид. «Ваш Светин и сам через минуту не разберет, что тут написано», – беззлобно посетовала женщина, закладывая в машинку новый лист.

Уже на выходе капитан обернулся и многозначительно предостерег: «В мое отсутствие телефонную трубку снимать не рекомендую». Маша кивнула, пропустив замечание мимо ушей, и принялась разбирать фотографии. Вскоре зазвонил телефон. Любовь Евгеньевна, стучавшая по клавишам печатной машинки со скоростью звука, внимания на него не обращала. Но аппарат стоял в десятке сантиметров от Маши, и его настойчивая трель очень скоро привела ее в состояние дискомфорта. Забыв о предостережении, женщина сняла трубку. Набор непередаваемых выражений, широко используемых в ситуациях, которые нельзя назвать даже околотитературными, ошеломил ее вариативностью словосочетаний. Филологический диплом Маши и прежний круг общения не позволяли и предположить, что существуют асы, способные столь «виртуозно» владеть, казалось бы, ограниченной в употреблении лексикой. Великий и могучий русский язык предстал перед вчерашним педагогом в жалком виде постыдной брани. В переводе не нуждались лишь предлоги, союзы и междометия. Сказать, что подобный опус выбил Машу из привычной колеи, означало, слукавить. У нее перехватило дыхание, потемнело в глазах и зазвенело в ушах.

– Тебе все ясно? – донеслось, наконец, из трубки.

Это были первые слова, смысл которых дошел до женщины.

– Это адресовано именно мне? – с дрожью в голосе уточнила она.

– Твою мать... баба на проводе! – после небольшой паузы и очередного нецензурного комментария с досадой произнес невидимый собеседник и резко бросил трубку.

Маша в сердцах отшвырнула раскалившийся от стыда аппарат, и по ее вспыхнувшим от негодования щекам скатились две крупные слезинки, едва не закипевшие от возмущения. Оценив ситуацию, Любовь Евгеньевна прекратила печатать и с сочувствием посмотрела на соседку. «Вам же рекомендовали не снимать трубку», – тактично напомнила она, предусмотрительно протянув стакан с водой.

Спустя мгновение на пороге вырос красный от смущения полковник. «Которая тут ... трубку снимала?» – пряча глаза, негромко поинтересовался он, с трудом скрывая неловкость. Машинистка, не прекращая пальбы по клавишам, кивнула в сторону застывшей от изумления Маши. «Ну, ты слезы-то не лей! Привыкай, барышня, – миролюбиво произнес Светин, робко присев рядом. – К чужим правилам привыкать сложно, но нужно, – он извиняюще улыбнулся и пояснил: – Сейчас здесь установят телефон – его трубку должен снимать только ваш начальник. Мужик, короче. Поняла? Ну и прекрасно. Сразу видно – ты же интеллигентный человек...»

Позже Маша узнала, что в емкой фразе «ты же интеллигентный человек» смысл зависел исключительно от интонации. Как правило, с нее начинались крутые виражи разборок, когда угрожающее начало красноречиво свидетельствовало о далеко идущих для вызванного «на ковер» последствиях. И лишь изредка эти слова произносились с пониманием или сочувствием. Сегодня был именно такой случай, и, можно сказать, новой сотруднице несказанно повезло. В считанные минуты в кабинете появился телефонист с новехоньким красным аппаратом в руках, цвет которого как бы заранее извинялся за грядущий смысл передаваемых с его помощью выражений...

Слушая Машу, Петров то и дело прятал усмешку.

– Никогда бы не подумала. Толя такой скромный и воспитанный человек. Как помню, знаток русской классики, – удивилась его жена.

– Что есть, то есть, – согласилась Маша. – Выражался Анатолий Георгиевич исключительно на службе и только по поводу. Готовя передачу о нем, я общалась с супругой Светина, которая была искренне убеждена, что муж совершенно не знаком с ненормативной лексикой.

– Все жены так считают, – дипломатично вставила Петрова.

– Эля, – мягко укорил ее генерал и добавил: – Кстати, Светинские читки приказов стали живой легендой космодрома. Дело это, поверьте, прескучное, но знакомство с толкованием приказов министра обороны для офицеров обязательно. Так ведь, Андрей?

– Так точно, – по-армейски ответил Тополевский и тактично уточнил: – Анатолий Георгиевич давал такие сочные и точные комментарии к важным документам, что люди валом валили на, казалось бы, казенное мероприятие. В зал было не протолкнуться: желающие его послушать стояли в проходах, конспектировали перлы полковника, а потом с удовольствием цитировали их... исключительно в мужских компаниях.

– Потому и приказы все знали, – резюмировал Петров.

– Те читки сравнивали с театром одного актера, – согласилась Маша. – Наиталантливейший был человек.

– Это почему же был? Толя таковым и остался! Он и сегодня человек чести, совести и исключительной надежности. Мы недавно встречались на годовщине катастрофы.

Генерал прокашлялся и замолчал. Воспоминания двадцатилетней давности и сегодня давались ему с трудом...

...Электронные часы в приемной начальника космодрома показывали 18.58, когда прибывшие на совещание офицеры дружно переступили порог генеральского кабинета. Петров, подписав последний документ, переложил его в увесистую папку и за руку поздоровался с коллегами. Нажав кнопку громкой связи, он попросил адъютанта разобрать бумаги и на время совещания ни с кем его не соединять. Оглядев присутствующих, командир коротко попытожил: «Сегодня мы завершаем цикл работ по испытаниям и запуску нового космического аппарата. О ходе работ на старте доложит полковник Сергеев». Офицер отложил в сторону лежащий перед ним график, поправил китель и встал: «Работы на стартовом комплексе проводятся в соответствии с технологическим графиком. Сейчас идет заправка ракеты-носителя компонентами топлива...»

За окнами пробежал раскатистый гул. Присутствующие недоуменно переглянулись. Петров поверх очков перевел взгляд на часы над входом, которые показывали 19.01. Нахмутив брови, он с удивлением посмотрел на своего заместителя и уточнил, что происходит на старте по плану. «Началось «Уравнение перекиси водорода», – сверившись с графиком, спешно доложил тот.

– ПВО никаких учений не проводит? – предположил командир.

– Нас бы об этом обязательно уведомили, – заверил начальник штаба. – Может, что-то на аэродроме? Разрешите уточнить?

Петров утвердительно кивнул. Заместитель быстрым шагом направился к телефонному аппарату, снял трубку и скороговоркой выпалил: «Соедините меня с «Алмазом».

Распахнулась дверь, вбежал ошарашенный адъютант и прямо с порога в волнении доложил: «Товарищ генерал, взрыв на старте!»

Спустя несколько минут начальник космодрома мчался к месту катастрофы в своей «Волге». Лицо Петрова было блее снега, в глазах затаились боль и тревога. Он то и дело торопил водителя. По лицу взволнованного прапорщика градом катился пот, он спешно вытирал его рукавом меховой куртки и с тревогой следил за лицом шефа через зеркало заднего вида. Гул впереди нарастал. Это заснеженная тайга, словно раненый зверь, стонала и выла в отблесках огненного зарева. Казалось, вместе с ней рыдала и полыхала вся округа.

В районе старта Петров на ходу выпрыгнул из машины и, с трудом вдыхая жаркий воздух, осмотрелся. Его взгляду предстало жуткое зрелище. Металлические конструкции стартового сооружения и останки ракеты напоминали сорокаметровую оплавленную свечу. В среде испаряющего из разрушенных баков ракеты кислорода они пылали так неистово, словно чья-

то неведомая рука, не переставая, подбрасывала в гигантский костер все новые порции горячего и человеческих тел. Огромные языки пламени вместе с топливом растекались во всех направлениях, безжалостно пожирая все на своем пути. Едкий густой дым окутал окрестности. Нестерпимо отвратительный запах заживо сгоревших людей заполнял каждую клеточку тела и все пространство вокруг.

Преодолев растерянность первых минут, боевой расчет справился с волнением и занялся ликвидацией последствий катастрофы. Особенно выделялись действия майора Светина, высокого, статного офицера. Его голос звучал мощно и раскатисто. Внешне казалось, что он спокоен и рассудителен, однако неестественная бледность и резкость движений выдавали сильное волнение. Оставшиеся в живых, видя уверенность командира, неукоснительно выполняли каждое его требование. Аварийно-спасательной командой руководил майор Головин. Он не думал о собственном спасении. Его богатырская фигура возникала именно там, где этого требовала обстановка. Казалось, офицер не чувствовал ни страха, ни усталости, но стоило посмотреть на его дрожащие кулаки, становилось ясно, какой ценой дается ему видимое спокойствие. Подчиненные Головина, вчерашние мальчишки, после первых минут оцепенения действовали на редкость слаженно и самоотверженно, туша всепожирающий огонь и выводя выживших людей в безопасные места.

К приезду Петрова старт, прежде величавое сооружение, краса и гордость отечественной космонавтики, превратился в бесформенный бетонный остов, по которому ветер перекачивал груды металлических, размером с горошину, шариков – того, что беспощадный огонь оставил от монументальных конструкций. Людей уже эвакуировали. Живых – обгоревших и раненых – увезли в госпиталь. Останки погибших бережно собирали в мешки, проводя по возможности опознание.

Распахнув шинель, генерал медленно шел вдоль пожарища. Его волосы покрылись слоем пепла, а в расширенных от ужаса зрачках отражались огненные всполохи. Руководители запуска доложили ему о потерях личного состава и техники. Петров, оценив масштаб трагедии, делал первые выводы. Как никто другой он точно знал, что потеря боевых товарищей станет незаживающей раной для тех, кто был рядом, но остался в живых. Думать о том, каково придется женам, детям и родителям, было тягостно. По-человечески он понимал, сколь велики испытания, выпавшие на долю родных и близких погибших, и какое им потребуется мужество, чтобы пережить весь этот кошмар. Загодя генерал стал искать убедительные слова, способные растопить лед их застывших сердец, и ловил себя на мысли, что сделать это вряд ли удастся. Через несколько часов ему придется посмотреть в глаза обезумевшим от горя родственникам, и кто знает, чем закончится этот нелегкий разговор. Никакие слова не смогут заменить им погибших мужей и отцов, сыновей и братьев. В эти мгновения Петров меньше всего думал о собственном наказании, которое неминуемо последует после завершения работы Правительственной комиссии. Любое из них казалось ничем в сравнении с потерей десятков человеческих жизней. Скрывая нарастающую в области сердца боль, он наклонился, взял горсть земли и прижался к ней щекой – она была такой горячей, словно вскипела от людского горя. Командир достал носовой платок, завернул в него еще не остывшую щепотку и бережно спрятал узелок в карман кителя. По щеке генерала скатилась слеза...

Двери выставочного павильона Сокольников распахнулись, впуская внутрь потоки свежего воздуха. Петров, опустив веки, продолжал молчать, пряча от посторонних глаз волнение. Спустя годы горечь утраты не притупилась и отчетливо давала о себе знать. Вспоминать катастрофу было по-прежнему горько. Эльвира нежно коснулась кисти мужа и легонько сжала похолодевшие от напряжения пальцы. Генерал благодарно улыбнулся и, скрывая вздох, посмотрел на Андрея.

– Ликвидируя последствия взрыва, майор Светин действовал грамотно и умело... – голос Петрова предательски дрогнул, он встал. – Давайте поднимем бокалы за всех, кто стоял у истоков практической космонавтики, за живых и ушедших. И за успех предстоящего дела, – тут он заметил высокого седовласого мужчину. – Владимир Михайлович, присоединяйся к нам! Вы не знакомы? – уточнил он у Маши. – Это генерал Басов. Прошу любить и жаловать.

Гость галантно поцеловал журналистке руку.

– Джентльмен, – добродушно прокомментировал Петров и подал товарищу бокал. – Володя, мы тут выпиваем за хороших людей.

– Значит, за нас с вами! – дружелюбно улыбнулся тот чете Тополевских. – Говорят, нам предстоит совместная работа?

– Книга о космодроме нужна всем нам, – подытожил Петров. – В космических частях служили тысячи людей. Дело свое они знали, стало быть, достойны памяти и хороших слов в свой адрес, – он снова поднял бокал. – Верю, из нашей затеи обязательно выйдет толк. Быть добру!

Глава вторая

Припарковавшись у телецентра, Маша достала из багажника увесистый пакет и направилась напрямик к шефу.

Импозантный мужчина ближе к сорока в вызывающе ярком галстуке и костюме с последнего миланского показа откровенно любовался своим отражением, при этом внимательно слушая собеседницу.

– Это твой цвет, – оценил наряд Борис. – Давай свой эксклюзив.

Маша вставила диск в компьютер. На экране появилась отснятая с вертолета и купающаяся в позолоте осеннего великолепия тайга, по безбрежным просторам которой замысловатым узором причудливо петляла извилистая лента мощной таежной реки. Металлические башни стартовых сооружений по ее берегам напоминали фантастические очертания замысловатых замков с полотен художника-авангардиста. Борис с интересом вглядывался в незнакомый пейзаж.

– Российский космодром, у которого скоро юбилей, – задумчиво произнес шеф. – А в чем фишка?

– Пока конкуренты проснутся, у нас на выходе будет роскошный материал. Вряд ли на другом канале есть спец, который в теме больше моего: пятнадцать лет на космодроме – багаж солидный.

– Это ж сколько тебе сейчас? – глаза Бориса округлились от любопытства, но он спешно ретировался: – Выглядишь на все сто.

– Надеюсь, не лет! Законсервировалась в местном климате, – улыбнулась журналистка, переходя к делу. – Раскопаю чудные подробности. Новыми глазами посмотрим на причину давнего взрыва. Страшная трагедия – сорок восемь жертв... – ее голос дрогнул. – Вот лишь часть публикаций. Без слез не вспомнишь!

– А наш зритель, как известно, сентиментален. Его хлебом не корми, дай поохать и всплакнуть.

Маша уловила в его словах иронию и нахмурилась.

– Не вести меня, Мария, я о деле пекусь! – опередил ее комментарии босс. – Спору нет – мелодраматические подробности дают высокий рейтинг. А «цифры», как известно, кормят нас хлебом с маслом, а если хорошенько постараться, то и на икорку наберется.

– Жаль, что нашу работу оценивают исключительно по рейтингам. Профессионализм и душевность нынче не в счет.

– Я тебя умоляю! – отмахнулся Борис. – Нынче самый ходовой товар – сенсация, особенно если с душком, – усмехнулся он, касаясь кнопки громкой связи.

– Борис Никитич, чай? Кофе? – звонко уточнила секретарша.

– Ты что будешь? – посмотрел на Машу патрон.

– Зеленый чай.

– Заказ принят – проворковала на том конце девушка и проявила осведомленность: – Шеф, вам как обычно кофе со сливками?

– И захвати Марье Андреевне горький шоколад. У нас есть?

– В Греции все есть, – томно промурлыкал нежный голосок.

Борис растаял от многозначительности ее интонации, но взял себя в руки и беспристрастно посмотрел на собеседницу.

– Жаль, что наше руководство интересуют только «жареные» факты, – вернулась к набравшему Маша.

Борис отстраненно пожал плечами:

– Особенности рыночной экономики, так сказать, но превыше всего законы жанра. Мы играем исключительно по правилам и не имеем права терять рейтинги, то бишь, аудиторию. Конкуренция, знаешь ли! Как ты помнишь, наша зарплата прямо пропорциональна именно числу телезрителей. Вот ты, к примеру, согласна на меньшую сумму? Лично я – нет! – развязно хмыкнул он. – Те из нас, кого цепляет духовность, вкалывают на «Культуре». Профессионально. Добротню. Не спорю. Но в смысле оплаты оставляет желать лучшего. А мы с тобой пашем на нашем канале, имея вполне приличные «мани-мани», – шеф с блаженной улыбкой на холеном лице шутиливо пошуршал пальцами и игриво добавил: – Да, я такой, как есть. Без всяких там хитростей и премудростей, – оставшись довольным своими откровениями, он потянулся к Машиной стопке. – Бестселлеры?

– Раритет, – устало улыбнулась коллега. – Наше с мужем творчество о космодроме. Будет желание, полистай на досуге.

Рассматривая иллюстрации, Борис жестом показал вошедшей секретарше, куда поставить поднос, проводив пристальным взглядом ее стройные ножки. Девушка почувствовала это и уже в дверях оглянулась, подмигнув в ответ. «Недурно», – хитро прокомментировал Борис. И было непонятно, что конкретно он имел в виду. Маша иронично проследила за его взглядом и с наслаждением вдохнула аромат чая. Шеф заметил это и многозначительно повторил:

– Я же говорю, совсем недурно, – он посмотрел на собеседницу с явным уважением. – Впечатляет. Я вот в этих краях ни разу не был.

– Не вопрос – на ближайший пуск едем вместе. Буду твоим персональным гидом. Так что насчет проекта? Идею ведь могут и украсть...

– Ты это брось! – через плечо сплюнул шеф и, стуча костяшками пальцев по столу, приказал: – О планах никому ни полсловечка!

– Корпоративная этика превыше всего, – гостя отправила в рот новый кусочек шоколада. – Так что насчет проекта?

– Скрывать не стану – в этом что-то есть. Но решать, как ты понимаешь, не мне, – кивнул в потолок Борис. – Беру тайм-аут, обмозгую все с руководством и в ближайшие дни дам конкретный ответ. По рукам?

– Добро, – согласилась Маша. – Жду звонка.

При виде журналистки секретарша быстрым движением спрятала в стол журнал мод. Маша сделала вид, что ничего не заметила, и доброжелательно улыбнулась: «Леночка, шоколад великолепен, а чай и вовсе – выше всех похвал». Девушка зарделась от удовольствия и пообещала в другой раз заварить чай для особо важных персон.

– Вы не такая как наше большинство, – призналась она.

– И что же во мне не так?

– Вы – добрая. А в Москве так мало людей без камня за пазухой.

– А я не местная, – пошутила Маша и уже серьезно добавила: – Леночка, телевидение – это еще не вся столица. Именно в Останкино больше всего провинциалов.

– Я и сама из Питера, – согласилась девушка.

– Тогда у вас колоссальные перспективы: питерское нашествие грозит стране культурной революцией.

Леночка не поняла намека и недоуменно пожала плечами.

– А журналы мод можете даже не смотреть, – обернулась с порога гостья. – Им за вами просто не угнаться.

Секретарша расплылась в улыбке и достала зеркальце.

В коридоре Машу едва не снес Никита.

– Ну и где тебя носит, Манюня? У нас выезд!

– Я в курсе. До эфира вагон времени!

Оператор проводил ее выразительным взглядом, хотел двинуться следом, но на ходу развернулся и заглянул в приемную:

– Мадмуазель, вы офигительно прекрасны! – фамильярно шепнул он.

Секретаршу бросило в жар, она нервно присела за стол и забарабанила пальцами по клавиатуре. Ловелас жестом фокусника ловко положил поверх рук девушки розу:

– Большой пардон за давешнюю склоку.

– Вам пора на выезд, – осталась непреклонной Леночка.

– А если не так официально? – молитвенно сложил руки гость.

– Никита, проделки твоей благоверной довели меня до...

Договорить ей помешал страстный поцелуй. Секретарша не успела и глазом моргнуть, как оператор повязал на ее юную шейку элегантный шарф, метнулся к двери и, послав воздушный поцелуй, самонадеянно уточнил: «Надеюсь, я прощен?» Леночка возмущенно посопела ему вслед, но порхнула к зеркалу и повязала шарфик согласно последнему писку моды. Дверь кабинета босса распахнулась. Девушка спешно вернулась на рабочее место.

– Я к генеральному, – на ходу сообщил Борис, но, видя обновку, замедлил шаг. – А шарфик в тренде, – со знанием дела дал оценку он.

Трудовые будни отодвинули грандиозные планы Маши на второй план, окунув в водоворот повседневной рутины. Руководство не возвращалось к ее идее и никак не комментировало инициативу, потому о предложении снять документальный фильм о космодроме она успела подзабыть. Да и текущих дел было невпроворот. Уже отснятого материала с лихвой хватало, чтобы выдавать сюжеты ежедневно, но эфирное время было в дефиците, и его выделяли не чаще трех раз в неделю. Это не добавляло ни оптимизма, ни вдохновения. Вот и сейчас, пересматривая смонтированный ролик, Маша безнадежно вздохнула – запоминающейся картинки для эффектной концовки не было. Она нервно закусил губу. В комнату заглянула девушка и уточнила, готов ли сюжет о студентах. Журналистка пообещала ускориться и с горечью призналась: «Ищу фишку – нет яркой точки!» Она наклонилась к монитору и отмотала назад видеоряд. Хорошенькие девочки прыгали от счастья, находя в списке абитуриентов свои фамилии. Парни радостно выписывали ногами заковыристые пируэты. Юные лица, эффектные наряды, блаженные улыбки. Все, как во времена ее юности. Только у этого поколения побольше дерзости и чуть меньше ответственности. Незаметно для себя Маша вернулась в студенческие годы.

...Дверь в аудиторию, где шел государственный экзамен по научному коммунизму, была приоткрыта. У кабинета толпились и в волнении повторяли билеты одгруппники. Молодой куратор грозным шепотом безуспешно призывал их к порядку. Бойкая хохотушка пристроилась рядом с ним, пытаясь заглянуть внутрь.

– Николай Палыч, не парьтесь! Никто Машку не завалит. Поставят законную пятерку и выпишут красный диплом, – заверила она.

Педагог плюнул через левое плечо и легонько постучал по косяку.

– Машка у нас всегда ходит первой. А в тех, кто отвечает без подготовки, комиссия души не чает, – девушка загнула первый палец и продолжила. – Отличница, активистка, лидер научных конференций...

– ...студентка, комсомолка, спортсменка, красавица... – процитировал собеседник и с горечью подытожил: – Жаль, язык как гильотина.

– Она всегда по делу рубит! – запротестовала подруга.

– Ира, вот зачем было задавать вопрос, почему советским бойцам, воюющим в Афганистане, присваивают звание Героя Советского Союза?

– Затем, что боевые действия идут не в нашей стране, а за границей. И про паритет стран Варшавского договора и НАТО она верно подмети...

Педагог спешно закрыл балаболке рот и в панике осмотрелся.

– Скорее бы ваша группа выпустилась, – в отчаянии взмолился он и перешел на шепот: – Профессор, к слову, требовал перенести защиту Машиного диплома на следующий год, а ей выписать только справку.

– Слава Богу, не он председатель комиссии! – перекрестилась Ирина.

Студенты оживились и стали переговариваться громче. Николай Павлович обернулся к ним и приложил палец к губам, требуя тишины. Молодежь на время поутихла. Куратор прислонился к щели, пытаясь по лицам экзаменаторов определить их настрой. Маша отвечала, стоя спиной к двери, потому не было слышно, о чем идет речь. Вдруг почтенного возраста профессор побледнел и гневно вскочил с места.

– Вы же ярая антисоветчица! – злобно выкрикнул он так, что стало слышно в коридоре. – Не понимаю, куда смотрят компетентные органы.

Николай Павлович нервно расстегнул ворот рубашки и взялся за ручку двери, готовый в любой момент войти в аудиторию. Студенты растерянно замолчали и вжались в стену.

– Красный диплом накрылся медным тазом, – ужаснулась Ирина.

– Тут и справкой не пахнет! Бегом в деканат! – приказал педагог.

Девушка послушно кивнула и на цыпочках помчалась за помощью.

– Аргументируйте! – повысил голос председатель комиссии.

Маша вздрогнула и посмотрела ему в глаза.

– То, что Германия и Корея разделены на два лагеря, на мой взгляд, большая трагедия. В мирное, заметьте, время миллионы семей не имеют возможности общаться с родными, которые автоматически стали их идейными врагами. По-вашему, это справедливо?

– Вон из аудитории! – перебив, в бешенстве заорал профессор.

На мгновение Маша остолбенела и, пытаясь сохранить спокойствие, направилась к выходу. Николай Павлович посторонился, пропуская ее, и решительно вошел в кабинет, плотно притворив за собой дверь.

Студенты растерянно молчали, не находя слов поддержки. Лицо Маши пылало, мысли путались, в горле пересохло. С трудом сдерживая слезы, она бросилась прочь.

Выскочив на улицу, девушка угодила в объятия молоденького лейтенанта. «Это судьба! – улыбнулся тот, разглядывая хорошенькую незнакомку и, видя, что у нее глаза на мокром месте, сходу предложил: – Выходите за меня замуж». Маша не обратила на слова офицера ни малейшего внимания. Она лишь сейчас осознала серьезность ситуации, представила возможные последствия и разрыдалась. Озадаченный таким поведением молодой человек принялся ее утешать и затащил в кафе-мороженое, где рассказал, что получил распределение за границу, а там могут служить только семейные люди, для чего ему срочно необходимо жениться. Он достал из кармана обручальное кольцо:

– Дамы сердца нет, отпуск заканчивается – выручайте. Вдруг наша случайная встреча это знак судьбы?

Маша горько усмехнулась:

– Простите, но это точно не мой случай.

К столику, где они сидели, подбежала взволнованная Ирина и крепко обняла подругу со спины:

– Машка, пляши! Декан и куратор тебя отбили! А вот с красным дипломом, похоже, придется распрощаться!

Ирина взглянула на собеседника подруги и залилась краской – на расстоянии вытянутой руки сидел герой ее романа. Лейтенант встал, галантно склонил голову в поклоне и поцеловал гостью руку.

– Ребята, это ваш день, – не скрывая слез радости, шепнула им Маша, пятась к выходу.

В монтажную с шумом ввалился Никита и кивнул на телефон.

– За какой нуждой вырубил связь?

– Мешает работе. А что, я пропустила нечто экстраординарное?

– Леночка тебя обыскала. Мечется по коридорам как рыба перед нерестом.

– Это она по тебе тоскует, – отвлеклась от монитора Маша.

– А, по-моему, тебя ищет Сам. Звякни ему для приличия, – тактично рекомендовал коллега, бережно ставя камеру в кресло, и отчитался: – Отснял по твоему заказу перебивку и финал. Сразу глянешь или как?

– Сразу, уже два раза приходили за сюжетом, – она включила чайник и уточнила: – Как обычно, двойной кофе?

– Можно со сливками, – разгружая спину, устало откинулся в кресле Никита и, расслабившись, вытянул ноги.

– А я взбодрюсь зеленым чаем, а то от долгого сидения клонит в сон.

Маша достала из тумбы чашки и вазу с печеньем. Напарник вставил кассету. Пока монтировали сюжет, он поинтересовался, как дела с фильмом о космодроме.

– Пока глухо, ты же знаешь расторопность...

Договорить ей не позволила выросшая на пороге Леночка.

– Марья Андреевна, где вы? – с упреком выкрикнула она.

– Сюжет готов, уже бегу, – журналистка извлекла кассету и продемонстрировала ее гостю.

Та небрежно отмахнулась:

– Вопрос не по окладу.

– Неужели на канал заглянул сам президент, и мне доверена честь проинтервьюировать его? – шутиливо предположила Маша

– Копайте глубже! – оценила юмор девушка и, оглянувшись, перешла на шепот: – С сегодняшнего дня ваша карьера идет в гору.

– Руководить компанией теперь буду я?

– Лично я не возражаю! – Леночка покосилась на жующего оператора, подошла ближе и сообщила по секрету: – Вас срочно разыскивает Сам! Руководство дает ход вашему проекту.

– Маня, ключ на старт! – оживился Никита и подмигнул.

Маша отвесила ему шутиливый подзатыльник, посмотрелась в зеркало и, видя игривый настрой озорника, предложила:

– Леночка, может, составите пока компанию моему коллеге?

По всему было видно, что секретарша не прочь остаться наедине с ловеласом, но звонок мобильного телефона вернул ее с небес на грешную землю. В окошке определителя номера кратко значилось: «Шеф».

– Ни минуты покоя! – посетовала девушка и, направляясь к выходу, уточнила. – Марья Андреевна, так вы идете или я вас не нашла?

– Отдам сюжет и – прямиком к вам, – откликнулась журналистка.

При появлении Маши патрон галантно приподнялся в массивном кресле и с гордостью заметил, что ее идея руководством одобрена.

– Пакуй чемоданы и стартуй на космодром.

– Когда?

– По твоей готовности.

– Бегу за вещами, – не успев присесть, Маша шутливо вскочила.

– Не так сразу, – усадил ее босс. – Там на днях пуск, будут какие-то важные персоны. Напоследок сделаешь приличный сюжетик и сразу же перебросишь сюда. Идет? И не забудь включить парочку «синхрон» с кем-нибудь из военного руководства.

– Помнится, ты тоже собирался на космодром. Едем вместе.

– Как-нибудь потом. Кого из операторов прихватишь?

– Что за вопрос? Про коней на переправе еще не забыл?

– Никто на твоего Терехина и не претендует, – не стал возражать шеф и замялся: – Маша, а как ты смотришь на кое-какие изменения в твоём проекте?

– В каком смысле? – насторожилась она.

– Ты, голуба, не волнуйся, никто на твой эксклюзив не покушается, – Борис зашел сзади и вдохнул аромат ее духов. – Классный парфюм, кстати. Все забываю сказать.

– Спасибо. Ближе к делу, – нетерпеливо обернулась Маша. – Не люблю, кстати, когда мне дышат в спину.

– Пардон, пардон, – шеф сел напротив и выдержал паузу. – Маша, а почему бы нам не замахнуться на художественный сериал? Заметь, первый отечественный сериал о космодроме. Жанр этот сейчас востребован и народом особо любим. А мы должны уважительно относиться к зрительским симпатиям, – Борис потянулся к книгам. – Я тут на досуге полистал ваши с мужем труды и, надо признаться, так увлекся, что вот это творение, – он протянул Маше одно из изданий, – дочитал до конца. Здесь же, по сути, готовые куски сценария. Ты у нас дама с филологическим дипломом, пишешь к своим репортажам весьма недурные тексты. Уже изрядно поварились на телевизионной кухне. У тебя получится. И кстати, там, – он ткнул пальцем вверх, – тебя заметили и намекнули на перспективы роста. А это, поверь моему опыту, дорогого стоит. Так что цени мои хлопоты. Вторым оператором поставим Терехина, а то засиделся он что-то, пора расти.

От неожиданности гостя не сразу нашлась, что ответить.

– Сам додумался или подсказал кто? – предположила она.

– Не суть важно. Идея-то классная. Разве не так? Учти, при удачном раскладе дело пахнет твоим повышением. Со временем сможешь заняться кинопроизводством. По-моему, они хотят проверить тебя в работе, – шепотом завершил Борис.

Маша с интересом смотрела на него, но с ответом медлила.

– Что-то я не въезжаю, молчание у нас «да» или «нет»? – напряженно поторопил начальник.

– А я и сама пока не знаю... Боря, а идею документального фильма ты уже кому-то продал?

– Охстись, мать. Как ты могла подумать?

– Могла вот, – нахмурилась Маша.

– Напрасно, – миролюбиво заверил Борис. – Не время. Да, нынче эра документального кино. Но, заметь, исключительно сенсационного, когда, что ни слово – скандал. А про космодром такую фишку не снимешь – сплошные военные тайны. Проколов и головотяпства и

там наверняка выше крыши, но все за семью печатями. Случись что-нибудь нарыть, хлопот с цензурой и органами не оберешься. Да и ты возражаешь, чтобы мы сделали «экшен» про одни только взрывы, – журналистка согласно кивнула. – Солидный материал руководство не зацепит. Такой фильм просто не выстрелит, – пояснил он и уточнил: – План по документалке у нас года на два сверстан. Если ты согласна на жареные факты, милости просим, подвинем какой-нибудь проект. В противном случае – жди своего часа, дорогуша. А вот сериал можем протолкнуть прямо сейчас. Есть «окошко». Так что быстрее соглашайся.

– Дай мне время посоветоваться с мужем, хоть пару дней.

– Маш, пара дней – многовато будет, – упрекнул шеф, напирая: – Не торгуйся. Это же шикарное предложение! Его дважды не делают!

– Борис Никитич, к вам Терехин. Пусть ждет? – по громкой связи отрапортовала Лена.

– Зови!

На пороге, кокетничая с секретаршей, нарисовался Никита.

– Вот ты-то мне и нужен! – вспыхнул Борис. – Твое счастье, что едешь с Тополевской на космодром, а то искать бы тебе новое место, – и, провожая Машу, елеинно протянул. – Решайся – дело верное. Не позднее утра жду положительного ответа.

– Я подумаю, – обнадежила коллега.

– Сгораю от нетерпения! Более того, готов стать «вожаком».

– Какой из тебя продюсер? – выходя, усмехнулась Маша.

Шеф неопределенно кивнул и жестко посмотрел на Никиту.

– А к тебе, Терехин, особый разговор. Твоя Катерина у меня уже вот где! – он провел ребром ладони по горлу. – Избавь меня от ее циничных наскоков! Короче, или прекращай свои пашни или увольняйся!

Маша улыбнулась, прикрыла дверь и шагнула в приемную.

– А чай? – едва не сбила ее с ног Леночка. – Я же обещала кое-что особенное. Презент наших пекинских коллег.

– Ну, если из самого Китая, – согласилась журналистка.

– С вашим любимым горьким шоколадом.

Оформив командировку, Тополевская заглянула в приемную.

– Шеф на переговорах, – приветливо сообщила секретарша.

– С ним я уже простилась. Леночка, у меня просьба лично к вам. Если не поможете вы, наш проект потерпит сокрушительное фиаско, – польстила Маша и протянула листок бумаги. – Никак не могу разыскать генерала Байчадзе. Он долгое время возглавлял космодром, – и, видя удивленные глаза девушки, пояснила: – Космодром, куда мы с Никитой срочно выезжаем в командировку. Этот человек не так давно перебрался из столицы в провинцию. Вот телефоны тех, кто знает, как с ним связаться, – Маша просительно сложила руки: – Леночка, вся надежда только на вас. Склоняю голову перед вашим организаторским талантом. Договоритесь о встрече с генералом, расскажите, что мы снимаем фильм и требуются его консультации. Не мне вам объяснять, – улыбнулась она и сделала комплимент: – После разговора с вами любой человек охотно сотрудничает с нашим каналом. Заранее благодарю. Кстати, что вам привезти с космодрома?

– А что можно привезти из этой дыры?

– Бруснику, клюкву, белые грибы.

– Тогда чуток белых грибов и брусники: к приезду мамы сварганю ее любимый суп и шикарные пироги.

– Вы умеете готовить? – не сумела скрыть удивления Маша. – Мне казалось, вы питаетесь исключительно в ресторанах.

– Не так часто, как хотелось бы, – стала серьезной Леночка. – Кстати, мое любимое хобби – стоять у плиты.

– О, да вы просто талантливый человек.

– ...и перспективная жена, – заглянув в приемную, завершил ее мысль Никита и незаметно подтолкнул к выходу. – Маня, не тани с командировочными – в бухгалтерии назрел гигантский сабантуй.

Маша извинилась и убежала. Никита извлек из кармана пиджака коробочку конфет в виде сердца и положил ее на клавиатуру компьютера, прямо у рук девушки.

– Елена Прекрасная, не томи отказом славного парубка.

– Шел бы ты, недобрый молодец, куда подальше, – огрызнулась та. – Меня уже достали угрозы твоей благоверной.

– Происки врагов, – ничуть не смутился оператор, целуя ей руку. – Пока она штурмует Шаболовку, предлагаю пообедать тет-а-тет. Я бы предпочел, конечно, ужин, но, увы, он будет не столь романтичным – трудяга Маша авантюр не любит, в дороге тоскует по мужу и симпатизирует лишь компьютеру.

– Да уж, таким, как ты, не дано понять, что некоторые женщины любят своих мужей, – ехидно резюмировала Леночка.

– Мадмуазель, никак вы собрались замуж?! – театрально заломил руки Никита. – И кто же этот несчастный?

– Пошел вон, шут! – в глазах девушки вспыхнула обида.

– Сударыня, вам прямо сейчас придется признать свою неправоту, – сухо пообещал искатель.

Делая руками замысловатые па, он извлек из нагрудного кармана крошечного белого мышонка, чмокнул его в нос, помахал на прощание, поставил малыша на стол перед девушкой и с достоинством двинулся к выходу. За его спиной раздался вопль отчаяния: «Никита, убери ее!» «Это он! Мыш!» – с пафосом поправил баламут, вернулся к столу и угостил кроху печеньем. Мышонок на мгновение замер, но быстро оценил угощение и принялся активно жевать. Никита ласково погладил его по пушистой спинке и легонько подтолкнул к несговорчивой барышне. Леночка запрыгнула в кресло с ногами и завизжала еще громче.

– Выбираешь его компанию или отобедаешь со мной?

– Нет! – сквозь слезы отчаянно прошептала девушка.

– Кому из нас предназначается «нет»? Мне или ему? – хитро уточнил донжуан.

– Да, – Леночка и сама запуталась.

– «Да»? – склонился к мышонку Никита. – Кто это сказал?

– Я! – выкрикнула девушка и стала повторять: – Да, да, да!

– Спасибо за оказанную честь, – гость вернул хвостатого в карман, помог Леночке спуститься и галантно поцеловал ей запястье: – Мадмуазель, я скоро зайду, – нежно пообещал он и приложил руку к сердцу.

– Приходи один, – на полном серьезе предупредила барышня.

– Жена здесь давно не работает.

– Я имею в виду мыша.

– Мадмуазель, вы чудо! – посылая воздушный поцелуй, расплылся в умилении шантажист.

Солнечный диск лениво поиграл в прятки с верхушками деревьев и нехотя перевалился в сторону заката. Отправляясь на покой, светило, словно по лестничным пролетам, неспешно перекатилось по крышам домов и лениво погрузилось в кроны развесистых кленов. Будто бы по мановению волшебной палочки, жара, подобно обессилившему дракону, беззлобно пахнула огнедышащим зноем и стремительно пошла на убыль. Горожане оживились и потяну-

лись из тихих закоулков на просторы широких проспектов. Заполонившие проезжую часть автомобили бесшабашно таранили тротуары и уверенно теснили негодующих от возмущения пешеходов. Старинные улочки и переулки с миниатюрными церквушками и витиеватым декором невысоких особнячков робко жались к переливающимся в стекольном великолепии офисам европеизированных кварталов. Архитектурный модерн беззастенчиво шел в наступление и завоевывал любое пригодное для прироста пространство. Столичные застройки времен дворянского и купеческого быта не выдерживали жесткой конкуренции со столь откровенным напором современности. Казалось, затерянная среди новомодных строительных изысков старая Москва постепенно утрачивала былое великолепие и сдавала завоеванные веками позиции. Однако сиюминутность безудержного натиска проигрывала величавой вечности. Исторические места по-прежнему удивляли знатоков неповторимой самобытностью, а в небольших тенистых двориках все еще обитали те, кто знал и любил иную Москву, вольготную и разудалую, но при этом бесконечно гостеприимную и хлебосольную. Шум и ритм современной деловой жизни изменил столицу внешне, но сути, к счастью, не поменял. Оттого любой путешественник, не говоря уже о старожилах, при желании и маломальской фантазии легко мог перенестись в прошлое. Стоило лишь присмотреться, и на скамейке любого из скверов отыскался бы если не сам Воланд, то один из его многочисленных помощников наверняка.

Чтобы сэкономить время на дорогу и не стоять в изнурительных московских пробках, к вокзалу Маша отправилась на метро. На выходе из станции ее уже поджидал Никита. Он перехватил сумку коллеги и, не сумев скрыть удивления, иронично прокомментировал:

– На этот раз могла бы обойтись и без кирпичей! Что везем?

– Подарки. Космодром пятнадцать лет был моим домом.

Недалеко от перрона коллеги едва не столкнулись с неопрятной седовласой женщиной, из-под полы торгующей водкой. Бродяжка грязно выругалась, но на всякий случай в надежде окинула пару мутным взором. Так и не разглядев в них потенциальных покупателей, она наперебз бросилась к какому-то алкашу: «Купи, мужик, недорого». Шепотом сговорились в цене и в восторге от удачной сделки разошлись в разные стороны. Женщина ловко извлекла из сумки новую поллитровку, отхлебнула из горлышка уже начатой, занюхала рукавом и зычно расхоталась. «Русская водка, что ты натворила», – затынула она вдруг сильным грудным голосом. Прохожие стали удивленно оглядываться. Никита потерял спутницу из вида и вернулся. Маша с нескрываемым интересом рассматривала торговку. «Паленой водки с вошками желаешь? – укорил приятель и, взяв ее под руку, потащил к платформе. – Мань, глянь – состав под парусами! Время не ждет»

В вагоне СВ было на удивление многолюдно. Маша присела у окна и отстраненно посмотрела на платформу. Оператор выставил на стол пару банок пива и в недоумении провел ладонью перед ее глазами.

– Никак по мужу заскучала? Э-э-й, – позвал он. – Маня, ты где? То на хвост старухе села, то забила на меня...

– Она не бабка, от силы лет на пять меня старше.

– Фигня! – со знанием дела возразил напарник. – Ей сто лет в обед и ни одного зуба. Меня, Манюнь, не проведешь.

– Ольга когда-то была на космодроме ведущей солисткой Дома офицеров. Какой у нее был роскошный голос! Вот только жаль, мужчин и водку она любила больше музыки.

– Ты, мать, сегодня не в ударе, – запротестовал Никита. – Молодость увиденной тобой тетки пришлось на детство моей маман – у меня по этой части глаз наметан, – он ловко открыл банку и протянул ее коллеге. – А может, вжарим по пивку и прошвырнемся к барной стойке?

Маша посмотрела на него с упреком и включила ноутбук.

– Не нуди, подруга! – призвал к ее совести оператор.

Поезд плавно тронулся. Никита проверил состояние аппаратуры, допил пиво и расположился у окна. Маша поджала ноги и уткнулась в монитор. Видя творческий запал напарницы, приятель предусмотрительно молчал. Спустя какое-то время дама перестала строчить, интригуяще улыбнулась и, привлекая внимание, вскинула вверх руку.

– Идея! Премьеру сериала предварим пуском в прямом эфире! Бегущей строкой прорекламируем экстренный выпуск новостей. Представляешь, миллионы телезрителей наблюдают за тем, как в режиме реального времени стартует красавица-ракета! Корреспондент и эстрадные небожители элегантно машут ей ручкой и приглашают постоянных зрителей канала на просмотр первых серий. Во всех новостях загодя пускаем сюжет про то, как снималось кино, и анонсируем невиданный доселе гала-концерт. Звезды из последнего музыкального проекта весь день будут зазывать своих поклонников окунуться в нирвану божественных космических звуков. После вечерних новостей эстафету примет грандиозное шоу у подножья старта! Представляешь, вся попса солирует на фоне настоящей ракеты, а финальная песня и вовсе звучит под рев двигателей! А еще на космодроме можно отснять несколько наших воскресных передач. Ремонт, интеллектуальные игры и кулинарное шоу легко вписываются в таежный формат. С самого утра в каждом из них будет идти реклама нашего сериала. Заинтригуем круче детектива! Такого еще не было ни на одном канале! – в ожидании похвалы Маша зарделась. – Как идея?

Желая взять реванш за упущенные возможности, оператор сидел с непроницаемым лицом. Выдержав паузу, он небрежным жестом изобразил нечто типа фифти-фифти и лениво выдал из себя:

– Не фонтан...

Воспарившая, было, Маша нахмурилась и едва не уронила компьютер. Видя оторопь коллеги, Никита пошел на попятную:

– Не кисни, Маня, все пучком, – примиряюще улыбнулся он, давая оценку. – Крутяк. Патентуй.

– То-то! – ожила Маша и с энтузиазмом принялась за работу.

С тоской наблюдая за молниеносным движением ее рук, напарник стал клевать носом. Особо не надеясь на успех, он предложил отметить рождение нового проекта ужином в вагоне-ресторане.

– Исключено, – в корне пресекла его попытки журналистка и подытожила. – Снова в поисках приключений?

– На том и стоим, – засобиравшись вдруг Никита. – Как говорится, разведка боем. А вдруг бы ты изменила своим монастырским принципам? Прости, но я как профессиональный испытатель без новых знакомств и впечатлений задохнусь.

– И что же ты испытываешь? – отвлеклась от экрана Маша.

– Себя. Жизнь. Наконец, вас, женщин, – высокопарно изрек дамский угодник, оценивая себя в зеркале. – Лично мне без эмоциональной подпитки – кранты.

– Смотри, не задымись от напряжения!

– Тополевская, а ты – клевая: не нудишь и не выносишь мозг. Жаль, не любишь покутить.

– Нет времени расслабляться – загорелась сериалом.

– Замутишь, а мне – адью? Не бортанешь? – уточнил оператор.

– Не дури: мы – одна команда!

– Заметано. Это дело следует обмыть!

Натолкнувшись на привычный отказ, оператор, не особо печалась, проворно покинул купе. Через час-другой Маша ощутила острое чувство голода и отправилась вслед за ним в вагон-ресторан. В тамбуре она столкнулась с подвыпившим крепышом и, посторожилась, пытаясь разминуться. Всмотревшись, бородач оживился и стал лихорадочно рыться в карманах. «Ну, вот и свиделись!» – радостно прохрипел он, извлекая из барсетки сигареты и ...пистолет.

Журналистка беспомощно оглянулась в поисках спасения, но коридор был пуст. Мысленно она успела попрощаться с жизнью. Колеса состава протяжно заскрипели, сбрасывая скорость. Вагон резко качнуло. Незнакомец отлетел в сторону и ударился затылком о металлическую дверь. От неожиданности и боли он взвыл и выронил оружие. Маша не растерялась, схватила ствол и направила на преследователя.

– Ни шага! Стреляю без предупреждения!

Мужчина опасливо потер ушибленное место, пьяненько улыбнулся и жестом показал знак примирения.

– Не признала? Я же Курякин! – заплетающимся языком сообщил он. – Ты нашу заготовку разнесла в пух и прах. Нынче начальник я и готов вернуть должок, – незваный гость стал хлопать по карманам.

Нервы Маши сдали, она опустила пистолет в пол и нажала на спусковой крючок. Выстрела не последовало – из ствола вырвалось газовое пламя. Мужчина слотнул, достал из мятой пачки сигарету, перехватил руку собеседницы и жадно прикурил. Обескураженная женщина едва не лишилась чувств. Бородач нашел, наконец, визитку и сунул ее Маше:

– Черкни дочуре пару слов! Марьяшкой кличут. Через тебя в телеке мечтает засветиться. Она, как там – твой кумир. Тьфу ты... поклонница.

– Убедительный аргумент, – Маша хмуро вернула зажигалку. – Чем писать? – и пока незадачливый папаша искал ручку, подсказала: – На журфаке конкурсы – мама не горюй. И публикации требуются.

– Мы в курсе, – протянул ручку Курякин. – Она третий год в городской газете на подхвате. Прикинь, скоро и у Марьяшки какой-нибудь чувак будет брать автограф! Прикольно, да? – бородач нашел новую визитку. – Короче, если что надо, не стесняйся, звони. Курякин за тебя любому пасть порвет. – Он вывернул карман брюк и протянул Маше увесистую пачку денег. – Бери, честно заработала – без твоего разноса мне бы место директора ни в жизнь не обломилось.

Маша категорически запротестовала, но во избежание обострений визитку все же взяла. Курякин неуклюже откланялся и вернулся в свой вагон. Журналистка облегченно потерла виски. Аппетит пропал. Отправляться на поиски Никиты, чтобы нарваться на очередные приключения, расхотелось и Маша вернулась в купе. Вскоре туда же, едва держась на ногах, ввалился оператор:

– Знала бы ты, Маня, как нашу с тобой работу ценит простой народ!

– Я в курсе, – усмехнулась Маша.

– А тебя еще и любят! – Никита, покачиваясь, рухнул на свою полку. – Это надо лично испытать!

– Довелось...

– Офигенный шикаряк! – оператор зевнул и потянулся.

– А охота-то как? – поинтересовалась коллега.

– Сплошной цирк!

– Неужели все дамы дрессированные?

– На коротком поводке.

– Так уж и ни одной свободной?

– Ну, почему же, но даже мне столько не выпить.

Недовольно посапывая, Никита стал готовиться ко сну. Пытаясь хоть чем-то занять себя, он какое-то время листал журнал, с трудом фокусируя свой взгляд на полуобнаженных рекламных дивах, но вскоре уронил его на грудь и провалился в нежные объятия Морфея.

Смеркалось, но зажигать свет в купе не хотелось. Почему-то в полутьме думалось легче. Честно говоря, Маша не знала, с какого края подступиться к работе. Раньше корпеть над сце-

нариями ей не доводилось. Снимая только документальные сюжеты, вникать в литературные тонкости большой нужды не было. Безучастно глядя на мелькающие за окном пролески, журналистка попыталась осознать степень свалившейся на ее плечи свободы. Уже давно ей не доводилось сидеть вот так, без дела. Навскидку вспомнить значительный перерыв в работе за последние годы так и не удалось. Даже на отпуск отводилось не более двух недель кряду: отдыхать полный срок было привилегией исключительно медийных лиц канала. У обычных рабочих пчелок вроде нее свободного времени практически не оставалось. Более того, его катастрофически не хватало. Впрочем, свой выбор в пользу тележурналистики она сделала осознанно, а потому никогда не сетовала. После переезда в Москву подвернувшаяся на канале вакансия стала для вчерашней провинциалки чем-то вроде награды. Вскоре работа втянула ее в водоворот телевизионных страстей. Не зря старожилы говорили: единожды окунувшийся в реку профессионального вещания с трудом мог выбраться из нее. Телевидение, как омут, засасывало сразу и навсегда. С тех пор, как Маша переступила порог Останкино, отсчет ее времени определялся количеством выделяемых в эфире минут. Она не раз ловила себя на мысли, что все чаще думает абзацами из очередного текста, правя его даже во сне. Боясь признаться самой себе, она понимала, что в последние месяцы такой режим стал ее утомлять и даже раздражать. Бесконечная съемочная и монтажная беготня изрядно поднадоела. Но еще меньше нравилась перспектива редактировать чужие мысли. От подобного предложения она отказалась, хотя не раз подумывала, что сферу деятельности неплохо бы и сменить. И вот такая возможность представилась. Кинопроизводство манило ее давно, но элита этого недоступного для простых смертных Олимпа всячески противилась вторжению в свои ряды новичков. И вдруг Фортуна приоткрыла перед ней дверь в неведомый доселе мир. Ввиду того, что другого шанса могло и не выпасть, распорядиться подарком судьбы следовало с умом. Отказываться от подобного предложения было бы верхом безрассудства. Оптимистичное изречение героини известного фильма о том, что «в сорок лет жизнь только начинается», к телепроизводству отношения не имело. Шеф был абсолютно прав, в эту профессию лучше вгрызаться лет с двадцати. Она и так безнадежно опоздала. И вот поезд уносит ее в новую жизнь. Впервые можно позволить себе ни о чем не думать и просто валяться. Такой случай еще утром показался бы Маше непозволительной роскошью. А сейчас он стал счастливой реальностью. Жесткий ритм и строгий график телеэфиров превратил ее жизнь в часовой механизм, поломка которого напоминала игру на выбывание. Двухлетнее неположение рук привело-таки к положительному результату. Ей предложили сменить профиль. Жанр игрового кино нравился Маше несравненно больше. Натура романтическая, она тяготела к лирике, приключениям и мелодраматическим сюжетам. Но каноны профессии, в рамках которой ей пришлось реализовываться, требовали покорения иных высот. Возможность попробовать себя в новой ипостаси открыла женщину. Искренне радовал первый свободный вечер. Маша поймала себя на мысли, что с этого момента ей больше некуда спешить. Не «горели» тексты и не нервировал хронометраж. Не торопили редакторы и режиссеры. Ей пока даже не ставили жестких временных рамок. Игнорируя передвижение стрелок на часах, она устроилась на полке вполне комфортабельного купе и отправилась на свидание с минувшим. Нельзя сказать, что возможность подобной встречи привела ее в восторг. Там, в прошлом, осталось слишком много противоречивого. Какие-то из вчерашних событий она безжалостно и даже с превеликим удовольствием вычеркнула бы из своего багажа, но, увы, переписать книгу жизни заново не удавалось еще никому. Даже при потере памяти мозг путем каких-то замысловатых комбинаций восстанавливает картину пережитого. И хотел бы забыть, ан, нет! Словно какой-то могущественный Учитель то и дело заставляет окунуться в реку давно минувших дней. Может, желает, чтобы мы избежали грядущих ошибок? Ах, если бы так.

Колеса поезда размеренно отстукивали такты дорожного вальса. Маша взбила подушку и посмотрела за окно. Там промелькнуло здание, как две капли воды похожее на Дом офицеров космодрома.

...Массивный бархатный занавес скрывал от любопытствующих взглядов обрамленную праздничным убранством сцену. Алое полотнище чуть заметно подрагивало на сквозняке. Набитый под завязку зрительный зал был наэлектризован предчувствием яркого зрелища. Из оркестровой ямы доносился волнительный шумок последних приготовлений. За кулисами царил оживление. Из служебной двери, что рядом со сценой, в зал шагнула Сундукова с массивным микрофоном в руках и подержанным переносным магнитофоном через плечо. Горделиво поведя вздернутыми плечами, она мельком осмотрела празднично одетую толпу, выбирая кандидата для интервью. На Марьяне было довольно безвкусное свекольного цвета платье с лиловым бантом в виде жабо и грязно-розовые ему в тон колготы. На голове радиодивы колыхалось подобие самодельной прически, но держалась она уверенно и даже с некоторым превосходством. Искося разглядывая публику, Сундукова упорно делала вид, что не замечает подбострастных взглядов льстецов, и благосклонно кивала лишь старым знакомым. Определив достойного, по ее мнению, собеседника, она решительно направилась к его креслу. Прекрасно понимая, что привлекает внимание недоброжелателей, Марьяна всем своим видом демонстрировала, сколь безразлична ей праздная суета болтунов. Похоже, ей нравилось провоцировать негодующую публику и находиться в центре внимания. Она была искренне убеждена, что является законодательницей местной моды и имеет полное право на эпатаж.

За каждым движением первой леди гарнизонного вещания с нескрываемым интересом наблюдала худосочная особа средних лет с огненно рыжей копной безнадежно испорченных химической завивкой волос и хищным выражением прищуренных раскосых глаз. Одетая дама была по пионерской моде: белый верх, черный низ. Какое-то время она презрительно изучала наряд Сундуковой и, наклонившись к соседке, ехидно выразила ей свое недовольство. Та терпела недолго, на полуслове решительно встала и, пробравшись вдоль рядов, не сразу, но нашла свободное кресло. «От Бедоносовой сбежали? – посочувствовали ей. – Вот же создаст бог такую напасть!»

По взмаху дирижерской палочки в зале погас свет. Где-то под потолком скрипнул механизм, приводя в плавное движение тяжелый занавес, за которым сосредоточенно замер многоярусный хор. Зал взорвался аплодисментами. Под размеренный стук каблучков к микрофону вышла Маша. Едва справившись с волнением, она объявила первый номер и стремительно удалилась за кулисы, где загодя готовилась к выходу солистка местной самодеятельности. Придиричиво изучив в зеркале свое отражение, Ольга заметила восхищенный взгляд солдата-осветителя. Небрежным движением она бесстыдно углубила декольте, как бы невзначай обнажив грудь, и призывно подмигнула парню. Лицо молодого человека залилось краской, он смущенно исчез за софитами. По лбу Маши пробежала морщинка сомнения, но она была убеждена, что не вправе выказывать кому бы то ни было свои эмоции. К финальному выходу местная прима, как обычно, выпорхнула из комнаты отдыха в состоянии легкого алкогольного возбуждения: «разогрев» голосовых связок она понимала сугубо по-своему. Глаза солистки блестели, окутанный флером загадочности взгляд слегка туманился, но излучал притягательность и вселенскую любовь. Впрочем, тогда она еще четко знала свою меру. Едва Ольга появилась на сцене, зал взорвался аплодисментами. С галерки неслись восторженные крики «Браво!», «Бис!» и требовательное: «Миллион алых роз»! Певица великодушно улыбнулась, снисходительно кивнула дирижеру и сняла со стойки микрофон. При первых же аккордах зал сорвался на овации. Единственная из участников вечера, Ольга покидала сцену с огромными охапками цветов.

После концерта Маша сменила нарядное платье на привычные джинсы и неброскую футболку и во избежание импровизированного застолья незаметно проскользнула в костюмерную. На выходе ее поджидал начальник ГДО. Невысокий юркий майор с бегающими глазками и вечно потеющими ладонями, большой любитель женщин и спиртного, оценивающе осмотрел подчиненную, и, не найдя в ней встречного интереса, строго приказал: «Пилипенко, не сбе-

гай, как обычно, а зайди в мой кабинет на бокал шампанского». Маша выразительно опустила глаза. «Не я тебя приглашаю, – напористо пояснил офицер. – Начальник политотдела желает познакомиться с новыми кадрами. Знал бы, что ты у нас того, то есть, этого... не брал бы тебя на работу!» – сокрушенно признался он. Упрямыца настойчиво хранила молчание. «Короче, я тебя предупредил! – не выдержал Ревенко, направляясь к лестнице. – Мне надоело отдуваться за тебя! – он нетерпеливо ударил кулаком по стене, но вовремя заметил спускающуюся Сундукову и расплылся в подобострастной улыбке: – Марьяна Васильевна, вы как всегда обворожительны». Женщина застыла двумя ступеньками выше и снисходительно усмехнулась. Майор, привстав на носочки, потянулся губами к ее руке. Не достав, пробормотал, скрывая смущение: «Вас уже заждался наш общий друг». Сундукова даже не посчитала нужным отвечать. Начальник, пятясь, растворился, а Марьяна, картинно выгнув спину, прислонилась к перилам и как бы невзначай поинтересовалась:

– Намереваешься снова ускользнуть?

Маша кивнула в ответ. Брови радиодивы взлетели вверх.

– Может, это и верно, – с легким вздохом согласилась она после небольшой паузы и перешла на шепот: – Монотонная жизнь скучна. Или ты всю жизнь собираешься проторчать в этой дыре? Запомни: отныне карьера мужа прямо пропорциональна твоей покладистости. Именно от тебя зависит ваш перевод в столицу. Советую не упускать шанс!

– Мое положение меня вполне устраивает.

– Чудная ты, – манерно пожала плечами собеседница. – Неглупый, вроде, человек, но ни на грамм секи.

– Марьяночка, дефочка, где фы? – слышался из-за угла старческий голос с явными речевыми дефектами.

Маша взбежала наверх, а рядом с Сундуковой появился подвыпивший начальник политотдела. Он был невелик ростом, но довольно упитан. За глаза, подчиненные подтрунивали над привычкой Бодрова красить волосы, скрывая седину, но генерал был верен себе и упорно маскировал подкрашивающуюся старость. Зажав в руке коробочку французских духов, он широко улыбнулся фаворитке. Изобразив восторженное удивление, Марьяна шагнула навстречу покровителю.

– Сегодня утром ф сфоей передаче фы снофа тронули душу старика, – шепнул ловелас, пытаясь обнять осиную талию дивы.

– Где вы видите старика? – шутливо оглянулась Сундукова и, ловко увернувшись от объятий, взяла шефа под руку.

Генерал пришел в умиление и влажными губами трепетно прижался к утонченной кисти Марьяны. Она с трудом скрыла отвращение. Бодров осмотрелся и неуклюже сунул ей в руку подарок. В обнимку они вошли в приемную начальника ГДО.

– Товарищ генерал, вам направо, – открывая перед ними дверь служебной комнаты, услужливо подсказал Ревенко.

– А так хочется налево, – пошутил руководитель, придирчиво рассматривая ведерко с шампанским. – Ну, фот, можно же фсе организофать, если постараться, – миролюбиво подытожил он, потирая ладони.

Маша вернулась в рабочий кабинет и принялась наводить порядок в столе. В дверь настойчиво постучали. Полагая, что это вездесущий Ревенко, она решила не отзываться.

– Можно? – Бедонослова сунула голову в дверь и, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно приземлилась в кресло. – Разрешите представиться: Анна Алексеевна, курирую работу с семьями военнослужащих.

– Чем могу быть полезной? – удивилась Маша.

– Пришла дать пару советов, как лучше держаться на сцене, – с места в карьер начала гостя. – Во-первых, нельзя быть такой независимой – в зале сидят командиры, им это может не понравиться. Во-вторых, ваши длинные волосы лучше укладывать в неброскую прическу или увязывать в тугой узел – они слишком вольготно рассыпаны по плечам и отвлекают внимание зрителей. В-третьих...

Договорить ей не позволили. В кабинет заглянул прапорщик и пригласил Машу к телефону. Извинившись, она с облегчением упорхнула.

Положив трубку на рычаг, Маша осторожно оглянулась.

– Дождидается в кабинете, – с готовностью подсказал прапорщик. – Теперь до ночи не отвяжется. Мой вам совет: гоните эту аферистку взашей. С ней иначе нельзя – проверено на личном опыте.

– К сожалению, я так не умею...

– Так и быть, выручу. Поднимитесь в музей, а я скажу, что вас срочно вызвал Бодров. К нему она точно не сунется. Но на будущее имейте в виду: Бедоносова прилюдно обольет грязью любого из своих соратников – друзей у нее попросту не осталось. Послушать эту особу, вокруг одни лишь недруги и бездари. Держитесь от нее подальше.

Веселье в кабинете начальника ГДО набирало обороты. «Открыфай! Налифай!» – входя в раж, повторял генерал, подмигивая Сундуковой. Ревенко осторожно достал из ведерка шампанское и принялся аккуратно разворачивать фольгу. «Делай как я!» – запротестовал Бодров, выхватывая бутылку из рук подчиненного. Пританцовывая, он для убедительности несколько раз встряхнул напиток, игриво что-то промурлыкал и с торжественным видом свернул металлическую петельку. Пробка, едва не выбив из его рук сосуд, с шумом взлетела к потолку, с головы до ног окатив газированной струей стоящего рядом майора. Генерал весело захохотал. Ревенко с выпученными глазами выбежал вон. Бодров разлил остатки шампанского по бокалам, поднял свой фужер и с нежностью посмотрел в глаза Сундуковой. «Фы голофокружительная женщина», – прошептал он, залпом осушив содержимое, и шагнул навстречу Марьяне. Она разом поставила фужер и духи на стол и переместилась к окну. «Отойдите! – нервно окрикнул Бодров. – Задвиньте штору, фас могут узнать. Зачем дафать пофод злослофам? У нас с фами немало завистникоф! – рухнув на диван, он сменил гнев на милость и сладострастно улыбнулся. – Какой от фас исходит жар! Почему же фы никогда не пьете?» Генерал указал на место подле себя и замер в ожидании. Сундукова, оценивая возможные последствия, кокетливо улыбнулась, присела неподалеку и поднесла свой бокал к губам седовласого поклонника. Она почти насильно влила содержимое в рот Бодрова и кротко пояснила: «Мой генерал, мне важно общение с вами, а не хмель». Собеседник растаял от блаженства. С выражением неотвратимой беды на лице в кабинет без стука ворвался потерянный Ревенко и, в испуге косясь на дверь, шепотом доложил: «Товарищ генерал, там ...ваша супруга!» По лицу Марьяны скользнула едва заметная усмешка. Она вальяжно откинулась на спинку дивана и покосилась на дыхателя. «Где?» – моментально пришел в себя начальник политотдела и метнулся к ведерку с шампанским в надежде замести следы преступления. «Идет по холлу», – простонал майор. «Отфлекай!» – Бодров сунул духи в карман, задвинул за дверь ведерко и как нашкодивший первоклассник понуро стал в угол. «Простите», – в ужасе промямлил он Марьяне. Та решительно схватила шефа за руку, вывела его в приемную и практически насильно втолкнула в кабинет напротив, на котором красовалась табличка «Начальник Дома офицеров». Вернувшись в гостевую комнату, она заперлась изнутри, погасила свет и, давась от смеха, рухнула на диван. Спасенный генерал резво прыгнул в рабочее кресло Ревенко, спешно открыл первую попавшуюся папку и с важным видом принялся «изучать» документы. Кисти его рук подрагивали от волнения, но он быстро сумел придать лицу выражение значимости. Майор, изоб-

ражая жертву расправы, опустил голову и замер у входа. Заметив в проеме двери побледневшее лицо супруги, Бодров изобразил удивление, встал из-за стола и, двинувшись навстречу, поинтересовался:

– Птичка моя, что случилось?

– Концерт давно закончился, а тебя все нет. Я же волнуюсь.

– Финой фсему некоторые деятели, – Бодров с напускной суровостью посмотрел на подчиненного. – Накопят фагон документоф, приходится допоздна их разгребать. Но на сегодня хфатит. Ты прафа, дорогая, пора домой, – он взял в свои руки ладони жены, расцеловал их и строго посмотрел на Ревенко: – А фас, тофарищ майор, попрошу фпредь сфоефременно передафать документы ф мою канцелярию, а не ждать, когда я приду к фам с проферкой!

– Виноват, товарищ генерал! – с готовностью выкрикнул офицер и, преданно сверкнув глазами, заверил: – Больше такое не повторится!

Генеральша оторопела от подобной прыти. В ожидании подвоха она оглянулась, исподволь чувствуя себя обманутой.

– Муля, ты кого-то ждешь? – нежно поинтересовался муж, протягивая духи. – Вот что приготофил тебе тфой зайчик.

Женщина, одетая и причесанная по моде шестидесятых, на фоне мужа-модника смотрелась бедной родственницей. Она подозрительно взглянула на супруга и капризно поморщилась:

– Опять все перепутал. Эти духи нравятся нашей Катеньке.

– Подарим дочери, – миролюбиво согласился генерал. – А тебе купим нофые.

Ревенко проводил гостей до выхода из ГДО и облегченно вздохнул только на улице. Генерал усадил жену на заднее сидение «Волги» и захлопнул дверцу. Видя напряжение майора, он подмигнул ему, но вслух похвалить не решился. Офицер понял это и нашел повод задержать руководителя: «Товарищ генерал, вы свою папку забыли, сейчас принесу». Бодров улыбнулся и стал важно прохаживаться вдоль входной двери. «Молодец, – шепотом поблагодарил он подчиненного, когда тот вернулся. – Готофь предстафление на подполкофника, ф понедельник подпишу. И еще, – он оглянулся. – Скажи начальнику фоенторга, чтобы зафтра прифез мне нофые духи. Запомнил, какие? – Ревенко услужливо кивнул. – А Сундукофой скажи: пусть зайдет ко мне с текстом передачи часикоф ф десять, – он вернулся к машине, обернулся и строго выкрикнул: – Еще раз подумайте, майор, как надо относиться к сфоей работе!» Тот щелкнул каблуками и преданно улыбнулся...

Поезд слегка притормозил и, набирая скорость, пошел под уклон. Маша поймала сползающий к краю столика стакан и прислушалась. В вагоне было непривычно тихо. Стараясь не беспокоить товарища, Маша погасила верхний свет. Ей не спалось. Журналистка бесшумно достала мобильный телефон и, придерживая дверь, вышла. В тамбуре было холодно. Убедившись, что соединение проходит с большим трудом, она огорчилась, что сотовый аппарат мужа вне зоны досягаемости, а домашний не отвечает. Маша с грустью рассматривала проплывающие за окном полустанки, но вскоре озябла и вернулась в купе.

Глава третья

Машина Андрея, возвращавшегося с непростых переговоров, застряла в автомобильной пробке. Ночная Москва красочно переливалась огнями иллюзорной рекламы. Тополевский устало рассматривал красную реку движущихся впереди автомобилей и бесконечную толчею пешеходов. Не глядя на поздний час на улицах было на удивление многолюдно. Едва сдвинувшись с места, водитель притормозил у светофора. Машину мгновенно окружила стайка девиц легкого поведения. Труженицы ночного дозора бесцеремонно демонстрировали свои худосочные прелести и прагматично предлагали перечень услуг, как по прейскуранту, так и сверх него.

Призывно подмигивая, путаны распахивали плащи, предусмотрительно наброшенные прямо на обнаженную натуру. Они взяли авто в плотное кольцо и стойко держали осаду. «Вышли на охоту», – усмехнулся шофер, безуспешно пытаясь отчалить. «Не на охоту, а на работу», – поправил Тополевский. Видя зеленый свет, водитель просигналил. От неожиданности ночные бабочки расступились. Автомобиль резко тронулся.

– Настырные, однако, девицы – думал, не прорвемся.

– Борются за клиентов – жесткая конкуренция и сдельная оплата, – иронично прокомментировал Андрей.

– Любопытно, им доплачивают за сложность и напряженность?

– Предлагаешь вернуться?

– Зачем? – растерялся парень.

– Уточнить детали.

– Спасибо, нет, – открестился он. – Больше тянет домой.

У подъезда Андрей по привычке посмотрел вверх – окна их квартиры зияли темнотой. Уже в лифте он вспомнил, что перед встречей отключил мобильник. Проверив входящие звонки, увидел вызовы жены и набрал ее номер. «Абонент временно не доступен. перезвоните позже», – порекомендовал беспристрастный голос оператора сотовой связи.

В прихожей в глаза Тополевскому бросился настенный календарь. По давно установившейся традиции они с Машей в шутку вычеркивали дни, прожитые в разлуке. Андрей не раз ловил себя на мысли, что, не глядя на расстояние в не одну сотню километров, они с женой живут на удивление синхронно. Просыпаются с точностью до минуты, тянутся к телефонам практически одновременно, и, слыша в ответ короткие гудки, точно знают, что звонят друг другу. «Высшая духовная связь», – как-то прокомментировал подобную интуицию Никита.

Опустевшая квартира показалась Тополевскому холодной и неудобной. Переодевшись, он скорее по привычке направился в кухню. На дверце холодильника магнитиком крепилась записка: «Любовь моя! Если не выберешься на космодром, встретимся недели через две, не раньше. Ужин на плите. Береги себя. Люблю. Целую. Жду. Скучаю. Я». Поискав ручку, он обвел на календаре дату возможной встречи и вычеркнул минувший день, после чего нехотя перекусил. На журнальном столике в гостиной его дожидался свежий номер «Новостей космонавтики». Посмотрев выпуск теленовостей, Андрей устроился в кресле и открыл журнал. На одном из разворотов он заметил фотографию стартового комплекса части, где тридцать лет назад началась его служба.

...Двигаясь за основной массой людей, сошедших на конечной остановке мотовоза, лейтенант Тополевский достаточно быстро оказался у штаба части, куда он был назначен после училища. «Вот и выпускники стали съезжаться, – устало заметил куривший у штаба дежурный, рассматривая приближающегося в парадной форме лейтенанта, и предупредил: – Командир отдыхает после пуска, собирайтесь здесь, а я чуть позже доложу ему». Вскоре подтянулась прибывшая молодежь, делясь в курилке первыми впечатлениями. По команде дежурного «Смирно!» офицеры дружно выбросили сигареты в урны и стали на вытяжку.

– Товарищ полковник, во время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный по части капитан Грязных.

– Вольно! – скомандовал командир, с интересом разглядывая выпускников, и поприветствовал их.

– Здравия желаем, товарищ полковник! – грянуло в ответ.

– Грязных, вызовите Сухих и Немых, – приказал Надеждин, предложив лейтенантам по одному заходить к нему в кабинет.

«Прозвища как на зоне», – не зная, что это реальные фамилии, подумал Тополевский, быстро докуривая сигарету, которую в отличие от остальных предусмотрительно зажал в кулаке.

– Начальник строевой части капитан Сухих. Начальник офицерских сборов капитан Немых, – представились подошедшие офицеры. – Смелчаки есть? Кто первый к командиру?

Андрей, не раздумывая, шагнул и уже в кабинете четко доложил:

– Товарищ полковник! Лейтенант Тополевский для дальнейшего прохождения службы прибыл.

– Как учился? – уточнил командир, закуривая «беломорину».

– Нормально, товарищ полковник.

– Он с медалью закончил, – пояснил Сухих.

– Чего ж скромничаешь? – удивился полковник.

Андрей пожал плечами.

– А по специальности кто?

– Инженер-механик, – заглянул в личное дело строевик.

– В отделение контроля заправки к Крючкову пойдешь? Там как раз требуется грамотный инженер.

– Куда прикажете.

– Вот и славно. Зови следующего, и ждите у штаба – Немых познакомит вас с частью.

Через час капитан вел лейтенантов по расположению части, показывая казармы, столовую и МИК. Молодежь удивленно крутила головами, с интересом рассматривая новые объекты. К стартовому комплексу группа заметно поредела. В ней остались только те, кто был назначен служить именно здесь.

– Отчего на старте так много людей? – полюбопытствовал Тополевский и проявил свою осведомленность: – Ведь на кнопку «Пуск» нажимает всего один человек.

– С чего это ты взял? – заносчиво переспросил провожатый.

– Видел в училище учебный фильм.

– То-то и дело, что фильм. Там показана только завершающая операция. А в жизни ракета сначала несколько дней собирается, затем испытывается и только потом вывозится на подготовленный старт. Здесь ее еще два дня проверяют, после чего идет заправка и только потом дело доходит до «Пуска». Короче, работы хватает не одной сотне людей. Еще вопросы есть? – он с превосходством посмотрел на любознательного лейтенанта, полагая, что урезонил его.

– Какие конкретно работы проводятся на старте?

– После сборки схем проводятся электрические и пневматические испытания систем и агрегатов. Подробно о них вам расскажут непосредственные начальники.

– Товарищ капитан, – продолжал упорствовать новичок, – какое напряжение в сети и давление газов в магистралях используется на старте?

Андрей никак не мог привыкнуть, что стал лейтенантом, и теперь капитан для него практически ровня, а вовсе не начальник, как недавно в училище. Немых с любопытством посмотрел на молодого коллегу.

– До пятидесяти атмосфер и двадцать семь вольт, – скороговоркой выдал он и приказал: – Разойдись по рабочим местам!

В бункере управления Тополевский не сразу нашел пультовую заправки. Тяжелая металлическая дверь открылась с большим трудом. В полутемной комнате никого не было видно, но где-то в углу слышался звук перебираемых предметов. «Э – эй...» – робко позвал Андрей и прислушался. Из-за зиповского шкафа выглянул сидящий на корточках уже немолодой капитан.

– Привет, – дружелюбно поздоровался он, приподнимаясь.

– Товарищ капитан, лейтенант Тополевский при... – попытался по-уставному представиться новичок.

– Как зовут тебя, лейтенант? – с улыбкой уточнил начальник.

– Андрей. Андрей Васильевич.

– А я – Николай Афанасьевич, – приблизившись, протянул руку он. – У нас между собой принято обращаться по имени-отчеству. Не возражаешь?

– Конечно. Надо только привыкнуть.

– Привыкай, – Крючков вернулся на прежнее место и углубился в поиски, по-видимому, весьма значимой для него детали.

В комнате появился приятной наружности лейтенант, кивнул шефу, осмотрелся, поздоровался с Андреем за руку и представился:

– Волгин. Антон... Григорьевич.

– Очень приятно, – Тополевский обернулся к Крючкову. – А мне что делать, товарищ капи... Николай Афанасьевич?

– Ты старт уже видел?

– Мельком.

– Тогда бери ключи от зиповой, – он бросил Андрею связку, которую тот ловко поймал. – Иди, собери схему на 90 градусов и проверь сопротивление изоляции.

Лейтенант выразительно промолчал, осмысливая команду. Он ровным счетом ничего не понял, а переспросить было неловко.

– Возьми мегомметр и найди на старте ефрейтора Коровкина – он тебе поможет, – подсказал Крючков, видя его растерянность.

В шкафу было два мегомметра. На одном значилось 100, на другом – и вовсе 500 вольт. Какой из них брать? «Все ясно, – с усмешкой подумал Андрей, – проверяют «на вшивость», как и предупреждали в училище». Впрочем, долго думать ему не пришлось: выручили врожденная смекалка и только что приобретенные знания. «Немых говорил, что напряжение на старте – 27 В, – размышлял он. – Значит, стовольтовый мегомметр будет меньшим злом». Взяв прибор, лейтенант в задумчивости побрел на старт, лихорадочно вспоминая все, чему его учили в ВУЗе.

Старт напоминал гигантский муравейник, где в строго заведенном порядке перемещались десятки людей. Каждый из них четко знал, куда двигаться и что делать. Тополевский на мгновение остановился, пытаясь сообразить, как среди людей, одетых в совершенно одинаковую униформу, вычислить магического ефрейтора Коровкина. Осмотревшись, он принял единственно верное решение – подойдя к колоннам обслуживания, сложил руки рупором и громко крикнул: «Коровкин». Откуда-то сверху раздалось желанное: «Чего?» «Ко мне!» – задрал голову и придерживая рукой фуражку, приказал Андрей. «Щас закончу и спущусь», – спокойно ответил увалень и скрылся на колонне, где-то на высоте шестого этажа. Ожидая помощника, Тополевский внимательно наблюдал за умелыми действиями стартовиков и заправщиков.

– Искали, товарищ лейтенант? – поинтересовался коренастый парень в черной спецовке и ярко красной монтажной каске.

– Нам приказано собрать схему на 90 градусов, – уверенным голосом довел до него указание лейтенант.

– Приказано – соберем, – без эмоций заверил воин и направился к одному из огромных кабельных шкафов.

Не спеша, он извлек бухту кабеля и положил ее прямо на землю. Затем то же проделал со вторым, третьим, четвертым... Андрей занервничал, полагая, что даже ефрейтор экзаменует его. Не выдержав, он дернул его за рукав и потребовал:

– Доложите, что вы вытворяете!

– Ищу наши кабеля. Их перепутали после сегодняшнего пуска.
– Сегодня был пуск?
– В три часа ночи, – беспристрастно пожал плечами солдат.
– Зачем было все разбирать, если приходится собирать заново?
– Так круг-то этот, – Коровкин кивнул на поворотный круг, на котором они стояли, – после каждой работы вращают в исходное положение, так как не известен азимут следующего пуска. Если схемы не разобрать, все кабели порвутся.

– Ясно, – Андрей делал вид, что проверяет знания ефрейтора, а на самом деле учился у него. – Доложите индексы наших кабелей!

– Вот этот, с большой «головой» и красной чертой, – наш, – с гордостью произнес флегматичный ефрейтор и уверенно извлек из кучи кишачих подобно клубку змей кабелей нужный. – И этот поменьше, с зеленой чертой, – указал глазами он, – тоже наш.

– Я просил назвать индексы, – потребовал Тополевский.

– А на кой они мне? – искренне удивился служивый. – Наши кабели я знаю, как свои пять пальцев, и без ошибок всегда найду их.

– Проверить сопротивление изоляции! – приказал лейтенант, надеясь таким образом освоить выполнение и этой операции.

Удивительно, курсантом он научился решать в уме даже интегральные уравнения, а простейших навыков в работе с мегомметром так и не приобрел – эту премудрость в училище попросту не преподавали.

– Вы будите крутить или тыкать? – деловито уточнил Коровкин.

– Что крутить и куда тыкать? – поддел его Тополевский. – Доложите порядок измерения сопротивления изоляции!

– Один должен крутить вот эту ручку... мегомметра, а другой – тыкать... вставлять... – с трудом подбирал нужное слово ефрейтор, – в разъем кабеля и снимать показания с мегомметра.

– Я хочу проверить ваши знания, показания снимать будете вы, – нашелся лейтенант, не желая показывать свою неопытность.

– Как скажете, – добродушно согласился боец.

– Как положено отвечать военнотружущему? – Андрей хотел, чтобы подчиненный сразу почувствовал в нем своего начальника.

– Есть! – хмуро бросил солдат и начал процесс измерения. – Крутите быстрее, товарищ лейтенант, – сосредоточенно попросил он.

– Есть! – улыбнулся в ответ Тополевский.

– Норма. Норма. Норма... – переставляя щуп мегомметра от штекера к штекеру, твердил ефрейтор.

– Что за норма? Докладывайте внятно, какие показания должны быть на приборе!

– Не меньше ста.

– Чего ста? Вольт? Ампер? Ом?

– Не знаю... – опешил ефрейтор, испуганно вращая глазами. – Капитан Крючков, когда учил, говорил: должно быть не меньше ста...

– Ну, хорошо, – пожалел парня офицер. – Давайте завершать.

– Уже все. Теперь надо состыковать вот эти разъемы.

– Выполнить операцию стыковки! – входя в роль начальника, приказал Тополевский.

Вернувшись в пультовую, Андрей нашел глазами Крючкова и, как учили, приложив руку к головному убору, начал доклад: «Товарищ капитан, ваше прик...». Николай, не дослушав, опустил руку лейтенанта и по-дружески поинтересовался:

– Все закончили? Вопросов нет?

– Только один. Вы так доверяете ефрейтору, а он даже индексов кабелей не знает.

– Но схему же собрали. Или ты ему подсказывал? – хитро шурясь, уточнил капитан.

– Ну, как это можно? Красная черта, зеленая черта...

– Это все «опыт, сын ошибок трудных», – процитировал Крючков. – Ну, не запоминают они эти многоцифрные индексы, путают кабели, а при поиске неправильно собранных схем это оборачивается серьезной головной болью. А «красный-зеленый» они запоминают четко, даже те, кто приходит с восемью классами образования. Ты еще не раз в этом убедишься.

В заправочной команде офицеры приняли Андрея, как своего, благодаря чему у него сложилось представление, что все они знакомы давным-давно. Несмотря на то, что каждый из друзей был яркой индивидуальностью и незаменимым в своей области специалистом, коллеги удивительным образом дополняли друг друга, образуя единую сплоченную команду. Часто из-за нехватки людей в других подразделениях и частях их небольшой коллектив разделялся. И тогда основную задачу по запуску спутника решали сокращенным составом.

Было так и на сей раз. «Готовность к пуску один час», – прогремело по громкой связи. И практически следом с соседнего старта, расположенного метрах в ста, донеслось: «Готовность к генеральным испытаниям десять минут». «Беги-ка, Андрей, к соседям, – распорядился Крючков, – там в одиночку на двух пультах не управиться. А мы тебя здесь подстрахуем».

В свою пульттовую Тополевский вернулся практически к самому набору схемы готовности к пуску. «Все в норме?» – уточнил он у Николая. Тот молча кивнул, приложил указательный палец к губам и доложил в микрофон: «Готов принять минутную готовность». Несколько проведенных в тишине минут превратились в вечность. И, наконец, из громкоговорителя прозвучали заветные команды: «Ключ на старт!.. Ключ на дренаж!.. Протяжка!.. Продувка! Пуск!» Офицеры привычно выключили пульта и, откинувшись на спинки стульев, в абсолютном безмолвии слушали репортаж о полете ракеты. Каждый думал о своем.

– Андрюха, старина, замени меня в наряде, – шепнул капитан Терехов, который был едва ли не вдвое старше лейтенанта. За глаза его звали «пятнадцатилетний капитан». В виду отсутствия соответствующего образования он служил в этом звании полтора десятка лет, не имея ни малейших перспектив на повышение. – Не в службу, а в дружбу – выручай. Моя «старуха» легла на сохранение, а у дочери температура под сорок.

– Хорошо, – легко согласился Андрей. – Только забеги к моим и предупреди, что меня не будет сегодня и завтра.

– А завтра-то почему? – удивился Терехов. – Уж, не по бабам ли собрался? – пошутил он, сглаживая неловкость ситуации.

– Завтра пуск поздний, на мотовоз все равно не успеть, – пояснил молодой сослуживец. – Антон предложил остаться в части на рыбалку. В субботу уедем домой днем, по-людски.

– А жена волноваться не будет? – насторожился капитан.

– Она приучена первые три дня ждать, – улыбнулся Андрей. – Потом я либо сам объявлюсь, либо, – постучал он по столу костяшками пальцев, – печальную весть ей сообщит командир...

– Типун тебе на язык, – сплюнул Терехов. – Твоих обязательно предупрежу. Пока, – бросил он на прощание, торопясь на мотовоз.

Белой ночью бескрайняя тайга особенно величава. Солнце практически не заходит за горизонт, накрывая позолотой верхушки сосен. Офицеры в рыбацком снаряжении с удочками в руках не обращали внимания на эту красоту. Они сосредоточенно бродили по берегу быстрой таежной реки, напряженно всматриваясь в воду. Время от времени тишину нарушали радостные возгласы удачливого сослуживца. Когда улов перестал помещаться в ведре, компания решила разместиться здесь же, на берегу, не возвращаясь в часть. Дружно смастерили шалаш и уютно расположились у костра на крутом, практически отвесном склоне. Под мерное

и регулярное «набулькивание» из фляжки и ласкающее слух кипение в котелках ухи и каши друзья повели неторопливый разговор.

– Солить сегодня будет кто-то один, – строго посмотрел на молодежь Крючков, – а то, как в прошлый раз, будем грызть одни сухари. Кого назначим ответственным?

– Николашу, – кивнул на Солопова Волгин. – У него глаз – алмаз.

Николай, хоть и числился в этой компании новичком, как-то сразу расположил к себе остальных. Был выдержан, не суетлив и, главное, знал россыпь рыбацких баек. Он достал из рюкзака самодельную деревянную ложку, присел перед костром и, основательно помешивая содержимое котелков, стал вспоминать: «Помню, пацаном взяли меня мужики на рыбалку. Ловили с резиновой лодки. По дороге долго обсуждали, какой способ крепления якоря самый надежный. Сосед на полном серьезе уверял, что бросает веревку с привязанным к ней камнем в воду, а когда тот достигает дна, свободный конец наматывает себе на ногу...» Опытные рыбаки, понимая, чем это может закончиться, заулыбались, а Тополевский, не чувствовавший подвоха, искренне посочувствовал:

– Так же ловить неудобно, нога затекает.

– Беда как раз не в этом, – усмехнулся приятель. – Я добросовестно сделал все, как меня учили. Но, увлекшись, не заметил, как лодка начала дрейфовать – камень оказался легковат и не смог ее удержать. Но его веса, – интонацией подчеркнул Солопов, – оказалось достаточно, чтобы намертво зацепиться за подводную корягу. В результате – а был октябрь – я в одночасье оказался в ледяной воде. Снасти и пойманная рыба поплыли по течению, а я, связанный с камнем прочной веревкой, изображал из себя горе-поплавок, с трудом пытаюсь вынырнуть на поверхность.

– И никто не помог? – посочувствовал Крючков.

– Отчего же? Когда заметили, подошли на лодках. Едва успели. Я хоть и был мастером спорта по плаванию, уже прощался с жизнью.

– Надо же было перерезать веревку, – подсказал Волгин.

– Чем? Это я теперь тертый калач: беру на рыбалку нож, спички и запасную одежду. А в то крещение по неопытности едва не отбросил ласты. Хорошо, у мужиков нож оказался, а то некому было бы вам байки говорить, – улыбнулся Николай и, хлебнув ухи, шутливо скомандовал: – Миски готовы, раз-два!

Дважды повторять подобную команду не пришлось. Оголодавшие мужчины были наготове.

– Вкуснотища, – смачно причмокнул Тополевский. – Только бы не дождь, а то насквозь промокнем в хиленьком шалашике.

– Порыбачишь с наше, поймешь, что дело не в погоде, – исправно орудуя ложкой, подмигнул товарищам Крючков и красноречиво пояснил: – Главное, чтобы не принесло Головина.

– А он рыбак? – удивился Андрей. – С такими габаритами только неводы ворочать, а не эту мелочь на крючок цеплять.

– Федя хоть и не рыбак, но халяву за версту чувствует. И плохо придется тем, кто не успел съесть свою пайку, – подтвердил Антон.

– Его не зря «Ходячим желудком» кличут. Загляни он к нам на огонек, – останемся с носом. В том смысле, что без ужина. Ему одному этот котелок только на разминку, – поддержал Солопов, подсолонив кашу, и стал раскладывать ее по мискам.

– Да ну? – усомнился Андрей. – Мне бы на неделю хватило.

– Потому тебя и взяли, – отшутился Крючков.

– Братцы, а я ведь видел его в районе клуба, когда мы сюда собирались, – вспомнил Антон. – Потому предлагаю выпить без нахлебников.

– Не помешает, – согласился Крючков, подставляя кружку.

Только разлили, неподалеку в кустах затрещали ветки. Все насторожились и прислушались.

– Сохатый? – встревожился Тополевский.

– Не время, скорее кабан, – предположил Крючков.

– Хозяин, – уважительно вставил Солопов и заверил: – Медведь нынче шуткует. Он сытый, мимо пройдет.

– А этот на нас прет, – в волнении вскочил Андрей.

– Точно, идет напролом, – Крючков прислушался и потянулся за предусмотрительно захваченным ружьем.

– Свои это, свои! – подал из кустов голос Головин.

Все как по команде отложили ложки и опустошили кружки.

– Заждались? – толстяк бесцеремонно плюхнулся возле костра и протянул граненый стакан. – Надо выпить, – и чтобы никто не возразил, крикнул Солопову: – Наливай – знаю, у тебя всегда есть для сугрева.

Рыбак обреченно плеснул.

– И всего-то? – возмутился неожиданный гость.

Николай добавил еще немного. Головин не опускал руку. Пришлось налить ему по самые края.

– Разбавлять не будешь? – удивился Крючков.

– Зачем добро переводить? – искренне удивился Федор.

Повисла тишина. Головин споро достал свою ложку.

– Опоздал на уху что ли? – хмуро уточнил он и потянулся за кашей. – Хороша, но суховата. Так и быть, выручу, – словно бы нехотя пообещал проныра, аппетитно уплетая за обе щеки.

Настроение у всех заметно ухудшилось. Каша таяла, словно прошлогодний снег. Ел незванный гость из общего котелка, жадно и шумно. Сопел и чавкал так, что всем стало неловко. Головин без особого стеснения метал в рот все подряд – тушенку, сало, хлеб, лук. Угнаться за ним было невозможно. Все отвернулись, лишь Тополевский брезгливо наблюдал за поведением Федора. Наевшись, толстяк резко отвалился от стола и, не сказав слов благодарности, куда-то быстро исчез. Несколько минут все чего-то ждали. Потом разлили спирт, молча, словно прощаясь, сдвинули кружки, вздохнули и, опустив глаза, доели остатки пищи.

– Вот чтоб так всем плюнуть в душу! – возмутился Андрей.

– Ладно горевать. Пора спать! – скомандовал Крючков.

Подшли к шалашу и опешили – Головин, бесцеремонно развалившись на самой середине, спал сном праведника. «Сволочь», – сплюнул Солопов и пнул тушу в бок. Федор нехотя скатился в сторону. Им загородили выход и улеглись.

Поутру, шумно выбравшись из шалаша первым, здоровяк прямо на него справил малую нужду. Рыбаки недовольно переглянулись, вынужденно покинули ночное убежище и гуськом потянулись в лес. Решение проучить Головина возникло у всех практически одновременно. Вернувшись, приятели обнаружили, что толстяк, сидя на земле, спит, прислонившись спиной к сухой стенке шалаша и раскинув руки, как Христос на кресте. Ни слова не говоря, встретившись только взглядами, каждый понял, что ему в данной ситуации требуется делать. Двое аккуратно привязали его руки к стенке шалаша, другие подожгли ветки с противоположной стороны.

– Не порыбачить ли нам, друзья? – предложил Крючков.

– А он не сгорит? – забеспокоился Андрей.

– Ни хрена с ним не будет: оно не горит и не тонет. На крайний случай, умеет бегать, да и вода рядом, – нервно сплюнул Солопов.

Прятели спустились к реке. Через несколько минут мирный клев нарушил звероподобный рев наверху. По сломанным мелким березкам и стелящемуся по земле кустарнику безошибочно можно было вычислить маршрут погорельца. Он напоминал если не следы Тунгусского метеорита, то работу асфальтоукладочного катка точно. Головин, почуяв в буквальном смысле запах жареного, выворотил останки шалаша и, как Икар, с распростертыми и ярко горящими «крыльями», летел вниз по склону, сметая все на своем пути. С размаху бросившись в воду, он затих. «Всю рыбу распугал», – посетовал Тополевский. Плавающий обгоревшей задницей кверху, с привязанными к основанию шалаша руками, Головин никак не мог перевернуться на спину, чтобы сочно прокомментировать поступок сослуживцев. Те же, стоя над ним, покатывались со смеху. Слыша сипящие гортанные звуки, приятели вытащили бедолагу на берег.

– Вы что, офанарели? – пытаюсь отдышаться, прошипел тот.

– Федя, бог учил, да и мы не раз тебе намекали: не ищи легкого хлебушка, – назидал Крючков. – К друзьям с гостинцами ходят, а не обжирают их внаглую. Зла на нас не держи, – он помог страдальцу встать.

– Для сугрева-то налейте. Последний раз... – попрошайничал гость.

Все рассмеялись, а Волгин подытожил: «Неисправим»...

Глава четвертая

Поезд резко затормозил. Маша с трудом удержалась на своей полке и посмотрела на Никиту. Тот даже не шелохнулся. Мерно посапывая, он, как ребенок, раскинул руки и чему-то сладко улыбался во сне. Часы показывали начало одиннадцатого. Журналистка приподнялась и выглянула в окно. Вагон остановился напротив строения с забрызганной краской надписью «КАССА», которая, вероятно, ввиду отсутствия пассажиров была закрыта. Маша потянулась и решила размяться. Она оглянулась в поисках теплых вещей, и, стараясь не разбудить напарника, набросила на плечи его куртку. Выйдя в тамбур, с удовольствием втянула в себя ночной воздух. «Прогуляйтесь – стоянка большая, тепловоз меняют», – доверительно сообщила проводница. Журналистка спустилась на перрон, медленно прошла вперед, осмотрела обезглавленный состав и поежилась: ночи все же стали прохладными. Она собралась уже вернуться в купе, но заметила неподалеку знакомый профиль. В нескольких шагах от нее курил пожилой мужчина. Маша всмотрелась и неуверенно окликнула: «Александр Иванович?» Тот закашлялся, торопливо бросил под вагон окурочку и неуверенно оглянулся.

– Простите, забыл «глаза» в купе.

– Маша. Бывшая ведущая программы «Космодром»...

– По голосу узнал, – улыбнулся в ответ старик. – Вы нынче на центральном телевидении? Говорят, большого полета птица.

– Полет – это скорее по вашей части, товарищ Крылов.

– Правильно, что «товарищ». Нынче больше господами величают. Ну, здравствуйте! Никак снова в наши края?

– На космодром. Только не надо на «вы». Пожалуйста, – попросила журналистка, пояснив: – Не чужие ведь.

– Лады, – пообещал попутчик. – На пуск что ли едешь?

– Сделаю последний репортаж и сменю профессию: канал заказал сериал о космодроме и его людях. Надеюсь, вы по старой памяти выручите. Посидим с ветеранами, вспомним, как и с чего все начиналось. Вы же на космодроме старожила, в курсе всех подробностей, поименно помните состав исторического боевого расчета и номер площадки...

– Вот те на! – растерялся Крылов. – Начиналось ведь все не здесь...

– Как так? – опешила Маша и подсказала: – Первый пуск, космодром, пятьдесят девятый год.

– Я все отлично помню, – с обидой в голосе остановил ее старик. – Из ума пока не выжил. А вот ты, детка, видать, подзабыла, что наш стартовый комплекс на тот момент только строился. А потому первый пуск мы провели на юге, где почти год и готовился наш боевой расчет. Никак запамятовала? Ну? Вспоминай: «Ташкент-90».

– А ведь и впрямь упустила, – смутилась журналистка, – хотя сотни раз говорила экскурсантам про Тюра-Там!

...Получив после окончания училища распределение в Ташкент-90, поздним летним вечером Крылов прибыл на Казанский вокзал столицы. На перроне в ожидании поезда уже томились почти два десятка его товарищей. После объявления посадки лейтенанты, одетые в парадную форму, увешанные чемоданами, рюкзаками, тюками и даже матрасными чехлами, доверху набитыми вещами, с шумом влились в плотный пассажиропоток, привлекая к себе всеобщее внимание. Напоминая скорее веселый цыганский табор, нежели армейский строй, новоиспеченные офицеры из-за тяжести багажа двигались к вагону короткими перебежками, шутили, веселились и дурачились, подмигивая симпатичным девушкам и подтрунивая над их растерянными спутниками. Впрочем, всерьез на эту балаганную процессию никто не обижался, понимая, что молодежь надолго отправляется в дальние края, где им, скорее всего, будет не до смеха. Первопроходцев провожали добродушными улыбками, искренне желая всяческих успехов и простого человеческого счастья. «Бабуля, пожелайте нам везения», – на полном серьезе попросил перекрестившую их старушку лейтенант.

Спустя несколько дней молодые люди дружно выгружали из вагонов свой незатейливый скарб, поеживаясь от холода и позевывая с полусна. Поезд скрылся из вида, и офицеры оказались в крошечной тьме. Лишь где-то вдали отчаянно препирались цикады, а у будки смотрителя угадывались силуэты спящих верблюдов. Потому появление военного патруля молодежь восприняла с восторгом – мысль бесславно сгинуть в необитаемой степи тревожила всех.

– «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» – поприветствовал компанию начальник патруля и бодро отрапортовал. – С минуты на минуту прибудет машина и доставит вас к месту проживания.

– В гостиницу? – с надеждой поинтересовался Крылов.

– Можно и так сказать. На «Казанский вокзал», короче.

– Куда?! – опешили вмиг проснувшиеся новички.

– Кроме как на «Казанский вокзал», некуда, – заверил капитан.

– Люди, где мы? – с пафосом выкрикнул Орлов.

– «А приехал я назад, а приехал в Ленинград», – пошутил кто-то из сослуживцев.

– Ребята, не горюй, у нас свой «Казанский вокзал», – видя их замешательство, успокоил офицер. – Это ваша общага.

Пока загрузились в подъехавший автомобиль и ехали по степи, стало светать. С борта грузовика высохшая и потрескавшаяся земля производила впечатление необитаемого острова, которым, по сути, и была. Построенный здесь ракетный комплекс был предназначен для испытаний новейшей секретной техники и потому располагался вдали от любопытствующих глаз. На этой обезвоженной почве веками ничего не росло. Низкорослые тюльпаны, верблюжья колючка и перекати-поле были единственным украшением безлюдных доселе мест. Бескрайние просторы песчаных барханов простирались во всю необозримую ширь, надежно охраняя военные тайны от посторонних глаз. Извилистая лента дороги вскоре привела будущих испытателей к серебристому ангару. Войдя внутрь, молодые люди застыли от изумления. Размеры общежития поражали своей безграничностью. Оно и вправду смахивало на огромный зал ожидания покинутого не так давно столичного вокзала. Вереница панцирных кроватей убегала на десятки метров вперед. Гости недоуменно переглянулись и поежились.

- Вот это размах, – иронично прокомментировал Крылов.
- 120 койко-мест, выбирайте любое, – распорядился выросший словно из-под земли, невысокого роста комендант хозяйства.
- Интересно, сколько звезд у этой смиренной обители? – ехидно хихикнул Петренко.
- Не понял? – напрягся сверхсрочник.
- Подскажите, сколько звезд имеет в активе ваш отель, – стараясь быть серьезным, пояснил Орлов.
- Ничуть не меньше, чем на ваших погонах, – вкрадчиво ответил кто-то позади них.

Приятели, как по команде, обернулись и встретились с колючим взглядом человека в штатском. Лицо незнакомца было непроницаемым. «Вижу, звездам на ваших погонах стало тесно, товарищи лейтенанты?» – с ухмылкой поинтересовался гость. После этих слов с лиц Крылова и Орлова моментально исчезло всяческое подобие улыбки. А их невозмутимый визави спокойно уточнил: «Еще вопросы есть?» Молодые люди нахмурились и промолчали.

- Повторить вопрос?
- Никак нет! – дружно выпалили лейтенанты.
- Каждому полагается кровать, тумбочка и табурет, – пришел на выручку простоватый комендант, разряжая обстановку. – Удобства, извиняюсь, в конце коридора.
- А что здесь коридор? – по привычке попытался сострить Павел, но, видя нездоровый интерес в глазах новоиспеченного собеседника, буркнул. – Ничего себе удобства, – и принялся разбирать вещи.

«Как фамилия этого балагура?» – негромко уточнил человек в штатском у Петренко. Николай замешкался с ответом, делая вид, что запямятовал. «Не расслышал?» – стал прессинговать незнакомец. Колюня побледнел и едва слышно выдохнул: «Орлов». «Посмотрим, что за птица», – с вызовом пообещал гость и уверенно направился к выходу.

- Кто такой? – проводив его взглядом, шепотом поинтересовался у коменданта Крылов.
- Капитан Чернов из особого отдела, – пояснил тот, отводя глаза.

Наутро, приведя себя в порядок и перекусив на ходу, парни, изучая живописный портрет Главкома над дверью, дружно потянулись к выходу. «Товарищи офицеры, равнение на маршала Крылова!» – взял под козырек Орлов, косясь на красочное изображение. Чекая шаг, лейтенант шел напрямик к двери, но дорогу ему преградила женщина крупного телосложения с красной повязкой на рукаве. Другая, чуть моложе и значительно стройнее, стала рядом и развела руки в стороны, преграждая путь неумным новичкам.

– Премного благодарны за объятия, милые дамы, но нас ждет встреча с командованием, – галантно посторонился Орлов.

- Ожидайте, за вами придут, – последовал суровый ответ.
- Как скоро, сударыня? – тактично поинтересовался Павел.
- Не знаю.
- Можем ли мы пока обозреть окрестности?
- Не положено!
- Кем не положено?

Женщина вместо слов многозначительно ткнула пальцем вверх, аккуратно в портрет маршала. Брови офицера удивленно поползли вверх:

- Неужели Сам запретил? – иронично уточнил он.
- Не хами, – отрезала та, что постарше.

– Фи, и вовсе вы не милые, – Орлов повернулся к Александру и заговорщицки подмигнул приятелю: – Лейтенант Крылов, требуется ваша помощь: срочно свяжитесь с маршалом и сообщите ему, что нас без всякой на то причины почему-то держат взаперти!

- Ну и где здесь спецсвязь? – подыграл приятель.

Опешившие женщины испуганно переглянулись и буквально накрыли собой телефонный аппарат.

– Скажите, пожалуйста, можем ли мы хотя бы сделать глоток свежего воздуха? – пошел в наступление Петренко.

– Не положено! – хором выкрикнули дамы.

– А что положено? – возмутился Николай.

– Ждать.

– Ясно... – он вернулся к кровати и обреченно плюхнулся поверх покрывала.

– Колюня, самое время вздремнуть, – поддел его Орлов, взбивая жесткую подушку. – Граждане, ответственный момент, – лицо Павла озарила улыбка. – Подходите ближе! Попрошу тишины. Предлагаю коллегиально утвердить план проведения досуга!

Попытка вырваться на волю не принесла успеха ни на завтра, ни на третий, ни на пятый день. В ожидании руководства лейтенанты резались в азартные и интеллектуальные игры, травили анекдоты и байки, писали письма и острили. К концу недели запасы продовольствия, курева и терпения достигли критической отметки. В настроении офицеров появились нотки плохо скрываемой нервозности. В общегитии воцарилась атмосфера хаоса и анархии. Слоняясь без дела, Орлов выкрикивал вирши собственного сочинения:

Нас не пускают за ворота,
«До ветру» не дают пойти.
Все потому, что мудрый кто-то
Велит держать нас взаперти...

Товарищи не откликнулись и не поддержали его стихотворный протест. Решив развеселить их, Павел устроил импровизированный аукцион. С загадочным видом он извлек из тумбочки папиросу не первой свежести, втянул в себя ее «аромат» и, прыгнув с ногами на табурет, торжественно произнес:

– Внимание, внимание! Открываем сегодняшние торги. Лот номер один: папироса «Беломор». Ваша цена, господа?

– Бутерброд с заплесневевшим сыром!

– Кто больше?

– Банка «кильки» в томатном соусе, с овощами!

– Недурно. Кто больше?

– Пашка, прекрати базар! Дай поспать! – пряча голову под подушку, потребовал от приятеля Петренко.

– Полноте, друг любезный, дрыхнуть в столь знаменательный для всех нас час! – Орлов водрузил папиросу над головой. – Итак, ваши предложения, товарищи офицеры?

– Сборник стихов Евгения Евтушенко.

– Прекрасно, юноша! – Павел зажмурился и приготовился ткнуть пальцем в сторону приглянувшегося варианта. – Победил...

– Выговор! – строго произнес невесть откуда возникший полковник.

– Грубо, мой друг, скорее даже глупо, – язвительно бросил через плечо Орлов, не открывая глаз.

– Строгий выговор! – уверенно повторил командир.

Лейтенант обернулся и обескуражено замер на полуслове, едва не рухнув с табурета плашмя. Высокий гость поймал балагура на лету и гневно сверкнул глазами:

– Потрудитесь объяснить, что здесь происходит?!

– Что, что? Полный беспредел! – взорвался-таки пытавшийся заснуть Петренко и взмолился: – Замолчите, наконец!

– Что-о-о? – возмутился полковник и рявкнул: – Встать!

Из-под одеяла показалась взлохмаченная голова Колюни. Он недовольно осмотрелся, но при виде начальства мгновенно пришел в себя, испуганно вскочил и стал лихорадочно застегиваться.

– Разгильдяй! – бросил в сердцах командир. – Устроили тут цирк, понимаешь ли! Потрудитесь представиться!

– лейтенант Петренко, – с трудом выдавил из себя Николай.

От волнения ему не удавалось застегнуть верхнюю пуговицу.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться! лейтенант Крылов, – пришел на помощь товарищу Александр.

Полковник настороженно посмотрел на новичка и перевел взгляд на висевшее над входом изображение маршала. На первый взгляд, портретное сходство было очевидным. На какое-то мгновение повисла тягучая пауза. Чувствовалось, что командир прикидывает в уме, в каком родстве могут состоять Главнокомандующий и бойкий лейтенант. Молодой офицер, не отрываясь, смотрел в глаза руководителя, чем без сомнения ввел его в трепетное смятение. Командир собрался с мыслями и уже спокойнее уточнил:

– Что у вас?

– Поясните, почему советские офицеры, дипломированные специалисты, коммунисты, шестые сутки сидят без еды и питья. Нам даже не позволяют выйти на свежий воздух.

Полковник побледнел. Чуть ниже его волевого подбородка вздулись и стали отчаянно пульсировать желваки. Он искал глазами Чернова.

– Товарищ полковник, – суетливо вступил в разговор молчун, – я сейчас все доложу...

– Доложишь, капитан, по всем статьям доложишь! – пригрозил командир. – Почему люди столько времени не на объекте?

– Пропуска оформляем!

– Так ведь не на Луну!

Особист опустил глаза и не ответил.

– Товарищи офицеры, – обратился к молодежи начальник. – Я командир части полковник Зубов. Прошу извинить за создавшуюся ситуацию. Виновные будут наказаны! – сухо пообещал он, направляясь к выходу, и уже у двери добавил: – Сейчас вас доставят в столовую, а через два часа всем быть в МИКе. – Зубов бросил строгий взгляд на Чернова. – Тебе все ясно?

– Так точно, товарищ полковник! – буркнул тот.

Дальнейшая напряженная работа сгладила остроту конфликта. Вникнув в ситуацию и видя безудержное стремление молодых офицеров овладеть знаниями и профессией, Зубов с легкостью вычеркнул из памяти недавний инцидент. При появлении командира лейтенанты открыто делились с ним самым сокровенным. Полковник охотно и подолгу беседовал с будущей сменой, давая бесценные рекомендации и советы. Со временем его отношения с новичками стали по-отечески доверительными. Если они и спорили, то вдумчиво, прислушиваясь к аргументам сторон. Если обменивались мнениями, то, не горячась, высказываясь обстоятельно и уважительно. Уже к концу первого месяца Зубов знал о своих подопечных все. Кто и на ком женат, какие испытывает трудности и в какой помощи нуждается. Ему было известно, как молодежь проводит свой досуг, чем увлекается, с кем переписывается, какие строит планы на будущее. Руководитель от бога, он щедро делился опытом и искренне радовался, когда новый боевой расчет окончательно освоился и перешел с ракетой на «ты», досконально вникнув в каждую мелочь и изучив «изделие», как свои пять пальцев.

Спустя пару месяцев боевой расчет построился недалеко от установленной на старте ракеты. На фоне темного неба в свете прожекторов ее корпус смотрелся грациозно и величественно. Рядом со старшими товарищами стояла молодежь – Крылов, Орлов, Петренко. Зубов прокашлялся и осмотрел строй: «Товарищи! Наше обучение завершено. Сегодня Родина доверила нам проведение первого пуска собственными силами. От того, как мы справимся с этой задачей, зависит очень многое. Всех нас уже ждали в месте постоянной дислокации. Часть станет нашим домом, куда мы вскоре перевезем свои семьи. А пока от нас требуется только одно: показать свое умение, – полковник выдержал паузу и торжественно произнес: – Приказываю приступить к подготовке ракеты к пуску! К бою!» Все бросились по рабочим местам. Через несколько часов напряженной работы из динамика донеслось: «Внимание! Минутная готовность!» В звенящей от напряжения тишине время метрономом отстукивало секунду за секундой. И вот прозвучала заветная команда: «Пуск!» Вихрем взлетели над землей миллионы песчинок, увлекаемые воздушным потоком в бешеную пляску. Небо озарилось огненными сполохами, освещая степь на десятки километров вокруг. Присутствующие заворожено следили за плавным подъемом земной посланницы. Грохот ее прощальных аккордов эхом отдавался в каждом из сотен сердец ее творцов. Свершилось! Победа!

Ракета с ревом покинула стартовый стол, растворившись в плотной пелене облаков, а боевой расчет какое-то время стоял без движения, с волнением прислушиваясь к затихающему гулу. Многомесячный период подготовки остался позади...

Договорившись с Крыловым о встрече на космодроме, Маша вернулась в купе и прилегла. Никита по-прежнему крепко спал. Ее восхищала способность коллеги в дороге ли, в гостинице или на рабочем месте отключаться до такой степени безмятежно, поскольку самой заснуть под стук вагонных колес удавалось с трудом и то лишь под утро. Сегодняшняя ночь не стала исключением. Свет уличного фонаря резко ударил по глазам. Журналистка вздрогнула и села. За стеклом проплывали здания времен далеких 80-х. Рой нахлынувших воспоминаний беззастенчиво вытеснил робкое подобие сна.

Глава пятая

...До прихода Маши в ГДО кабинет инструктора по культурно-художественной работе представлял собой заброшенный танцкласс, с помутневшими от времени зеркалами в человеческий рост вдоль стен. Она быстро превратила его в мини-оранжерею. Горшки и вазы с цветами на рабочем столе мирно соседствовали с книгами, журналами, сборниками стихов и песен. Растения были всюду – на окнах и шкафах, на стенах и даже на стульях. Готовясь к проведению очередного вечера отдыха, Маша старательно изучала незаезженные шарады и брала на заметку новые конкурсы. Дверь открылась без стука, вошла Сундукова. На ней было темно зеленое платье миди с шалью грязно-желтого цвета через плечо. Колготы почему-то тоже отливали зеленью, подчеркивая дефекты и без того не очень ладных ног. «Не помешаю?» – Марьяна царственно оглядела себя в зеркалах и предусмотрительно выглянула в распахнутое окно. Сделав звук радио громче, она села напротив.

– А ты молодец, целый Ботанический сад организовала! Не рассказать ли о тебе в воскресной радиопередаче?

– Не стоит, – Маша захлопнула книгу. – Что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Иначе бы ты не пришла.

– Захотелось немного посекретничать, – пропустила мимо ушей последнее замечание гостя. – Вижу, готовишься к открытию танцевального зала? – кивнула она на ворох записей.

– Завтра торжественно перережем ленточку. Вот тебе и сюжет.

– Кстати, открывать зал будет генерал Петров, – Сундукова оглянулась на дверь, неприужденно откинулась на спинку кресла и понизила голос. – Человек он интеллигентный и, как ты понимаешь, с огромными связями. Советую воспользоваться ситуацией и завести с ним личное знакомство, – многозначительно шепнула она и уже для кого-то в коридоре громко подытожила: – И ни с кем ничего не обсуждай, даже в полголоса – со всех щелей растут уши!

Из-за двери раздался звук спешно удаляющихся шагов. Марьяна самодовольно хмыкнула:

- Как видишь, ловят каждое слово...
- Чтобы цитировать? – шутливо поддела Маша.
- ... чтобы перевернуть и потом разнести по всему гарнизону.
- Слава весьма обременительна.

Сундукова уловила ее интонацию и улыбнулась в ответ.

– А ты не так проста, как кажешься! – скорее всего, повторила чью-то мысль радиодива и хитро подмигнула. – Лично я полагаю, что без амбиций творческий человек ничего не добьется. Даже наши античные предки были убеждены, что цель оправдывает средства.

– Насколько мне известно, эту точку зрения опровергают советские педагоги, считая эту идеологию разрушительной и крайне опасной...

– В тебе что-то есть, – удовлетворенно кивнула Марьяна.

Она пересела на подоконник и повернула кресло с Машей к себе, чтобы смотреть в лицо. Шарниры протяжно заскрипели. Сундукова отточенным движением достала сигарету и протянула пачку собеседнице. Та вежливо отказалась.

– А ты еще и не куришь? Вот так сюрприз.

Сквозняком распахнуло входную дверь. Маша встала, чтобы закрыть ее. Ветер разметал ее длинные локоны, разом превратив то ли в русалку, то ли в колдунью. Марьяна оценила статную фигуру, красивую походку и плавность движений новоиспеченной коллеги. Поймав взгляд гостьи, хозяйка кабинета почувствовала неловкость.

– Ты права, я по делу, – сняла напряжение Сундукова, забросив ногу на ногу. – Ухожу на диплом, а дела сдать некому. Выручай – подмени хотя бы на время. Без своих радиопередач городу оставаться нельзя. Они не бог весть какие, – самокритично заметила она, – но должны выходить в эфир ежедневно. Схема донельзя проста: звонкий репортаж из части или славные городские новости, после чего – объявления, поздравления, прогноз погоды. График очередности отработан годами. Понедельник, среда, пятница – военные. Вторник, четверг – культура, школы, детсады. Суббота – рапорт доблестной милиции о происшествиях за неделю. В воскресенье – концерт по заявкам и объявления. В этот день, кстати, если будет потребность в самовыражении, можно сделать сюжет для души, – Марьяна хитро подмигнула своему зеркальному отражению. – Из года в год работаем по накатанной схеме. Срыв невозможен, поскольку за прибытие офицеров отвечает политотдел. Они сами редактируют тексты, проверяя наличие в них секретов и контролируя дикцию ораторов. Так что – никаких проблем и накладок. Придет чтец, отбарабанит свои записи – и адью. Кстати, если тебя не будет, его запишет оператор. А потом смонтирует и добавит твои слова. У нас ведь не прямой эфир – что надо подчистим, подправим, вырежем.

– А зачем тогда ведущая? Я со школьной скамьи работала только вживую, не говоря об университете.

– Вчерашний день! При записи чище звук, невозможны оговорки и ошибки, можно наложить музыку. Диктору достаточно грамотно дописать заставки и объявления. Должен же кто-то представить героя дня, озвучив заодно киносюжеты, распорядок работы бытового комбината и домовой кухни, – иронично призналась Сундукова. – К примеру, сегодня принесли очередной шедевр, где значится, что возобновила работу городская баня, – и процитировала: – «Мужское и женское отделения работают одновременно».

Приятельницы переглянулись и расхохотались.

– И кому нужны такие передачи? – уточнила Маша.

– Начальству. Они их вполне устраивают.

– А горожан?

– Люди их даже не слушают. Революции и потрясения им ни к чему. В военном гарнизоне главное что? Правильно: спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

– А почему нельзя дать в эфир репортаж о работе сферы быта или с места событий, который возьмет за живое?

– Каких событий? Открытие бани после ремонта? Или утренник в детском саду? Не смейся! Не станешь же ты говорить, что майор Н. ушел от жены, а у директрисы новой школы молодой любовник.

– Можно рассказать о работе лучших врачей или педагогов.

– И нажать кучу врагов! – с сарказмом усмехнулась гостья. – Тебе это надо? Работы на два дня, а обид до конца жизни.

– Почему обид?

– Потому что всегда есть завистники, которые скажут, что их стаж больше, а заслуги значимее и рассказывать надобно только о них, а не о какой-то там Марье Ивановне.

– А нештатные ситуации на пуске? Людям будет интересно.

– Ты в своем уме? Думаешь, что говоришь! В работе советских военных и отечественной техники нет и не может быть сбоев. По определению. Иная информация на руку лишь врагам, – перешла на шепот Марьяна. – Нештатная ситуация – это всегда чья-то ошибка. Ее обсуждать нельзя, иначе тобой заинтересуются органы. А от них лучше держаться в стороне...

– Должно же быть что-то интересное, для души!

– Сколько угодно! Вот заедут к нам московские артисты со сборным концертом или писатель какой-нибудь пожалует – стряпай себе на здоровье интервью для радиогурманов. Разговоров будет на неделю. Потом повторишь этот сюжет «по многочисленным заявкам слушателей», – хохотнула Сундукова.

– К чему кого-то ждать? Можно подготовить обзор прессы.

– Сразу видно, что радио ты не слушаешь, иначе была бы в курсе, что библиотека ежемесячно анонсирует книжные новинки. А газеты каждый выписывает на свой вкус. Что в них обобщать? Сплошные передовицы! Поверь моему опыту, подобные инициативы наказуемы. Нашим людям больше всего нравится слушать себя, любимых. Их хлебом не корми, дай пробыться в эфир и высказаться о концерте или параде. Я раньше наивно брала интервью прямо на улице. Очередь выстраивалась – будь здоров. А назавтра все шептались, что можно было найти более интересных собеседников. Поначалу жутко переживала, а потом сделала оргвыводы и переместилась исключительно в студию. Зову только нужных людей. Завистников, конечно, не убавилось, а вот полезных знакомств стало в разы больше. Рекомендую не нарушать традиций – целее будешь.

– А ты не допускаешь мысли, что люди искренне хотят поделиться впечатлениями, вот и переживают.

– Не смейся меня! Они переживают, что записали соседа, а не его. Только и всего.

– Ты несправедлива. Амбиции здесь не причем, тем более ты говоришь, что радио никто не слушает, – возразила Маша.

– Святая простота! Слушают все, но при случае брезгливо вворачивают: «Я местную «говорилку» даже не включаю».

– Ты злая.

– Пусть так, – не стала возражать Марьяна, пристально глядя в глаза собеседнице. – Так ты меня выручишь? Без твоего согласия меня не отпустят, а диплом пока в зачаточном состоянии.

– Надолго?

– Могла бы солгать, что на месяц, – она задумалась, – но ведь не уложусь. Месяца два, а то и три. Имей в виду, желающих заменить меня – хоть отбавляй. Просто я искренне хочу дать тебе шанс прописаться на местном Олимпе, поскольку мне импонирует твоя независимость. Впрочем, имеешь полное право отказаться... – не оборачиваясь, гостя направила к двери и уже через плечо бросила: – Поразмысли на досуге – загляну после обеда.

Маша хотела удержать коллегу, но вовремя передумала. Жалости та не приемлет, а в утешениях не нуждается. Она лишь сейчас отчетливо поняла, что Сундукова, в сущности, глубоко одинока и практически беззащитна.

...Марьяна выросла в многодетной семье богом забытого села в молдавской глубинке. На фоне равнодушных к учебе сверстников девочка не хватала звезд с неба, но при этом отчетливо понимала, что вырваться из цепких лап сельского быта поможет только диплом о высшем образовании, а потому к намеченной цели шла поступательно. Не без труда стала студенткой пединститута неподалеку от дома, но чрезмерными занятиями себя не утруждала, отлично понимая, что обучение синтаксису и пунктуации юных полеводов и механизаторов не имеет ничего общего с ее радужными мечтами о будущем.

Когда в конце первого семестра на один из факультетских вечеров заглянул брат ее сокурсницы, Сундукова не придала этому факту абсолютно никакого значения, пока подруга не шепнула ей по секрету, что огненно-рыжий коротышка в следующем году выпускается из военного училища. Распушив волосы, как павлин хвост, Марьяна пригласила гостя на белый танец. Преодолев робость, он чуть позже последовал примеру девушки. Под занавес парень топтался уже не так неуклюже, но все еще краснел от каждого слова и прикосновения. Проводив подружек до входа в общежитие, Игорь пожелал им спокойной ночи и направился на вокзал, так как заночевать в городе было негде. Марьяна развернула его и устроила на ночлег в комнату выпускников, которые разъехались на практику. В благодарность молодой человек пригласил ее в кино. Через день они перешли на «ты». Через три гуляли каждый вечер в парке, а к концу недели знали друг о друге практически все. Когда отпуск будущего офицера завершился, молодые люди обменялись адресами и стали писать друг другу едва ли не каждый день. Окрыленный Игорь – с энтузиазмом, флегматичная Марьяна – с прицелом в будущее.

Ближе к весне студентка получила официальное предложение руки и сердца – кавалер признавался ей в любви и звал замуж. Сказать, что она с детства мечтала заполучить фамилию Сундукова, девушка не могла. Но, трезво взвесив все «за» и «против», убедила себя, что прозябание в сельской школе под звучной девичьей фамилией с перспективой остаться в старых девах претит ее деятельной натуре. Без особых раздумий она приняла предложение неприятельного поклонника, перевелась на заочное отделение и последовала за мужем в таежный гарнизон.

На новом месте судьба оказалась к ней весьма благосклонной, преподнесла в дар шанс с перспективой. Вскоре после рождения дочери освободилось место в приемной недавно приступившего к исполнению своих обязанностей начальника политотдела. Немолодой полковник хотел видеть рядом с собой работающую молодую сотрудницу весьма скромной наружности, но непременно с творческими задатками. Как говорится, и жене спокойней, и делу на пользу. Дебют Марьяны был замечен: ей удалось разбавить наискуднейший отчетный доклад шефа парой-тройкой ярких афоризмов и удачными литературными сравнениями. По этой причине во время очередной партконференции публика в заполненном до предела актовом зале ГДО впервые не зевала. Бодров по достоинству оценил способности трудолюбивой помощницы. Чем удачнее Сундукова добавляла «изюма» и «перца» в публичные опусы своего начальника, тем быстрее продвигался по службе ее муж.

По рекомендации Бодрова Игорь быстро сменил род деятельности и переквалифицировался из инженеров в замполиты. Вскоре шеф жены получил генеральский чин, в связи с чем карьерный рост его протеже стремительно стал набирать обороты: когда в гарнизонной радиостудии появилась заветная вакансия, лакомый кусочек достался именно Марьяне. Молодая женщина с удовольствием заняла значимый в гарнизонной иерархии пост диктора и уверенно расположилась в самом уютном крыле Дома офицеров. Нельзя сказать, что ее появление вызвало восторг многочисленных претенденток на это кресло, каждая из которых втайне от конкуренток не один год лелеяла радужные планы. В юной выскочке им не нравилось абсолютно все. Но сей факт нимало не смутил успешную поднатореть в коридорах власти Сундукову. Не заметить, что ее передачи отличаются стилем и новизной, было сложно. А это, как известно, не только привлекает внимание, но и вызывает бурный протест. Впрочем, поддержка высокого начальства гарантировала Марьяне отсутствие официальной критики. В противовес чему «сарафанное радио» быстро превратило ее в объект многочисленных пересудов и сплетен. Современные специалисты по пиару советуют своим заказчикам поднимать рейтинги популярности с помощью именно этого оружия. Существенно опередив время и рекомендации политтехнологов, Сундукова уверенно шагнула в круг избранных.

Как правило, дверь на местный Олимп дамам открывали большие звезды на погонах мужей. В отличие от жен комсостава радиодива не имела за спиной влиятельного супруга, но она была молода, стройна и умела виртуозно поддерживать любую беседу. Возраст и эрудиция давали ей неоспоримое преимущество и со временем стали своеобразной визитной карточкой. В гарнизонной Табели о рангах появилась в высшей степени демократичная категория, олицетворением которой стала Марьяна. Ее весомый статус обсуждали все, кому не лень. Одни с явной неприязнью, другие с откровенной завистью. Триумфаторша смотрела на многочисленных недоброжелателей свысока, игнорируя любые кривотолки. Получив со временем беспрепятственный доступ в святая святых военоторговских складов, она на зависть окружающим стала одеваться броско и модно, от природы обладая при этом фигурой и ростом манекенщицы. Впрочем, Сундукова не часто позволяла себе покупку импортных новинок. Выросшая в семье без недостатка, она научилась шить и вязать наряды своими руками и делала это с превеликим удовольствием. При этом Марьяна каждый месяц выкраивала из скромного бюджета семьи и отправляла матери значительную сумму, заботясь об оставшихся сиротах племянниках. Их благополучие и радости маленькой дочки тревожили вчерашнюю провинциалку несравненно больше праздной болтовни недругов. Прекрасно сознавая, что карта жизни изобилует великим множеством далеко не безопасных ловушек, Сундукова прилагала немало усилий, чтобы не спугнуть удачу, и считала непозволительной роскошью отвлекаться на сплетников и пустяки.

Маша мысленно пожелала Марьяне успехов и принялась за доработку сценария танцевального вечера, не сразу заметив, что рабочий день давно завершен. Отложив в сторону пособия и методички, она спешно заперла кабинет и отправилась сдавать ключи.

В малом актовом зале бурно дискуссировали – за приоткрытой дверью шло заседание женсовета одной из частей. Шум спровоцировал один из пунктов доклада Бедоносовой. Навалившись нескладной фигурой на небольшую трибуну, активистка сухо отчитывалась перед коллективом.

– ...Вот вкратце тот объем работы, который проделан женсоветом за отчетный период, – она взглядом чербера осмотрела собравшихся. – Скажу откровенно, на фоне других коллективов мы все еще на высоте, но используем далеко не все резервы. Например, Ада Сергеевна могла бы отдавать общественной работе больше сил, времени и энтузиазма. Но с тех пор, как она стала методистом, ее рвение заметно поулегло.

– Возражаю! – с вызовом вскочила с места тощая дамочка с весьма отталкивающей внешностью. – В минувшем полугодии мы внедрили массу новых разработок. Конкурс рукоделий,

например, взят на вооружение другими коллективами гарнизона. А лучшие сценарии проведения семейных праздников обсуждались даже на окружном семинаре, после чего меня пригласили выступить перед столичными активистами, – поучительно акцентировала она.

– К сожалению, руководство гарнизона может оплатить командировку только одному участнику, – с показной горечью возликовала Бедоносова. – Придется ехать мне. Но вы не волнуйтесь – я расскажу обо всех наших находках, – спешно заверила она.

– Давайте поздравим Аду Сергеевну, – выкрикнули с последнего ряда. – Воспитатели ее детсада стали лучшими на районном смотре-конкурсе. А это, прежде всего, заслуга толкового методиста!

– Поздравляю, – нехотя кивнула докладчица и не удержалась от комментария: – Легко работать, когда муж – командир части. Митрофановой фамилия помогает.

– Приказать воспитателям работать лучше мой муж не в состоянии, – съехидничала Ада и с намеком подытожила: – Каждый трудится в силу своих способностей и талантов.

– Но у командира значительно больше возможностей.

– Можно подумать, он лично проводит занятия с детьми и подтирает им носы! – Ада вышла к трибуне и, намеренно заслонив собой соперницу, повернулась лицом к аудитории. – Дорогие женщины, я пришла не отчитываться – моя работа как на ладони и в оценке Анны Алексеевны не нуждается. Просто Илья Федорович возглавил соседнюю часть, и я вынуждена попрощаться с нашим славным коллективом.

– Нам будет вас не хватать, – с радостным блеском в глазах сообщила из-за ее спины докладчица, упорно не желая покидать сцену. – Не сомневаюсь, что теперь и ваша карьера быстро пойдет в гору, и в скором будущем вы возглавите детский сад.

Митрофанова не среагировала на укол и продолжила:

– Милые дамы, благодарю вас за поддержку и высокую оценку моей работы, – она театрально приложила руку к сердцу, изображая поклон. – Надеюсь, мой уход никак не скажется на успехах вашего коллектива.

– Не сомневайтесь, – в пику ей вставила Бедоносова, возникнув из-за спины Ады, но время победных реляций было упущено.

Аудитория бурно обсуждала уход претендентки, не обращая внимания на усилия Анны, лицо которой исказила злоба. Когда заседатели стали расходиться, председатель женсовета призывно выкрикнула: «Женщины, задержитесь на минутку. Желающие поехать на экскурсию по монастырям, записывайтесь у меня», – она, словно знаменем, размахивала над головой листом бумаги. Небрежно швырнув сумку в кресло первого ряда, Бедоносова гордо вернулась за стол президиума.

Обгоняя друг друга, дамы поспешили к импровизированной сцене. Лишь Митрофанова направилась к выходу. У двери в глаза ей бросился плащ конкурентки. Ада оглянулась и, удивившись, что женщины плотно обступили стол президиума и не обращают на нее ни малейшего внимания, достала из ридикюля небольшую косметичку, извлекла из нее несколько засушенных цветков, наклонилась и, делая вид, что поправляет туфли, незаметно посыпала одежду активистки лепестками, что-то шепнув при этом. Швырнув следом припасенную в кармане куртки горсть песка, возмутительница спокойствия, не озираясь, стремительно покинула помещение.

Чтобы не столкнуться лоб в лоб, Маше пришлось отступить за колонну. Заглянув в зал, она решила не испытывать судьбу и невзначай уронила одежду Бедоносовой на пол, разом стряхнув и лепестки, и песок. «Маша, есть местечко на экскурсию», – заметив ее, предложила Анна. «Увы, я занята», – с чувством выполненного долга открестилась гостья.

Ближе к вечеру в дверь Машиного кабинета как-то странно постучали. Хозяйка удивленно прислушалась, отложила в сторону книги и предложила войти. Но глухой звук повто-

рился снова. Маша распахнула дверь и едва не сбила с ног стоящую спиной Марьяну – обе ее руки были заняты цветочными горшками, потому стучала она каблуком туфельки. «Вот, – протянула фиалки гостя. – Почему-то ни дома, ни в студии никак не могут прижиться. Может, в твоей оранжерее оживут?» Маша улыбнулась и пригласила Сундукову войти. Та определила цветы на выдавший виды армейский сейф и села напротив:

– Есть еще парочка гераней, но поскольку ее считают признаком мещанского вкуса, предложить не решаюсь.

– А я люблю герань. Неприхотлива, цветет ярко и долго.

Женщины посмотрели друг на друга и улыбнулись.

– Ну, я пошла, – журналистка направилась к выходу.

– Марьяна, – окликнула ее коллега. Та замерла. – Спасибо!

– Не стоит благодарностей. Пока!

– Я заменю тебя, – пообещала вслед ей Маша. – Не за цветы, разумеется, а по дружбе. Радиослушатели ведь не виноваты, что тебе требуется второе образование. Интересно только, зачем? Ты ведь и так ...почти журналист.

Сундукова легкокрылой птахой развернулась на одних шпильках, вздохнула с нескрываемым облегчением и многозначительно подняла вверх указательный палец.

– Помнишь песенку про то, что «почти» не считается? То-то. В Москве, куда я непременно попаду, диплом журфака МГУ поможет мне распахнуть любые двери.

Через несколько дней в ГДО торжественно открывали новый танцевальный зал. На небольшой эстраде компактно расположился духовой оркестр. Во вмонтированных в стены зеркалах отражались тугие связки шаров и незамысловатые гирлянды из полевых цветов, по-армейски обрамленные еловыми ветками. Вход в зал был перекрыт алой атласной лентой. В холле слышалось волнение праздничной толпы, нетерпеливо напиравшей на солдат оцепления. Ревенко с новенькими погонами подполковника на плечах критично рассматривал Машу, ища, к чему бы придраться.

– Микрофон? – сухо поинтересовался он.

– Сзади вас. Исправно работает.

Она дала знак оператору, тот с удовольствием продемонстрировал звуковые возможности аппаратуры. От душераздирающего свиста у подполковника заложило уши, он поморщился и скрестил руки, давая отмашку. Солдат щелкнул тумблером, стало тихо.

– А поднос?

– Вот, – скрывая вздох, продемонстрировала Маша.

– Ножницы?

– Две пары. С янтарными ручками, как вы и рекомендовали.

– Салфетка...

– Целый рушник, – нахмурилась ведущая. – Призы участникам конкурса в большой коробке у сцены. Шампанское и поднос с бокалами будет держать ваша супруга.

– Ножницы, конечно же, тупые, – процедил сквозь зубы шеф.

– Завхоз лично точил! – отчаянно выкрикнула собеседница. – Может, пора уже же звать начальство?

– Я сам знаю, когда и что пора! – отрезал Ревенко, уходя.

Вскоре во главе подуставшей от длительного ожидания толпы на пороге зала появились Петров и Бодров. Оба генерала были одеты в парадную форму и находились в приподнятом настроении. Сдерживая напор желающих отдохнуть, они замерли у красной ленты. Маша протянула руководству космодрома поднос с ножницами. Бодров спешно взял один из них, поднес к уху и несколько раз игриво щелкнул, проверяя остроту на слух. Рядом с богатырской фигурой красавца Петрова замполит выглядел до неприятия комично. Командир снисходительно

посмотрел на своего заместителя сверху вниз и перевел взгляд на Машу. Персиковый цвет платья нежным румянцем отразился на ее пылающих от волнения щеках. Роскошные светлые волосы искрились в лучах солнца. Молодая женщина ловким движением поправила непослушные локоны, но глаз не отвела. Генералу это понравилось.

– Со сцены вы смотрите выше, – добродушно улыбнулся командир и повысил голос. – Предлагаю доверить открытие зала его прекрасной хозяйке. Она это заслужила, – Петров торжественно передал ножницы Маше и подбодрил: – Смелее, желающие потанцевать заждались!

Смущенный поступком шефа, Бодров спрятал свои ножницы за спину. Ревенко забрал у Маши поднос и услужливо протянул его начальнику. Тот положил ножницы и покровительственно прошепелявил:

– Фы можете начинать. Публика ждет!

Под вспышку камеры местного фотокорреспондента Маша, немного смущаясь, перерезала ленту. Оркестр грянул туш. Зал зааплодировал. Петров направился к микрофону. Бодров поманил к себе Ревенко.

– Как, гофоришь, зофут эту нимфу?

– Маша. Мария Андреевна Пилипенко.

– Замужем?

– Еще как!

Генерал одобрительно улыбнулся и перевел взгляд на патрона. Петров был краток. Пожелав всем хорошего отдыха, он осмотрелся. Маша забрала у командира микрофон и объявила: «Дорогие друзья! Зал открыт для вас! Давайте веселиться! Маэстро, музыку!» Заиграли вальс «На сопках Манчжурии». Гости в нерешительности подпирали стены. Петров чинно приблизился к ведущей, протянул руку и грациозным поклоном головы пригласил ее на танец. За их спинами пробежал удивленный шепоток. Маша смущенно заметила, что она при исполнении. «А я, по-вашему, нет? Давайте подадим пример, чтобы люди не уснули от скуки. Синдром присутствия начальства, знаете ли», – тихо пояснил генерал. Маша и не заметила, как они закружились в вальсе. Элегантная пара скользила по паркету легко и непринужденно, будто бы делала это не в первый раз. Их заразительному примеру вскоре последовало большинство собравшихся.

– Вот видите, я был прав, – улыбнулся Петров.

– Вы великолепно танцуете, – похвалила его Маша.

– А я все стараюсь делать только так.

По завершении танца, вернув партнершу на прежнее место, командир поискал глазами Бодрова и незаметно кивнул на дверь. «Успехов вам, – попрощался он с Машей. – Будут трудности, обращайтесь». На последних словах Ревенко недоверчиво покосился на подчиненную и удивленно цокнул.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Петров двинулся к выходу. При ходьбе его густая шевелюра подернулась легкими волнами. Своим величием и независимостью генерал напоминал Петра Первого. Почти вприпрыжку за начальником проследовал его заместитель, с кем-то важно раскланиваясь на ходу. Вместе этот дуэт производил странное впечатление и вызывал добродушные улыбки...

Глава шестая

Поезд качнуло, он пошел под уклон. Но Маша уже не почувствовала этого – она спала.

Утром ее разбудил вкрадчивый голос Никиты: «Марья-краса длинная коса, вещи надобно сложить – пришло время выходить». Маша испуганно открыла глаза, вскочила и выглянула в окно. О скором прибытии не говорило буквально ничего. Оператор протянул ей банку с пивом, подмигнул и благодушно улыбнулся.

– Шутка! Заскучал я, Маня. Прошвырнемся в ресторан?

– Обойдусь чаем, – буркнула Маша, открывая ноутбук.
– Некомпанейская ты дама! – возмутился напарник, покидая купе. – Ты, как знаешь, а лично мне пора на дозаправку.

Едва он исчез, в дверь постучалась проводница.

– Выручайте. Очень надо, – взмолилась она.

– Что случилось? – отложила компьютер Маша.

– Хочу попросить вас потесниться. Всего на часок-другой.

– Нас и так двое. Если только Карлсона на крышу.

– Так ведь не за себя, за ребенка прошу. В больницу везут.

Проводница втолкнула в купе растерянную моложавую селянку. Позади нее обреченно топтался мальчуган лет семи-восьми в огромной медвежьей шапке. На вид ребенок был абсолютно здоров и беззаботно улыбался щербатым ртом. Мать же, теребя угол цветастой шали, с трудом сдерживала слезы:

– Я по всем вагонам пробежалась – без билетов не берут...

– Да что у вас стряслось-то? – уточнила журналистка.

– Вот! – гостя рывком сняла с головы сына шапку, под которой оголилась ...внушительных размеров хрустальная ваза.

От неожиданности Маша не удержалась и рассмеялась. Мальчуган повеселел, скорчил рожицу и радостно улыбнулся в ответ. Мать отвесила ему подзатыльник. Маша охнула и интуитивно выставила вперед руки, пытаясь подхватить вазу.

– Ни за какие коврижки не слетит – кого только не просила, – смахнула слезы женщина и пояснила: – Этот балбес царем себя возомнил и вазу на башку напялил. Нетути у нас такого доктора, чтоб помог. Фельдшерица велела везти в райцентр. А билетов в кассе нет.

– Входите, – смущенно потеснилась Маша.

– Вот спасибо, а я вам за это чаек организую, – благодарно улыбнулась проводница.

Выходя из купе, она еще раз взглянула на парня и, приснув от смеха, скрылась в коридоре. Мальчишка никак не реагировал на смешки. Сбросив куртку и ботинки, он по-деловому устроился на Никитиной полке у окна, поджал ноги и стал рисовать в потрепанной тетрадке какой-то замысловатый узор, облизывая от усердия потрескавшиеся губы. Мать нерешительно переминалась с ноги на ногу. Маша пригласила ее присесть, передвинувшись к юному дарованию.

– Как звать-то тебя, герой?

– Васек, – не отрываясь, добродушно улыбнулся паренек.

– А зубы где потерял?

– Носился с пацанами в казаки-разбойники, вот со всей дури в дерево и угодил. Зубы посыпались, как орехи, – пояснила мать. – Это еще что. Вчера играли в школе в прятки. Все дети как дети, а мой и тут учудил. Залез в столовой в печь, да и прикемарил. А когда Матрена хотела развести огонь, выскочил, как черт из табакерки. Баба орала, что есть мочи и с испугу разнесла полкухни. Ныне вот заикается. А Васька от страха забился промеж посудной стойкой и стеной и застрял. Пока плотник протрезвел, пока полку разобрали... – сетовала женщина. – Теперь вот за чашки с тарелками плати.

– Дела, – подмигнула юному озорнику Маша и посмотрела на мать. – Даст бог, доктор поможет. И наш шалунишка больше не будет баловаться. Верно, Васек?

Мальчуган кивнул в ответ. Вместе с его головой накренилась и ваза. Тополевская инстинктивно подставила ладони. Мать снова всхлипнула.

– Как же не будет. Минувшей зимой удумал быть рыцарем, напялил на сырую башку кастрюлю, да и выбег на мороз. А она возьми да и примерзни к волосам. Баню топили, чтобы снять. Одна с ним маета!

– Да не примерзла она, это Ванька мне палкой сверху шандарахнул, – поправил ее сын. – Он сказал, что я – гвоздь, а он – молоток...

Маша, давась от хохота, уткнулась лицом в подушку, живо представив желторотого попутчика с кастрюлей на голове.

– Васек, ты бы поберег мать, – сквозь смех попросила она.

– Видать, при жизни не дождусь, – посетовала селянка. – Третьего дня смастерил из льняной простыни парашют, да и сиганул с ели. Полдня провисел, пока сняли.

– Ветер не туда подул, – уточнил Василий, гордо демонстрируя матери рисунок. – Глянька.

Та, не оборачиваясь, отмахнулась. Маша, напротив, с интересом изучила детский шедевр. Озорной царь в короне набекрень, больше смахивающей на несуразную вазу, игриво подмигивал с трона. Надо признаться, для семи-восьми лет нарисовано было весьма недурно.

В этот момент вернулся Никита. При виде коронованного гостя он едва не выронил увесистые пакеты со спиртным, всевозможными нарезками, коробками конфет и прочими вкусностями. Поздоровавшись, изумленно осматрелся и, изучив сооружение на голове Василия, выразительно присвистнул.

– Офигеть! Парень, ты с каких небес?

– Это Васек. Он неудачно поиграл в царя, – представила Маша.

– Вижу, что не в дровосека, – хмыкнул оператор.

– Это корона, – с достоинством пояснил мальчик.

– Ясно, что не шлем, – Никита почесал затылок и многозначительно подмигнул коллеге. – Сварганим «бантик»?

– Не так сразу, – заговорщицки подмигнула она.

Вошла проводница с подносом.

– Вот вам чаек, угощайтесь...

– Что там нам бог послал? – кивнула на пакеты Маша.

Оператор с опаской покосился на увенчанного короной юного попутчика и протянул ему огромный апельсин. Мальчик беззубо улыбнулся и сдержанно поблагодарил.

– Привет от местных бизнесменов, – Никита выставил на стол коньяк с шампанским и выложил разносолы. – Я их вчера заснял для перебивки. Весьма колоритные мужики. Сплошь в коже и мехах.

– Охотники?

– Заготовители, – подсказала гостя.

– Подношение от благодарных поклонников твоего могучего таланта, так сказать, – подмигнул оператор, протягивая объемный сверток. – А это – персональный привет от Курякина из нашего прошлогоднего сюжета. Поди, уже и забыла бородатого чудака?

– Такого забудешь, – нахмурилась Маша.

– Здесь сушеные грибы-ягоды, сладости и еще кое-что по мелочи.

– Мне, стало быть, одна мелочевка, – шутливо уколола коллега.

– Маня, бери свои слова взад, – в тон ей потребовал Никита. – Я тут пристегни кобыле хвост. Узнал он как раз тебя, – напарник демонстративно бросил гостинцы в угол. – Пока стоянка, могу и воротить.

– Поздно, батюшка, – заметив, что поезд тронулся, обнадежила журналистка. – Мечи все на стол – чай стынет.

– Зачет, – оператор потер руки и придвинулся ближе. – Не мог же я бортануть тружеников производственной нивы! Пустим массовочкой, без крупных планов, лучше молчком, а то они, как ты понимаешь, выражаются ...не совсем литературно.

– Отчего ж не уважить земляков? – улыбнулась Маша.

Никита проворно накрыл стол, встал во весь рост, с нарочитой церемониальностью поклонился Ваську в пояс и пригласил:

– Угощайся, царь-батюшка, чем бог послал.

Гость не растерялся и выбрал самую большую шоколадку.

– Наш человек, – поддержала его порыв Маша.

– Не срамотись, – укоризненно одернула мальчика мать.

– Бери, бери, – запротестовал Никита, – для мозгов полезно. Тетя Маша у нас потому такая умная, что ест много сладкого.

– Не так уж много, – обиделась коллега.

– Я к слову, – шепотом пояснил оператор.

Гость степенно развернул плитку, глазами пересчитал присутствующих и поделил шоколад на пять частей. Бережно завернув остаток, отложил его в сторону и лишь потом угостил взрослых.

– А это – Марусе, – чинно пояснил Васек.

Машу тронула подобная забота.

– Сестренке, – с гордостью пояснила тетка. – Добрый он.

– Мировой пацан, – согласился Никита.

– Толковый у вас сын, – поддержала Маша. – И рисует отлично. Вам бы следовало заняться его талантами всерьез.

– А он много чего хорошо делает, – зарделась от удовольствия мамаша. – Корзины плетет, тусочки, кузовки. По дереву мастерит, доски расписывает всем на загляденье, – она извлекла из сумки набор в виде потешных медвежат. – Вот, докторской супружнице в подарок везем, – женщина что-то прикинула в уме и протянула Маше меховые тапки ручного пошива: – А это возьмите себе. Васькина работа.

Журналистка поблагодарила, но от дара отказалась.

– Может, он и на медведя сам ходит? – усмехнулся Никита.

– На медведя батяня пока что не берет, говорит, мал еще.

Маша подмигнула коллеге и выразительно посмотрела на мать:

– Мы – тележурналисты и предлагаем вам снять сюжет о Василии. Расскажем о его талантах, покажем рисунки, поделки...

– Соглашайся, мамаша. На всю страну засветим твоего пацана. Может, его после этого учить позовут куда-нибудь в область.

– А как же ваза? – усомнилась попутчица. – Засмеют ведь.

– Слабо им, – заверил Никита, потирая от предвкушения руки. – Прикольный вырисовывается «бантик».

– Какой такой бантик? – струхнула мать. – У меня же пацан.

– «Бантик» – специальная воскресная рубрика, – тактично пояснила Маша. – Это шутовское название сюжета, где с юмором и добром рассказывается о чем-нибудь необычном и интересном. Зрители узнают о многогранных талантах вашего сына, его заметят.

– Вся деревня будет тащиться от твоего Василия, – вставил Никита. – Крутым станет – на козе не подъедешь. После такого пиара соседи локти себе кусать будут.

– Обзавидуются? – быстро уловила его мысль тетка. – На полном сурьезе покажете? Или так, баловства ради?

– Все чин чинарем, вот те крест, – побожился оператор.

– Валяйте, – оживилась женщина, с гордостью глядя на сына. – А то ведь только и знают, что лыбиться за спиной. С малолетства Васятку блаженным кличут. А он у нас не дурак.

– Ма, я царь? – окрыленный похвалой, важно уточнил Василий.

– Сволочь ты, а не царь! – в сердцах отпустила ему леща мать.

Часом позже Никита завершал съемку уже на стоянке. Прощаясь, Маша протянула парню коробку конфет. «Угостишь сестру и друзей, когда тебя покажут по телевизору», – выкрикнула она из тамбура уходящего поезда. Мальчишка шмыгнул носом и еще долго махал им вслед.

По прибытии на вокзал Маша вышла из вагона, поеживаясь. Вдали от столицы осень была не такой теплой, приветливой и многокрасочной. На улице враждебно моросил дождь. Никита, выгрузив вещи на сырой перрон, растерянно осмотрелся. Поезд тронулся, обнажив типично сельский пейзаж – непролазную грязь, неуютную серость, покосившиеся бараки и деревянные мостовые. Прямо по железнодорожным путям старуха гнала стадо коз и гусей. Рядом, задыхаясь в лае, немели собаки. Где-то сзади протяжно заголосил маневровый тепловоз. Местные мужики в телогрейках на голое тело, небритые и нетрезвые, проводили его ленивым взглядом. Неподалеку звучала заунывная пьяная песня, то и дело прерываемая нецензурной женской бранью.

– И это всемирно известный космодром? – почесывая затылок, опешил оператор. – Без VIP-зала для чинов и иностранцев?

– Для всех единый выход, – рассмеялась Маша, беря в руки сумку. – Пошли искать транспорт – похоже, нас не ждали.

Навстречу им бросился вежливый молодой человек:

– Скажите, это вы с телевидения?

– Не с Памира же, – оживился Никита.

– На переезде застрял, – объяснил молодой человек, улыбаясь Маше. – Здравствуйте, а я вас сразу и не признал.

– Никак тоже в телогрейке засветилась? – съязвил Никита и посетовал: – Не думал я, что космодром – такая глухомань.

– Решили разыграть коллегу? – уточнил провожатый.

– А, все-таки тут есть цивилизация, – обрадовался оператор, укоризненно глядя на Машу. – Прикол? Один – ноль. А случись мне ненароком окочуриться от подобной экзотики?

– По старой дружбе обратилась бы на местное телевидение. Выручили бы своими умельцами.

– Забыл, что ты у нас выпускница местной фабрики звезд. Со свиданьем! – огрызнулся Никита, с надеждой глядя на встречающего. – Надо думать, город здесь все же имеется?

– А то, – шофер протянул ему руку и представился: – Олег. Что из вещей доверите нести мне?

– Сумку, – заслонил аппаратуру оператор. – Технические средства, извиняюсь, не доверяю никому.

– Он у нас педант, – продолжила пикировку Маша.

– Профессионал, – поправил приятель. – Надеюсь, город стоящий?

– Кому как. Мой шеф даже уезжать не захотел.

– Да ну? А я думал, сослали.

– Мэр города – бывший офицер, – пояснила Маша.

– Генерал?

– Настоящий полковник, – улыбнулся водитель. – Вернется из области ночью. Если требуется, встретится с вами. Идет?

Маша кивнула и направилась к автостоянке.

– Вот и наш конь, – Олег открыл багажник «Волги». – Загружайтесь, а я пока отлучусь за медвежьим жиром для сына.

– А я изучу местность, – исчезая, подмигнул Никита.

Маша осталась одна. Жизнь привокзальной площади текла своим чередом – аккуратненькие бабульки настойчиво предлагали домашние пироги, картошку, варенье, грибочки,

носки и варежки из козьего пуха. Окунувшись в привычный провинциальный быт, Маша не сумела справиться с волнением.

– Маня, сделай лицо проще, и люди к тебе потянутся, – пошутил подоспевший с банкой пива оператор, но при виде группы юных прелестниц моментально переключил внимание. – Тополевская, мне здесь нравится все больше и больше.

Коллега укоризненно покачала головой:

– Горбатого, как известно...

– Не ставь на мне крест, – Никита придирчиво изучил молодежную компанию и улыбнулся. – Барышни! Что-то мне подсказывает, что нам по пути!

Девушки захихикали и, перешептываясь, стали отчаянно кокетничать. Оператор игриво подмигнул всем разом, раскинул руки и решительно шагнул им навстречу, намереваясь поймать. Подружки с визгом бросились врассыпную.

– Край непуганых недотрог, – пришел в восторг Терехин.

– Ты неисправим!

– На том и стоим, – он оглянулся на сбившихся в стайку «лолит». – Лапочки, так вы с нами или как?

Строгий женский голос за его спиной призвал девушек к порядку и пригласил в автобус.

– Девочки из глубинки, – тактично пояснил вернувшийся Олег. – Приезжали на выставку народного творчества, – он захлопнул крышку багажника и позвал гостей в салон.

В пути Никита с интересом изучал незатейливый пейзаж.

– Маня, растолкуй мне, как из такого захолустья взлетают наши ракеты? – вопрошал он.

– Темнота! Старты в тридцати верстах от города.

– Хвала Создателю, – шутливо перекрестился оператор.

Минут через десять машина затормозила. К ней степенно подошел солдат, козырнул и придирчиво осмотрел салон.

– Фэйсконтроль? – пошутил Терехин.

– КПП, – пояснил водитель. – Проверка документов.

– Среди леса? Партизаны! Пароль не спросят?

– Попросят паспорт, – отмахнулась Маша. – Формальность.

Вежливый контролер внимательно проштудировал документы и сверился со списком. Убедившись, что нестыковок нет, он неторопливо открыл багажник.

– Конспираторы! К чему весь этот сыр-бор, если через лес без всякого пропуска как два пива можно просочиться? Пехом.

– В городе чужак как на ладони. Вычислят в два счета, – запротестовал Олег.

– Уж не по одежке ли? – с вызовом поинтересовался гость.

– По уму, – парировала Маша. – А если всерьез, по поведению.

– А чем это мои повадки хуже, чем у местных? Вроде, не тупой!

– В городке новичок сразу бросается в глаза, – заверил Олег.

– Да я везде как рыба в воде!

– Здесь незнакомца чуют за версту, – подыграла Маша.

– И стучат, куда следует?

– Зачем? Загребут в комендатуру – и поминай как звали, – улыбнулся шофер. – У нас на каждом шагу патруль. Как-никак режимный объект. Кто не знает местности, вызывает подозрение.

– А я думал, всем давно и на все плевать. Все секреты уже распроданы. Торговать, вроде как, нечем.

– В гарнизоне армейский порядок.

– Тотальная слежка, стало быть, – в шутку запаниковал Никита. – Маня, куда ты меня привезла? Вкалывать под снайперским прицелом – не мой конек. Походу, горит наш сюжет ярким пламенем! Вдруг военную тайну засветим?

– Вот это вряд ли! – отмахнулась Маша. – К нам обязательно приставят «глаза и уши» и подскажут, что можно, а чего нельзя снимать. Как правило, красивое зрелище всегда под запретом. Привыкай.

– Кино! – огрызнулся оператор.

«Волга» затормозила у входа в гостиницу космодрома.

– Приехали, – сообщил водитель. – Номера вам забронированы, дежурная в курсе, – он вышел и помог выгрузить багаж. – Меня, кстати, закрепили за вашей съемочной группой. Пропуска готовы, завтра захвачу их с собой. В котором часу забрать вас утром?

– Часов в восемь? – посмотрела на оператора Маша.

– Идет, – согласился тот. – Бросим якорь – и в кафе.

– В лучшем случае – в столовку, – урезонила его журналистка.

– Не шути так, Маня, – нахмурился Никита, тормозя у стойки администратора. – Здравствуйте, милая хозяйшка. Сами мы не местные...

– Видим-видим, – расплылась в улыбке дежурная, поглаживая миниатюрную ручную собачку. – Телевизионщики?

– Откуда такая удивительная проницательность, мадмуазель?

– Мадам, – игриво поправила блондинка и, кокетничая, призналась: – Так ведь Мария Андреевна нам не чужая.

Словно в подтверждение ее слов четвероногий питомец вскинул мордашку и, виляя хвостиком, дружески тявкнул.

– Вот она слава, Мария – каждая собака узнает! – иронично поддел приятель, забирая ключи, и уточнил. – А как тут у вас, любезная, на предмет общепита? Есть где разгуляться добру молодцу?

– И красной девице тоже, – подыграла сотрудница. – У нас здесь и бары, и рестораны, и даже корчма имеется.

– Въезжаешь? – торжествовал Никита, вызывая лифт. – Один – один.

– Розыгрыш. Два – ноль... – выставила язык Маша.

Готовили в кафе вкусно и сытно. Блюда оказались на редкость съедобными. Столы были сервированы с претензией на изыск. На выходе оператор удовлетворенно заметил, что в Москве за подобный обед выложили бы раз в пять дороже. «Лепота!» – млея, признался он.

Рядом притормозил автобус. Из него, словно горох, посыпались иностранцы. Никита посторонился и, пропустив гостей, съязвил:

– Не секретный гарнизон, а какой-то проходной двор!

– Наверное, тоже на пуск приехали.

– И давно они здесь чувствуют себя как дома?

– Как я помню, лет пятнадцать.

– Заметь, и патруль с местными жителями им не указ, – укоризненно напомнил приятель. Маша улыбнулась и взяла его под руку:

– Не бузи. Пошли знакомиться с городом.

Над лесным озером парили легкие перышки тумана. Беспечные утки в погоне за ними подняли такой гвалт, что переполошили прохожих. Никита вытянул шею и всмотрелся.

– Бои с лохнесским чудовищем?

– Игра в прятки.

Солнце заметно прогрело влажный воздух. Запах хвои умиротворял и настраивал на лирический лад. Загребая ногами опавшую листву, гости незаметно оказались у гостиницы. Мило щебеча, их обогнала компания девушек.

– Мама миа! – восхищенно прокомментировал Никита.

– А сейчас кто в тебе говорит? Ловелас?

– Что с тебя взять, Тополевская? Разве тебе дано понять тонкую душевную организацию одинокого волка и оценить полет его трепетной фантазии? К великому сожалению, ты домохозяйка и верная жена.

– А, может, к счастью? Твоя Катерина, кстати, просила прослед...

– Коль ты мне друг, не порти настроение! Жена, спору нет, мой крест. Но кто сказал, что я должен нести его всю жизнь?

– Безбожник, – согласилась Маша.

– Семейный фанатизм мне точно не грозит. Ты в «нумера» или как?

При виде вышедшей из гостиницы длинноногой дивы он замер на полуслове и принял боевую стойку.

– Пардон, труба зовет! – не оборачиваясь, шепнул оператор.

– Не заплывай за буйки! – в тон ему предостерегла коллега.

Никита, не реагируя, бросился вдогонку за красавицей.

В гостинице Маша первым делом распаковала вещи и только потом осмотрелась. На удивление, номер выглядел весьма презентабельно. Новая мебель и евроремонт определенно придали ему лоска. Центр стола украшал замысловатой формы кувшин на оригинальном подносе, рядом стоял современный электрочайник. Шкафчик – на отгороженной в гостиной небольшой кухне – украшала импортная посуда. Цветное постельное белье в спальне сияло приятной новизной. Даже незамысловатая обстановка выделялась своеобразием дизайна.

За окном прогремел гром, по стеклу тревожно застучали первые дождевые капли. Погруженный в полумрак гостиничный номер настраивал на рабочий лад. Маша набросила шаль, зажгла свет, щелкнула кнопкой телевизионного пульта и набрала в чайник воды. Переложив продукты из сумки в холодильник, она расположилась в уютном кресле и проверила мобильный телефон. В разлуке Андрей продолжал опекать жену еще настойчивее. На связь он выходил несколько раз, интересуясь, удачно ли прошел день, не сильно ли она перегружена, а перед сном всегда желал спокойной ночи и наказывал беречь себя. Чего скрывать, Маше была приятна такая забота. Вот и сейчас муж шутливо заверил, что видит в свою подзорную трубу, как она измоталась и заработалась.

– Спасибо, родной. Устроилась почти по-королевски.

– Чего же не хватает для полного счастья?

– Кого! – уточнила жена и мягко добавила: – Тебя!

– И мне тебя тоже, – тихо признался Тополевский.

Чайник закипел и отключился.

– Ты уже в номере? – слыша щелчок, предположил супруг.

– Да. Прививала напарнику вкус таежной жизни.

– И как?

– Пришелся по вкусу: нынче на космодроме масса кафе и ресторанов. Особое впечатление на Никиту произвели здешние цены и качество блюд. Здесь совсем другой ритм и вкус жизни. Жаль, ты далеко. Как думаешь, удастся выбраться?

– И очень даже скоро. На днях прилечу к тебе!

– Здорово! А то я уже заскучала.

– Тогда жди. Надеюсь, мы поселимся в одном номере?

– Я могу смело на это рассчитывать? – подыграла Маша.

– Смело, смело, – улыбнулся муж.

Маша взглянула на висевшее на стене зеркало и, встретившись со своим отражением слегка поежилась, ощутив вдруг до боли знакомое чувство незащитности и щемящее душу одиночество.

Знакомство с Тополевским несколько лет назад четко разделила женскую долю Маши на два периода: до и после знакомства с Андреем. «До» осталось в той, прежней жизни. В прошлом, очень далеком и довольно безрадостном. О нем всего одной строкой замечательно сказал поэт: «И вечный бой. Покой нам только снится...» Борьба с трудностями, армейским начальством и бесконечными ударами на личном фронте превратили ее в воина. Не в смысле кадровой службы, а по своей сути. Каждый грядущий день, как снежный ком, цеплял на себя вчерашние горести и неудачи. Хотя кому-то со стороны ее жизнь казалась вполне успешной: престижная по меркам военного гарнизона «интеллигентная» работа (музей, радио, телевидение, газета), общение в основе своей исключительно с первыми лицами, участие во всевозможных закрытых мероприятиях и многочисленные знакомства с интересными и влиятельными гостями. Обратной стороной этой «блестящей» с виду медали был крах семейной жизни, трагедии и боль сына, к тому же полная бытовая неустроенность. Ее квартира давно уже превратилась в зону постоянных конфликтов. Каждый вечер, переступая ее порог, Маша чувствовала себя на поле боя, когда неизвестно, удастся ли миновать его без потерь. И так изо дня в день. Мокрая от ночных слез подушка не была пропуском в мир добрых снов. В затяжной семейной войне не предвиделись ни отпуска, ни перемирия. Одна лишь безысходность. Выживать помогал сын. Скорее – материнский долг. Оставить подростка, шагнувшего в переходный возраст, наедине с этим жестоким миром она попросту не имела права. Постепенно Маша стала напоминать сжатую пружину. И бог весть, какой силы мог быть взрыв этого тугого механизма, не наступи «после».

Другая жизнь стала для Маши и вторым дыханием, и лебединой песней сразу. После многочисленных ударов судьбы она восприняла появление Тополевского как спасение, бесценный дар небес, шанс поверить в любовь. Ум, честность, порядочность, доброта и щедрость этого замечательного человека перевернули все ее представление о жизни. Мысль о том, что в мужчине может быть столько достоинств сразу, ранее вызвала бы у нее саркастическую усмешку. Реальность же оказалась многим ярче. Андрей просто-таки был соткан из достоинств. Поначалу в это верилось с трудом, позже принималось как данность. Рядом оказался тот, кто не просто заботился и оберегал. Муж создал для нее новый мир, где все вращалось вокруг планеты по имени Маша. Она купалась в его любви, наслаждаясь простыми земными радостями. Оказалось, что и нужно-то всего ничего: просыпаться и засыпать в объятиях любимого, спешить домой, словно на первое свидание, и перестать ждать от завтрашнего дня бед. С холста, художником которого была Маша, постепенно исчезли мрачные краски. Раньше она была уверена, что такие встречи бывают только в книгах или голливудских мелодрамах. А если все же и возможны в действительности, то где-то далеко, в тех краях, где ее кораблик никогда не бросит свой якорь. Ведь встреча с избранником мечты не простое везение, она даруется свыше. А Маше казалось, что небесное покровительство по какой-то неведомой причине всегда обходило ее стороной. Теперь же, воспитанная на атеизме, всякий раз думая о встрече с Тополевским, она мысленно благодарила Создателя и молила его даровать любимому долгие лета.

Андрею поначалу пришлось нелегко – его Снегурочка никак не могла оттаять. Место колючего ежика, жившего в любимой многие годы, не спешил занять пушистый котенок. «Все плохое осталось в прошлом. Верь мне», – из раза в раз повторял он до тех пор, пока жена не приняла эту простую истину в качестве аксиомы. С тех пор Маша царила и парила, осознав смысл, казалось бы, простого словосочетания: счастливая женщина. В нем оказалось столько изумительных оттенков! Нет, жизнь ее не стала безоблачной сказкой. Так не бывает, да и не

должно быть. Как во всякой семье, у них с Андреем были размолвки и трещинки, но за всеми ними стояли любовь и желание понять дорогого для тебя человека. Рядом с мужем было тепло и уютно, а главное – надежно. Редкие мгновения недомолвок напоминали капли дождя, который собрался, но так и не случился. Они испарялись при первых же лучах солнца. В доме Тополевских установилась теплая и ясная погода. Впрочем, нет. Погодные явления отличаются непостоянством. В их новом доме полностью сменился климат! В нем ожил и стал меняться к лучшему сын. Миша больше не напоминал затравленного зверька, он расправил плечи и научился доверять людям. Изменились даже его взгляд и походка, появились внутренняя сила и уверенность. Саму Машу стало неудержимо тянуть домой. И никакие друзья и даже самое ответственное задание были не в состоянии нарушить этот волшебный магнетизм. На четвертом десятке лет она, наконец, безоговорочно приняла незыблемость постулата «Мой дом – моя крепость». Словно, нашелся вдруг забытый пазл, и все сложилось. Замужество изменило ее, и эти изменения нравились, прежде всего, самой женщине. Логическим завершением нового жизненного витка стала успешная работа. Все вместе это называлось простым человеческим счастьем. Чего еще ей оставалось желать?! Маша была благодарна Андрею и в ответ дарила ему всю свою нерастрченную любовь. «Была женщиной-работой стала женщиной-заботой», – шутила она. И молила лишь о том, чтобы с любимым ничего не случилось...

Глава седьмая

Машина за Машей и Никитой прибыла к гостинице вовремя. Погрузив аппаратуру, они отправились на съемки. Проезжая мимо одной из высоток, журналистка кивнула: «А вот моя армейская телестудия». «Как же тебя, мать, под ружье занесло?» – «От голода спасалась». Тон собеседницы был настолько серьезен, что у Никиты пропало желание острить. На глазах Маши навернулись слезы.

...Тесная монтажная комната местной телестудии напоминала пункт видеопроката. Самодельные стеллажи в потолок были заполнены пестрыми рядами кассет. Оператор, не сходя с места, легко мог дотянуться до любого из материалов. В тот день они с Машей отсматривали отснятые утром кадры. Над входом взорвался колокольчик.

– Кого там несет?! Написано же: «Идет запись», – возмутился Сергей, направляясь к двери.

В студию буквально вломился довольно-таки смазливый майор и, демонстративно обойдя его, уверенно вырулил на центр комнаты.

– Мария Андреевна, здравствуйте.

– Простите, не припоминаю...

– Не утруждайте себя, мы пока не представлены, – офицер бесцеремонно поцеловал ей руку. – Это ваше лицо с недавних пор известно каждому школьнику, а мы – работники невидимого фронта. Нам публичность ни к чему, – загадочно улыбнулся он.

– Простите, чем обязана?

– Обязательствами мы пока не связаны, но с этого момента, надеюсь, будем работать бок о бок. Разрешите представиться, – гость заправски щелкнул каблуками, – майор Октябрьский.

– Достаточно революционная фамилия.

– И ситуация, – не растерялся весельчак.

– Неужели вы новый руководитель нашей программы?

– Скорее литературный редактор.

– О, да мы коллеги? – с вызовом поинтересовалась Маша.

– В каком-то смысле да, хотя я на филфаке не учился, – проявил осведомленность мужчина. – И столь легкого слога пока не приобрел.

– Не скромничайте – это не ваш стиль. Как вас величать?

– Игорь Викторович, с вашего позволения.

– А если я не позволю, позывные изменятся?

– О, ваш острый ум и впрямь отточен.

– Это кто же столь лестно меня охарактеризовал? Или это военная тайна? – понимая, что лучше промолчать, не удержалась Маша.

На губах Октябрьского играла легкая усмешка. Он подметил заминку журналистки и решил взять инициативу в свои руки:

– Не стоит обострять обстановку. С сегодняшнего дня тексты будущих сюжетов рекомендую согласовывать со мной.

– Чем же обусловлен интерес к моей скромной персоне?

– Дело вовсе не в вас. Так сказать, насущная потребность, – пошел в атаку гость. – Новые материалы уже готовы?

– Завтра... к обеду. Скажите, это цензура?

– Скорее государственная необходимость. Думаю, мы сработаемся. Договорились?

– Надеюсь, вы договорились с моим руководством.

– А зачем? Разве мы не можем решить вопрос полюбовно? – хитро прищурился майор. – В порядке дружеской взаимопомощи.

– Дружба дружбой, а субординацию пока никто не отменял, – воспротивилась журналистка, снимая телефонную трубку. – Как человек военный, я обязана доложить по команде...

– Как человек военный, по Уставу вы обязаны выполнять приказы начальника... по воинскому званию, – с металлом в голосе заметил Октябрьский, буквально вырвав трубку из рук строптивой визави. – Полагаюсь на ваше благоразумие.

Маша выразительно промолчала. Офицер нахмурился.

– Позвольте откланяться? – лилейно произнес он.

– Прощайте, – на всякий случай женщина спрятала руку за спину, не оставляя шансов для финального поцелуя.

Заметив ее жест, гость отвел глаза, пытаясь скрыть улыбку.

– До свидания, любезная Мария Андреевна. До скорого свидания, смею заверить вас, – склонил он голову в легком поклоне и иронично заметил: – Надеюсь, мы подружимся.

Визитер бесшумно удалился, а Маша продолжала растерянно смотреть ему вслед. Столкнувшись у лифта с курящим Сергеем, Октябрьский сделал вид, что не замечает его. Оператора подобная бесцеремонность только рассмешила. Он намеренно заслонил спиной кнопку вызова. Майор недовольно сдвинул брови, безмолвно протянул вперед ладонь, пытаясь дотянуться до панели, но, видя несговорчивость курильщика, гордо проследовал к запасной лестнице.

Вернувшись в студию, Сергей застал Машу в прострации.

– Что это было? – не могла прийти в себя она.

– Увы, не сон. По всему видно, товарищ – из конторы. Когда мы монтировали оборудование, их здесь было немеряно, насмотрелся.

– Думаете, нас пишут?

– Вот это вряд ли. Мой прежний шеф сам был из органов и, без сомнения, проверил все углы. При прослушке тексты не просят. Вы ведь их начитываете вслух. Чего проще писать нас, не светясь?

– Тогда что ему нужно?

– Наверное, сами материалы. Или ваша сговорчивость.

– Неужели это приглашение к сотрудничеству?

– Не моего ума дело, – откrestился Сергей и честно признался: – Работу свою я люблю, и терять ее не намерен. И вообще, человек я сугубо гражданский и вникать в эти шпионские страсти мне бы не хотелось...

– Вам легче, – Маша села и ойкнула. – Сережа, а ведь текст все же пропал! Бумаги лежали прямо на столе и исчезли!

– Спокойно, Марья Андреевна, – оператор хитро улыбнулся и извлек из выдвижного ящика стопку листов. – Мне показалось, что будет лучше, если я уберу их подальше от чужих глаз и загребущих рук. Тем более вы заверили, что текст будет готов только к завтрашнему обеду.

– Сережа, вы умница! Надо доложить руководству.

– Как я понял, у нас перерыв? Могу подбросить вас до КПП.

– Я сейчас кое-кому позвоню, и машину пропустят прямо к штабу, – раззадорилась Маша, снимая телефонную трубку.

– «Семен Семенович»! – оживленно процитировал Сергей, нажимая на рычаг. – Не стоит.

– Почему?

– Не исключено, что телефонного «жучка» нам все же подсадили. Зачем же недругам знать, что вы запаниковали?

Маша схватила плащ и бросилась к выходу.

– Семен Семенович! – рассмеялся ей вслед напарник.

– Что опять не так? – испугалась женщина, оглядываясь.

– А материалы? – оператор протянул ей текст и видеокассету. – Не исключено, что в наше отсутствие студию снова захотят посетить...

Спустя четверть часа Маша вбежала в штаб космодрома и столкнулась со своим непосредственным начальником полковником Онищенко. Тот в удивлении замер и привычным фальцетом уточнил, почему она не в студии. Маша попыталась рассказать про непредвиденные обстоятельства, но шеф замахал руками и потребовал, чтобы завтра утром пленка лежала у него на столе. «Мне необходимо уточнить кое-какие детали». – «Это к замку по науке!»

В приемной с надписью «Полковник Тополевский А.В.» был слышен телефонный разговор хозяина. Маша заметно нервничала. Она то тянулась к ручке двери, чтобы постучаться, то прятала руку за спину и косилась на зеркало. Вглядываясь в свое отражение, журналистка приложила ладони к пылающему от волнения лицу. Проведя пальцем по массивной резной раме, она немного успокоилась. Спустя мгновение собралась с духом и вошла в кабинет. Тополевский, видя на пороге редкую гостью, приятно удивился. По его лицу едва уловимой тенью скользнула радость. От смущения Маша этого не заметила и еще больше покраснела. Полковник галантно встал и жестом пригласил ее войти:

– Какими судьбами, Мария Андреевна? Вы у нас дама самодостаточная, просто так не заглядываете. Что вас привело?

– Неловко отрывать вас от срочных дел, но мне срочно требуется консультация, – Маша протянула текст и присела.

Их взгляды встретились. Оба как по команде опустили глаза. Он – в документы, она – на свои руки. Повисла незначительная пауза. Щеки женщины запылали с новой силой. Чтобы разрядить обстановку, Маша хотела задать вопрос. Андрей опередил ее долей секунды.

– Вы что-то хотели сказать?

– Майор Октябрьский настаивает, чтобы я показывала ему тексты и видеоряд еще до выхода передачи в эфир.

Во взгляде Андрея скользнула улыбка:

– Неужели вербовал?

– Андрей Васильевич, я серьезно! Посоветуйте, что делать? Это же сотрудник особого отдела. С ним потом проблем не оберешься. Если решено контролировать работу космодрома, начальство в курсе?

Тополевский с интересом изучал гостью, пытаясь скрыть явную симпатию. От волнения она теребила носовой платок.

– А не выпить ли нам чая? – с улыбкой заговорщика предложил вдруг он. – Зарубежные коллеги угостили меня какой-то ароматной новинкой. «Ни с чем несравнимый вкус!»

– Не боитесь, что подсыпали яд кураре?

– Нет, не боюсь.

– Почему? – по-детски непосредственно удивилась Маша.

– Испытал на них же, – улыбнулся одними глазами Андрей.

– И как?

– Пока все живы-здоровы и, судя по вашему недавнему интервью, – в здравом уме.

– Это главное.

– Что? Ум? – посмотрел на собеседницу офицер.

– Да. Не вас ли называют мозговым центром космодрома?

– Кто называет? – стал серьезным полковник. – Мозговой центр у нас один – командир.

А мы ему лишь помогаем.

– Понятно... – разочарованно протянула дама. – Армейский принцип единоначалия в действии: «Кто, скажи мне, всех умнее, всех румяней и белее...»

– А вот внешность командира обсуждать не стоит, – Тополевский перевел взгляд на фотографию начальника – тот был ярко выраженным «альбиносом».

– Очень нужно... – обиделась Маша. – Важны и ум, и доброта.

– Вот и славно, – миролюбиво заметил хозяин кабинета и подвинул ей блюдце с сухариками. – Перейдем к делу. Думаю, пасовать перед Октябрьским не стоит. Может, вы ему просто нравитесь, и он ищет повод обратить на себя внимание? Предположим, ваша вербовка сугубо личная инициатива майора. Вполне возможно, он проявляет излишнее служебное рвение. К слову, руководство не всегда в курсе его начинаний. Я расскажу вам о нашей первой совместной работе с участием иностранных специалистов. После этого многие ваши вопросы отпадут сами собой.

– Буду вам благодарна, – согласилась Маша.

Ей давно не терпелось побеседовать в неформальной обстановке с человеком, который вызывал в ней чувство глубокой симпатии и о котором на космодроме, как это ни странно, в отличие от других замов не ходило дурных слухов.

– Я, кстати, давно хотела поинтересоваться, почему именно вы, зам по науке, занимаетесь организацией работ с иностранцами. Разве эти задачи по вашему столу?

– Как утверждает командир, у меня на лице написано, что я – простофиля. Потому мне поручают дела, от которых другие отказываются, не видя в них своей выгоды, – полковник усмехнулся, заметив, как от подобной откровенности глаза Маши заметно округлились. – А если серьезно, это сложилось исторически. Видимо, руководство убедилось, что я умею хранить военную тайну, – пошутил он. – Тогдашние коллеги Октябрьского бдительно охраняли государственные секреты, но с началом «перестройки» военные объекты были открыты для посещения иностранных специалистов. Нашим контрразведчикам пришлось менять тактику и в таких условиях работать бок о бок с испытателями...

– И? – с интересом замерла Маша.

– Работа закипела. Подготовка к первому визиту иностранцев заняла почти два месяца. За это время в авральном режиме была отремонтирована гостиница, подготовлены кафе и специальный транспорт, обустроено отдельное рабочее место в МИКе. Замечу, главенствующую роль в этом процессе отвели себе специалисты известных органов. С ними согласовывались абсолютно все вопросы, от конкретного номера, где будет поселен каждый из прибывающих иностранцев, до распорядка дня и маршрутов их передвижений. Это была рутинная, отнима-

ющая уйму времени и нервов работа, которая командиру быстро надоела. Он решил поручить ее одному из своих замов. Выбор пал на меня.

- И кто же стал первооткрывателями космодрома?
- Французы. Признаться, довольно занимательная история.

...Весенним, но еще снежным утром на военный аэродром космодрома прибыли три француза. Точнее, двое мужчин и одна дама. Копна рыжих выющихся волос девушки напоминала прическу недавнего лидера американских борцов за свободу Анджелы Дэвис. Группу иностранцев сопровождали не менее двух десятков россиян. Восхищенно оглядываясь, зарубежная троика с шумом погрузилась в автобус и эмоционально комментировала вид за окном. Уставший от перелета и их гвалта гид долгую и восторженную тираду гостей перевел весьма лаконично: «Радуются изобилию снега». Подъехав к гостинице, французы обратили внимание на асфальт, который в радиусе десяти метров от здания сиял девственной чистотой. На лицах гостей появилось недоумение. Переводчик невозмутимо прокомментировал:

- Интересуются, зачем изуродовали красоту?
- В каком смысле? – напрягся Октябрьский.

Одетый в броское пальто с чужого плеча, он чувствовал себя не в своей тарелке.

- Гостям больше нравится, когда снег, – пояснил гид.
- Твою мать! – выпалил кто-то сзади. – Весь гарнизон неделю корячился с ломami и лопатами, убирая гребаный лед, и – на тебе!

- Так и перевести? – флегматично уточнил переводчик.

Октябрьский обернулся к болтуну, недовольно сверкнул глазами и как ни в чем не бывало сдержанно пояснил:

- Переведите: снег убрали с целью обеспечения наилучших условий для успешной реализации проекта.

- А каким образом это связано? – не понял гид, но перевел.

Французы в недоумении переглянулись. Октябрьский любезно улыбнулся в ответ:

- Спросите, есть ли у гостей какие-либо пожелания?

Переводчик перебрисился с иностранцами парой фраз и сообщил:

- Просят больше не убирать снег.

- А по существу?

- Хотели бы связаться с родной Тулузой.

- Пусть пока расселяются, а мы подумаем, как решить эту проблему, – пришел на выручку Тополевский и попросил офицера особого отдела помочь гостям разместиться.

- Между прочим, Москва установила запрет на связь, – важно шепнул Игорь, когда иностранцы отправились за вещами.

- Сказать «нет» проще всего. Давайте подумаем, стоит ли обострять обстановку и лишать гостей надежды?

Первый рабочий день визита начался для Октябрьского неудачно. Осматривая перед прибытием иностранцев зал МИКа, старший лейтенант поскользнулся на свежeweымытом полу, сильно ударившись «пятой точкой» и измазав при этом локоть светлого пиджака. Вдобавок ко всему, в момент, когда гости входили в зал, Игорь от волнения выронил из рук пухлую папку. Французы застали его практически на четвереньках, собирающего разлетевшиеся в разные стороны бумаги. Впрочем, они даже не обратили внимания на суетливого человека под ногами, а побледневший от досады офицер едва сдерживал слезы и проклинал свою неуклюжесть.

Зарубежные коллеги с неунывающими улыбками на открытых лицах поздоровались с присутствующими, подошли к своим ящикам и стали бережно распаковывать содержимое. Активно переговариваясь, они весело шутили. Весь незамысловатый процесс работы занял не

более часа. «Распаковка оборудования завершена. Все в наличии и в работоспособном состоянии», – сообщил Андрею гид. – Гости просят разрешения сфотографироваться вместе с вами на память». «Нет возражений», – согласился полковник. Иностранцы в радостном возбуждении разместились на фоне родного прибора и замерли с сосредоточенно-серьезными лицами. Сделав несколько кадров, они что-то объяснили переводчику.

– Наши друзья готовы к отъезду, – коротко сообщил тот.

– Уточните, в котором часу их ждать после обеда? – деловым тоном поинтересовался Октябрьский.

Гид отошел, но очень быстро вернулся:

– На сегодняшний день программа завершена. Испытания прибора запланированы на завтра.

– Не понял! Как так завершена? Что это за порядки?

– Молодцы, что управлялись, – разрядил обстановку Тополевский и жестом пригласил иностранных коллег в автобус. – Постарайтесь следить за своими эмоциями, Игорь Викторович, – холодно посоветовал он на ходу osobисту и вежливо уточнил: – Пожалуйста, напомните мне вашу основную задачу?

– Обеспечить безопасность...

– Вот и обеспечивайте то, что предписано! А все технические вопросы доверьте решать специалистам.

– А чем мы гостей занимать будем? Они улетают только через три дня. Не могу же я все время держать их в гостинице.

– Покажите им наш город, музей, окрестности. Не мне вас учить.

– Но этого нет в программе пребывания. Там только работы с оборудованием, но они на сегодня уже закончились.

– В следующий раз составляйте более толковую программу.

Сопровождая гостей по городу, старлей испытал первый конфуз. Видя пустые полки продовольственных магазинов, для красоты украшенные гроздьями рябины, иностранцы в недоумении поинтересовались, как продаются ягоды, на вес или поштучно. Игорь смутился, не зная, что ответить, а потому пропустил мимо ушей комментарий гида. Прогуливаясь позже по универмагу, Октябрьский сторал от любопытства, за какой надобностью гости, весело переглядываясь и загадочно перешептываясь, десятками скупали залежавшиеся баночки вазелина. Зачем он им понадобился, офицер не знал, а спросить не решился. И весь вечер переживал, как отразить сложившуюся ситуацию в отчете.

На второй день французы приступили к испытаниям летного комплекта прибора. Лица их светились особой значимостью. Торжественно включив аппаратуру, иностранцы визуально убедились, что контрольный транспарант загорелся, и восторженно захлопали в ладоши. Минут через десять, выключив прибор, они снова сфотографировались на память. Перехватив переводчика, Октябрьский хмуро предположил:

– Неужели и на сегодня все?

– Вы угадали! – торжественно объявил гид.

– Ну и организация труда, – злорадно прошипел особист.

Третий день работы был посвящен упаковке ящиков и традиционному фотографированию участников.

Ранним утром четвертого дня, когда в штабе космодрома светились лишь окна кабинета Тополевского, в его дверь постучался Октябрьский.

– Андрей Васильевич, выручайте, – взмолился он. – Гостям уже все показали и рассказали. Чем их еще занять? Скоро ведь проснутся!

– После вчерашнего загула вряд ли это случится так быстро...

– А вы уже в курсе? – смутился старлей. – Ну, приняли чуть больше нормы... Кто ж знал, что они спирт раньше не пробовали.

– Игорь Викторович, так ведь иностранные специалисты спирт только по прямому назначению используют, для технических нужд.

– Конечно, на то они Европа.

– Да и мы с вами не скифы и не азиаты.

– Это понятно, – заерзал на стуле офицер. – Но после завтрака занять их точно нечем. И зачем только запланировали этот чертов резервный день? Со всей их работой наши испытатели справились бы за час-другой, – он с надеждой посмотрел на полковника и промямлил: – Самолет только вечером, придумайте что-нибудь...

– Организуйте им вылазку на природу. Встречу в неформальной, так сказать, обстановке. Можно с шашлычками.

– Так ведь не положено...

– А вчерашние гульки, стало быть, то, что доктор прописал?

– Они сами напросились...

– Надо полагать, вы свою миссию именно так и представляете? – Тополевский посмотрел на собеседника с вызовом.

– Но для шашлыков же мясо требуется... и все прочее...

– Вот за это как раз и не беспокойтесь. Все уже готово. И мясо, и закуска, и обслуживающий персонал, самый проверенный и самый надежный. Ждут только команды.

– А как же утвержденная программа пребывания?

– Я вижу, мы зря теряем время, – Тополевский потянулся к телефонной трубке, давая понять, что разговор закончен.

– Будь, что будет, – обреченно согласился особист.

Через час Октябрьский руководил двумя десятками солдат, которые утапывали снежную поляну на опушке леса, заготавливали дрова, расставляли столы, скамейки и мангалы. Один из солдат трудился над изготовлением табличек «М» и «Ж». Они получились на редкость добротными и эстетичными. Служивый даже залюбовался своей работой, но его радость не разделил возмущенный прапорщик Буравин.

– Заболотный, что ты там намалевал? Подивитесь, люди добрые!

– Все, как велел старший лейтенант Октябрьский, – не понял упрека воин. – Одна для господ, другая – для мадам.

– Никак гости по-нашему читать научились? Они, дурья твоя башка, ни «мэ», ни «жо» по-русски не разумеют.

– Так и я по-французски не силен, – нахмурился боец.

– Не возражать! Изобрази мужика да бабу. Да шоб мигом!

Пока художник трудился над очередным шедевром, Буравин гонял и распекал других солдат, а потом в полном изнеможении уселся на пенек и закурил. После первой же затяжки к нему подбежал торжествующий Заболотный и протянул новые таблички:

– Товарищ прапорщик, как вам эти?

Буравин смотрел, насупив брови. Лицо его медленно багровело.

– Заболотный, ты шо, издеваешься? Это что за порнография? – обратился он за поддержкой к сержанту. – Скажи, Мальцов!

– Вроде, ничего, – улыбнулся тот.

На табличках были изображены силуэты мушкетера и дамы, в бальном платье и озорной шляпке.

– Тоже мне Айвазовский! Ты что думаешь, я в искусстве полный ноль? Я тоже иногда в школе учился, – надул щеки прапорщик. – Скажи, куда, по-твоему, их можно присобачить?

- На сортир, – с достоинством ответил солдат.
- То-то. А я прошу таблички для уборной. Там люди сц...
- Знаю я, что они там делают, – не дал ему договорить парень. – Сейчас исправлю. А Айвазовский, к слову, был моренистом.
- Не умничай, Заболотный, а то до отбоя буду прививать тебе любовь к строевой подготовке! – взорвался прапорщик.
- Вскоре боец принес таблички треугольниками вверх и вниз.
- Ну, вот, умеешь ведь, когда хочешь! – обрадовался Буравин. – Скромно и со вкусом. Можешь колотить.
- А куда?
- Бестолочь, ядрена вошь! Куда в лесу прибить можно?
- На деревья? Так ведь гости могут и не понять.
- Нужда припрет, осияют. Они, что же, по-твоему, не люди?
- В том-то и дело, что люди. Ци-ви-ли-зо-ва-н-ные.
- От, спасибо, объяснил! А я, выходит, дикий?
- Слыша крики, к спорщикам направился Октябрьский.
- В чем там дело? – поинтересовался он у Мальцова.
- Буратина стройкой века руководит, – не оборачиваясь, бросил через плечо воин.
- Устроили тут цирк, понимаешь ли!
- Извините, товарищ старший лейтенант, не признал вас! – замер в напряжении служивый, вытянувшись по стойке «смирно». – Прапорщик Буравин утверждает эскизы табличек для туалета!
- Что здесь происходит? – двинулся к строителям старлей.
- Заболотный Ваньку валяет, – отрапортовал прапорщик. – Сомневается, сумеют ли гости без уборной нужду справить.
- То есть без кабинок? – мрачно уточнил особист. – Да вы с ума сошли! Хотите нарваться на международный скандал? Вы за это ответите! На вашу бригаду возложено сооружение отхожего места! Где оно?
- Выбирай в любом направлении: простору-то вон сколько!
- Шутить изволите? – побелел офицер.
- Зачем? Предлагаю вместе утвердить подходящие кусты.
- Вы должны были построить в лесу туалет, – захлебываясь от гнева, зашипел старлей.
- И дворец для отдыха в придачу, – сплюнул сквозь зубы прапорщик. – На кой ляд в лесу сортир, парень? Чтоб раз посцать?
- Да хоть ни разу! Не вашего ума дело! За туалет ответственный вы! Ну и где он?
- Ты, старлей, хоть знаешь, сколько это по времени? Думаешь, сбил кабинку-другую и все готово? Одну выгребную яму в этой вечной мерзлоте сутки копать будем! А настил сбить да закрепить? А очко вырезать? А двери навесить? А крышу подогнать? И все это за три часа? У меня нет волшебной палочки, есть тупые солдаты!
- Не смейте на меня орать!
- А я и не ору! Я объясняю... доходчиво.
- Куда таблички бить, товарищ прапорщик? – уточнил боец.
- Как это куда? На деревья. А чтобы гости впопыхах под один куст не сели, переделай таблички в стрелки: господа, мол, шуруйте налево. Они ведь французы, большие мастера ходить налево, – хихикнул он. – А баба, тьфу ты, дама – валяй, мол, направо, – прапорщик грозно повернулся к Заболотному. – Мигом дорисуй стрелки, Папа Карло! И лети как пробка из бутылки!
- Куда лететь, товарищ прапорщик? – не понял солдат.

– Вон к тому дереву, – указал тот. – Или к тому. Короче, сам разберись. Но чтоб указатели были видны от стола и от костра!

Вскоре площадка была готова для приема гостей. Рядовой состав увезли, и Октябрьский решил заблаговременно сменить офицерскую форму на гражданский наряд. Укрывшись за автомобиль, он снял брюки, но, трясаясь от холода, запутался в штанине и едва не упал. Как раз в этот момент к поляне подъехала вереница автомашин, из которых со смехом вывалилась пестрая компания говорящих преимущественно языком жестов людей в сопровождении Тополевского. Умело управляя веселой оравой, Андрей непринужденно поддерживал шуточный разговор, держа ситуацию под контролем. Полковник незаметно кивнул миловидной официантке, и на столах, возле которых выгрузили два ящика водки, появились посуда, столовые приборы и бутерброды. Пока гости, беззаботно хохоча, играли в снежки, группа сопровождения разжигала костер. В это время кто-то из россиян открыл бутылку водки и, озираясь, предложил выпить «для сугрева».

Октябрьский, дрожа от холода, наконец, переоделся и вальяжно выкатился из леса. «Как прошло испытание клозета? – поддел его Буравин. – Не промахнулся?» Старлей бросил на него полный презрения взгляд и, не вступая в дискуссию, гордо проследовал мимо.

Костер разгорался быстро. Расторопные официантки, мило улыбаясь веселой компании, ловко сервировали столы. Вдруг одна из них растерянно оглянулась в поисках Тополевского. «Андрей Васильевич, беда: шампуры в городе забыли». – «Зря, конечно, но дело поправимое. Подавайте пока бутерброды и пирожки, чтобы ближайшие полчаса гости не голодали, а я отлучусь за орудием производства». Не замечая его отсутствия, разношерстный и разноязыкий коллектив продолжал веселиться. Сопровождающие подбадривали иностранных гостей, держась в непосредственной близости от запасов. Время от времени они охотно прикладывались к стаканам. Вскоре с шампурами в руках вернулся Тополевский и с ходу предложил подавать закуски и спиртное. Старшая официантка исчезла, а ее подруги занялись мангалом. Прошло пять минут, но Вера так и не появилась. Не теряя времени, Андрей отправился на ее поиски. Каково же было его удивление, когда он застал обескураженную девушку у водочных ящиков. Лихорадочно перебирая пустые бутылки, она отчаянно пыталась найти среди них хотя бы одну полную. Но тщетно. В испуге она обернулась:

– Представляете, уже все выпили!

– Конфуз, – опешил полковник. – Что будем делать?

– Может «клюковку» подадим? – предложила Вера.

– В чем? В трехлитровых банках?

– Зачем же, у нас есть графины. Очень даже симпатичные.

– «Клюковку» нашим гостям не осилить: слишком крепкая.

– А, по-моему, в самый раз. Тем более что там не одна ягода на ведро спирта, а как положено.

– А как положено?

– Вкусно! – находчиво пояснила официантка. – Вам все равно не понять – вы ведь не употребляете.

– А вы откуда знаете?! – изумился Тополевский.

– А кто вас на банкетах обслуживает? Мы барышни наблюдательные. Так подавать нашу фирменную «клюковку»?

Вместе с переводчиком к ним подтянулись французы. Видя яркий цвет рубинового напитка, они в один голос воскликнули: «О, красное вино!» – и дружно протянули свои стаканы.

– Никак русский освоили? – изумилась Вера.

– Есть немного, – улыбнулся Тополевский. – Знают всего несколько слов: «здравствуйте», «спасибо», «красное вино»...

– О, красное вино, спасибо, – хором пропели иностранцы.
Сделав по приличному глотку, гости закашлялись.
– Qu'est-ce que c'est? – изумилась француженка, выпучив глаза.
– Мадемуазель интересуется, что это такое, – перевел гид.
– Ноу-хау космодрома, – пошутил в ответ полковник. – Приглашайте нас в Париж, там и поделимся рецептом.

Усмотрев в этом предложении крамолу, рядом с ним незаметно вырос и далее неотступно следовал по пятам Октябрьский.

После изрядно выпитого француженка почувствовала необходимость облегчиться. В поисках туалета она стремглав пронеслась по округе, но была вынуждена обратиться за разъяснением к переводчику. Тот осмотрелся и ткнул пальцем в указатели. Гостья благодарно кивнула и исчезла из вида. Подпрыгивая от нетерпения, она какое-то время кружила по лесу в надежде найти соответствующее заведение, но, гонимая нуждой, быстро вернулась. Гид внимательно выслушал ее претензии и, что-то шепнув, указал на заросли кустарника. Женщина разочарованно поморщилась, но ввиду отсутствия выбора резво помчалась в указанном направлении.

– У дамы проблемы? – насторожился Октябрьский.

– Не привыкла справлять нужду под кустом. У этих чистоплюев все не по-людски, – переводчик протянул стакан. – Давай выпьем!

Офицер категорически отказался. «Служба?» – посочувствовал гид и одним махом опрокинул в себя очередной стакан «клюковки».

После облегчения настроение француженки значительно улучшилось, и она решила пробежаться по снегу, который для нее был такой же экзотикой, как пальма для чукчи. Гостья громко запела и весело сорвалась с места. Сделав не более двадцати парящих шагов, она потеряла равновесие. Левая нога девушки провалилась в невидимый под настом овражек, в результате чего копна рыжих волос, описав замысловатую траекторию, вонзилась в сугроб. На поверхности остались только барахтающиеся в джинсах сапожки. Галантные кавалеры незамедлительно бросились на выручку и ...в один момент оказались в столь же затрудненном положении. Минутой позже из сугроба торчали уже три пары элегантной иностранной обуви.

Октябрьский решительно замотал вокруг хилой шеи шарф и поспешил на помощь. Видя его намерения, Тополевский в полголоса посоветовал: «Рекомендую сделать это по-пластунски». Прикидывая, нет ли в словах сурового визави подвоха, Игорь немного подумал, прокручивая в уме, как бы не попасть впросак, осмотрелся, закатал рукава и пополз осторожно, словно по минному полю.

Проведенная по всем правилам военного искусства спасательная операция быстро помогла возбужденным иностранцам прийти в себя. Расположившись у костра, они с надеждой посмотрели на официанток. Видя, что французы продрогли, Тополевский тактично попросил принести чего-нибудь горяченького. Вера поняла эту просьбу по-своему. Вскоре она появилась с подносом, на котором рубиновыми бликами искрились стаканы с уже полюбившейся всем «клюковкой». Восторгу иностранцев не было предела. Андрей укоризненно посмотрел на девушку, но та лишь смиренно повела плечами. Разгоряченные живительным нектаром гости оживились и загалдели. Рыжеволосая дива на удивление быстро освоилась в кругу новоявленных друзей и непринужденно стала снимать с себя сырые вещи, укладывая их для просушки рядом с костром. Делала она это грациозно и поэтапно. Сначала сбросила яркий пушистый шарф, затем игриво расстегнула куртку и рывком отправила ее следом. Подвыпившие приятели не обращали на девушку ни малейшего внимания. А россияне, заинтригованные возможным продолжением, тревожно переглядывались, не зная, как себя вести. Первым не выдержал Октябрьский. Когда молодая особа, нимало не смущаясь, закатала свитер и обнажила плоский живот, он прошептал Тополевскому: «Андрей Васильевич, это необходимо остановить! Устра-

ивает тут стриптиз, понимаешь ли, – офицер незаметно посмотрел на часы и, не скрывая сожаления, вздохнул. – Вылет только через шесть часов. Продержаться бы!» Полковник, улыбаясь, подсел к гостям и немного пошептался с ними. Не прошло и минуты, как те начали собираться.

– И как это вам удалось уговорить их так быстро? – не поверил своим глазам особист.

– Пообещал, что они смогут поговорить с Тулузой.

– Это невозможно! Нас за это по головке не погладят!

– А за стриптиз похвалят или наградят?

– А указание на запрет связи?! Мы не поймем, о чем они лепечут.

– Товарищ старший лейтенант, обещать – не значит жениться. В ожидании разговора с родным домом они высушатся в тепле и не заболеют, более того: весь процесс будет под вашим контролем.

– Ну, вы и дипломат!

Спустя пару часов Тополевский появился в гостинице. Убедившись, что автобус для гостей готов к отправлению, он поднялся на второй этаж. Навстречу, едва переводя дух, мчался Октябрьский, в глазах которого читался нескрываемый ужас.

– Они все-таки вывели военную тайну? – уколол полковник.

– Хуже, – с трудом отдышался Игорь.

– Неужели завербовали персонал или взяли заложников?

– Мне не до шуток! Пойдемте, сами убедитесь. Там такое!..

Андрея и впрямь ожидало весьма пикантное зрелище: французская троица босиком, в пляжных костюмах и с бутылками вина в руках, обнявшись, разгуливала по пяти специально выделенным к ее приезду этажам гостиницы, весело напевая «Марсельезу». Точнее каждый из них затягивался о чем-то своем, но на известный всему миру мотив. После очередного куплета гости останавливались, делали по внушительному глотку вина прямо из горлышка, после чего с новой силой подхватывали революционный марш, сбиваясь с ритма и теряя равновесие. Мольбы переводчика одеваться и идти в автобус лишь раззадоривали шалунов. Подобно малым детям, они вырывались, хохотали и, толкая друг друга, с гиканьем разбегались в разные стороны.

– Видите?! Что со всем этим делать, Андрей Васильевич?! – застонал особист. – Ситуация выходит из-под контроля.

– Выходит? – усмехнулся полковник. – По-моему, давно вышла.

Вдруг француженка заметила Тополевского. Легко подпрыгнув, она издала радостный клич. Грациозно присев в реверансе, девушка послала россиянину воздушный поцелуй, но, оступившись, едва удержалась на ногах. Возбужденные соотечественники подхватили даму и степенно поприветствовали Андрея взмахом скрещенных над головой рук, сделав заодно по глотку и за его здоровье.

– Убедились? Идет по нарастающей. Как быть?!

– Откуда у них спиртное? – нахмурился Андрей.

– С собой привезли. Не обыскивать же их.

– Выход один: дайте команду немедленно соединить их с Тулузой! В таком состоянии они не то что военную тайну не выдадут, не вспомнят, как мать родную зовут.

Услышав от гида радостное сообщение о возможности поговорить с родным домом, французы стремглав разбежались по номерам. Тополевский облегченно вздохнул и поручил старлею связаться с аэродром. «Скажите, что гости не в кондиции и, скорее всего, вылет придется задержать». Он оказался прав: чартерный рейс был отложен до тех пор, пока окончательно не высохли вещи и не «просохли» их хозяева...

Андрей замолчал, улыбнулся и поставил чашку на блюдце.

– Так после «крещения» французами я стал «главным по иностранцам» или «коммерческим директором космодрома», как это звучало в официальной легенде прикрытия, разработанной компетентными органами, – подытожил он, с теплотой глядя на Машу и возвращая ей текст. – Неточности я поправил.

– Когда же вы успели? – восхитилась гостья. – Телефон не смолкал, от посетителей не было отбоя...

– Жизнь научила. Иначе нельзя. Хотите еще чаю?

– Я и так злоупотребляю вашим временем: в приемной наверняка толпятся люди. По моему, ваши подчиненные не привыкли в рабочее время видеть шефа за чаем, да еще с дамой.

– Пора начинать их удивлять, – слегка смутился Андрей и уточнил: – Значит, отложим чаепитие на следующий раз?

Несмотря на явный цейтнот, ему не хотелось расставаться.

– И это мне предлагает женоненавистник? – сквозь замешательство Маши чувствовалось, что предложение ей приятно.

– Как только меня не характеризовали, но, чтобы припечатать столь хлестко?! Неужели так прямо и называют?

Маша покраснела, опустила глаза, виновато улыбнулась, кивнула в ответ, вскочила и направилась к выходу. Повисла неловкая пауза. Чтобы сгладить ее, Андрей встал проводить гостью до двери.

– Говорят, прежде вы тоже отказывались от чаепитий в мужской компании, – вернулся к разговору он. – Было приятно пообщаться.

– Взаимно, – Маша не знала, что сказать на прощание, потому быстро закрыла за собой дверь, но, что-то вспомнив, заглянула снова. – Так мне показывать текст Октябрьскому? – тихо уточнила она.

– Вы ему не подчиняетесь, – пожал плечами Андрей.

В приемной, на удивление, было безлюдно. Встретившись со своим отражением, Маша на всякий случай осмотрелась и, дурачась, показала самой себе язык. Затем подошла к зеркалу, коснулась его резной рамы и прошептала: «Это ты мне помогла. Теперь ты – мой талисман». Рама была элегантной и очень красивой.

Выйдя в коридор, Маша снова столкнулась с Онищенко. Начальник нахмурился и многозначительно прокашлялся.

– Вы все еще здесь? – его голос с фальцета сорвался на визг. Демонстративно взглянув на часы, он подозрительно прищурился. – Позвольте полюбопытствовать, где же вы были все это время?

– Как вы и рекомендовали, согласовывала текст с Тополевским.

– Несколько страниц целый час? Это что же у вас за отношения?

– С кем? – не сразу поняла Маша.

– С Тополевским!

– Какие могут быть отношения с человеком науки? – возмутилась подчиненная. – Интеллектуальный роман!

– Что?!

– Роман интеллектов. У людей, знаете ли, есть серое вещество...

– Немедленно в студию! – вышел из себя шеф.

– Есть, товарищ полковник! – она развернулась на одних каблуках и нос к носу столкнулась с начальником штаба.

– Почему не в форме? – игриво поинтересовался Рыбаков.

– Товарищ полковник, я всегда в форме!

– Я не слепой! – возмутился офицер. – Где военная форма?

– Александр Владимирович, не кипятись, – пришел на выручку Онищенко. – Мария Андреевна отправляется на запись телепередачи.

– И чем это ей форма мешает?

– Вы свободны, – шепнул женщине замполит.

Дождавшись, когда она удалится, Онищенко пояснил:

– Саня, остынь. Командир позволил ей носить гражданскую одежду. Программу смотрят тысячи людей, зачем мундиром ограничивать зрительскую аудиторию?

– Но она который раз убеждает меня, что в форме!

– Напрашивается на комплимент, – свел разговор к шутке Онищенко. – «В форме» – означает, что дама хорошо выглядит.

– Что есть, то есть. Но уж больно языкастая.

– Других не держим!

– Напрасно! Палец в рот не клади – оттяпает по локоть.

– А ты не клади!

Утром Маша появилась в кабинете Онищенко еще до прихода коллег. Молча кивнув вместо приветствия, положила перед ним видеокассету с записью программы. «Если понадобится ваша консультация, я вас приглашу», – холодно отрезал начальник, видя желание подчиненной объясниться. У дверей она обернулась и упрекнула:

– Вчера вы не захотели выслушать меня, а тем временем майор Октябрьский требует показывать ему материал до выхода в эфир.

Брови Онищенко удивленно поползли вверх. Он задумался, потянулся к телефонной трубке и уже не так уверенно сообщил:

– Я решу этот вопрос. Вы свободны. Кстати, вечером у нас очередные гости. Командир просит вас задержаться. Проверьте готовность музея. Экскурсию рассчитывайте минут на сорок.

– Есть, – буркнула женщина.

– Не слышу в вашем голосе энтузиазма!

– В клетке птице не поется!

Онищенко криво усмехнулся, с интересом глядя ей вслед, и попросил соединить его с начальником особого отдела.

В коридоре Маша снова столкнулась с Рыбаковым. Тот поймал колючий взгляд подчиненной и сухо посторонился. «Здравия желаю», – по-военному четко поприветствовала она. «Почему не в форме?» – вернулся к вчерашней теме полковник. У Маши не было настроения любезничать. Она промолчала, и это задело начальника штаба. «Через пятнадцать минут прийти ко мне. В форме! – строго приказал он. – Не слышу ответа?!» – «Есть!»

Придя на рабочее место, Маша засекала время. Открыв шкаф, она бросила печальный взгляд на погоны, пилотку и портупею, затерявшиеся в дальнем углу верхней полки. Мизер имеющейся в наличии амуниции погоды не делал. Приложив погоны к плечам, женщина печально улыбнулась. Стрелки часов неуклонно приближались к намеченному времени. Маша обреченно посмотрела на себя в зеркало и, вздохнув, направилась к Рыбакову. Она постучалась и в предчувствии неминуемой развязки заглянула в кабинет. Полковник бросил взгляд на настенные часы над входом и удовлетворенно усмехнулся. «Точность вежливость королей», – с видом знатока процитировал он и широким жестом пригласил. – Входите!» Видя, что гардероб журналистки не претерпел абсолютно никаких изменений, начальник штаба побледнел. Ничего хорошего такая перемена в его настроении не сулила, но делать было нечего, и Маша без особого энтузиазма направилась к столу.

– Не понял? – рявкнул полковник. – Почему не в форме?!

– Товарищ полковник, на вещевом складе...
– Никаких отговорок! После обеда прибыть ко мне вместе с непосредственным начальником! – приказал он. – В форме!

– Пожалуйста, выслушайте меня.

– Выполняйте! Кругом! Шагом марш!

Глотая от унижения слезы, женщина вышла. Добравшись до каморки Тищука, справилась с волнением и изобразила на лице подобие улыбки. Капитан весело мурлыкал, с упованием ремонтируя разобранный до винтиков видеомагнитофон. Дословно повторив приказ Рыбакова, Маша виновато опустила глаза.

– Опаньки, – отложил паяльник Леонид. – Допекли его-таки? Сколько раз говорено: с начальством лучше промолчать. Целее будете.

– Если честно, я не получила эту злосчастную форму из принципа.

– Кто бы сомневался.

– Государство тоже на моей стороне: склады пусты, а статья на пошив одежды давным-давно не финансируется. Денежное довольствие не выплачивается третий месяц кряду. Наша доблестная армия служит на голом энтузиазме. Дело дошло до голодных обмороков.

– Я в курсе, – печально признался Тищук и констатировал: – Постперестроечный бардак.

– А вот Рыбаков, по-моему, все еще живет в эпоху развитого социализма. Или делает вид, что не знает про перебои с обмундированием. Давайте заглянем к нему прямо сейчас и попытаемся все объяснить. На мой взгляд, он вполне вменяемый человек...

– Может, для проформы сначала доложим Онищенко? – усомнился ее доводам капитан.

– Мне приказано явиться с непосредственным начальником.

– Только вы уж постарайтесь... хотя бы не возражать.

– Попробую, – не очень уверенно пообещала Маша.

В кабинет Рыбакова они вошли в тот момент, когда полковник воспитывал кого-то по телефону. Поскольку Тищук появился первым, начальник штаба доброжелательно улыбнулся ему и жестом указал на стул. Пожав капитану руку, он повысил голос на невидимого собеседника: «Марычев, твою мать, прекрати базар! Бери людей и дуй на разгрузку вагона! Как это не по твоему столу? Ты читать не научился? Помнишь, что написано в телеграмме? «В связи», – делая ударение на первом слоге, процитировал он. – А кто у нас начальник связи? Значит, тебе соль и прислали. А я почему знаю, на кой ляд? Прислали – разгружай, не держи вагон попусту! Не понял? Повтори еще раз! «В связИ», – меняя ударение на второй слог, согласился он. – Ладно, вертай бумагу взад, распишу Бондарю, – положив трубку, полковник улыбнулся. – Заходи, Леонид, ты-то мне и нужен! У меня тут проблемы с видеокамерой. Не посмотришь?» Из-за спины Тищука бесшумно появилась Маша и, виновато улыбнувшись, опустила глаза. Рыбаков изменился в лице и гневно прокашлялся, утратив на мгновение дар речи. Его простоватое лицо вытянулось. «Я сяду?» – негромко поинтересовалась журналистка и, не дождав-шись разрешения, присела на краешек стула, чем окончательно вывела начальника штаба из себя. «Встать!» – сорвавшись на крик, потребовал он. Маша в недоумении встала и покосилась на поникшего начальника. Предчувствуя скорую развязку, капитан вскочил и собой заслонил ее от гнева полковника.

– Научите вашу подчиненную общаться согласно Уставу и лично примите у нее зачет! – потребовал Рыбаков.

Цвет его лица напоминал багрянец леденящего душу заката. Тищук, дабы не вступать в дискуссию, кратко выдохнул:

– Есть! Разрешите выйти?

– Задержитесь! – рявкнул НШ и резко забежал вперед Маши. – Почему вы снова без формы?

– Я всегда в форме, – упрямо повторила она.

Рыбаков не выдержал взгляда в упор и отвернулся. Леонид незаметно дернул женщину за рукав, но та не среагировала.

– Я никогда не вижу вас в форме!

– Но это ведь не значит, что я не в форме!

– Без демагогии! Почему вы не в форме установленного образца?!

– Потому, что армейские склады пусты... – дама была не робкого десятка и обращение «товарищ полковник» сознательно опустила.

– Завтра прибыть в том, что выдали! – потребовал Рыбаков.

– Рабочий день в части будет сорван, – усмехнулась Маша.

Ее спокойствие возмутило начальника штаба. «Не возражать! И слышать ничего не желаю!» Полковник так грохнул кулаком о стол, что разом подпрыгнули все три телефона, а его фуражка, вращаясь подобно юле, покатилась в угол. Рыбаков потянулся за ней и нечаянно зацепил папку с надписью «На доклад». По кабинету моментально разлетелись многочисленные документы. «Вон!» – что есть мочи заорал он. Маша поморщилась и хотела возразить, но договорить ей не позволил Тишук, успев быстро вытолкнуть спорщицу в коридор. В дверях она столкнулась с дежурным по части. Оценив ситуацию, тот мигом ретировался, но образовавшийся сквозняк уже подхватил со стола оставшиеся бумаги. Пытаясь их удержать, Рыбаков уронил все, что там сохранилось. В кабинете мгновенно образовался такой кавардак, что у Тишука от предчувствия неминуемой беды подкосились колени. Начальник штаба схватился за сердце, печально посмотрел на табличку «Работая с документами, окна не открывать!» и отчаянно помянул мать. Эмоциональной тираде полковника капитан внимал в гордом одиночестве.

Маша, заслышав громоподобный рев Рыбакова, предпочла покинуть приемную, поскольку ее воспитанный на произведениях классиков слух чурался грубых армейских опусов. К нормативной лексике в речи полковника можно было причислить только кратковременные паузы. Все остальные выражения были столь крепки и многосложны, что выходили за грань эмоционального женского восприятия.

Когда Тишук появился в коридоре, можно было подумать, что он с боем вышел из окружения, или, по меньшей мере, одолел марафонский забег. Маше стало жаль начальника, она достала носовой платок и приложила его к струящемуся от пота лицу капитана. Леонид долго не мог прийти в себя, беззвучно ловил ртом воздух и не сразу сообразил, где находится. Он смотрел вверх Маши и растерянно жестикулировал. Так и не найдя нужных слов в адрес подчиненной, невольно ставшей причиной необоснованных на него нападок, офицер решительно двинулся к рабочему месту. Маша едва поспевала за ним. Она виновато молчала.

– Поймите меня, – обретя дар речи, посетовал Тишук. – В армии прав тот, у кого больше прав. Он – начальник, я – дурак. Неужели вам трудно при обращении добавить всего два слова – «товарищ полковник» или спросить разрешение войти?

– Не вижу смысла! Глупо спрашивать разрешение войти, если тебя и без того вызвали.

– Согласен, но так положено. Мы ведь с вами служим в армии, зачем спорить? Давайте я перескажу вам кое-что из Устава, запомните это, и ничего вам не будет страшно.

– А я и так ничего не боюсь, – не сдавалась женщина.

– Жаль, – печально констатировал Леонид. – Марья Андреевна, если бы не ваши многочисленные таланты и совершенно необъяснимая привязанность к вам шефа, я бы предпочел держаться от вас подальше, – капитан прямо посмотрел ей в глаза и требовательно добавил: – И уж прибудьте завтра в чем-то военном.

– Леня! Вы-то меня слышите? У меня же ничего нет!

– Но мы же вместе были на складе, – напряг память он. – Хоть что-то да имеется.

– Вот именно – «что-то». Два галстука и два берета. Погоны и портупоя. И больше ничегошеньки, – акцентировала его внимание Маша. – Даже если я прикрою всем полученным имуществом определенные части своего тела, войсковая часть работать не сможет.

– Почему? – не сразу сообразил Тищук.

– Это все, что у меня есть из военной одежды. Ни кителя, ни юбки, ни даже платья. Только снаряжение и головной убор.

– Только берет и португепя? – дошло, наконец, до капитана.

– И погоны, – добавила Маша. – Рыбаков хочет эротики? Но я слишком хорошо знаю погрешности своей фигуры – ее созерцание не доставит радости окружающим. Представьте реакцию офицеров и солдат, если я в полуобнаженном виде пройду по коридорам?

Начальник, видимо, представил и хитро улыбнулся:

– Мне бы понравилось...

– Леня, это несерьезно, давайте решать проблему сообща. Одолжить платье на персональное дефиле для начальника штаба я, пожалуй, сумею. Но каждый день носить наряд с чужого плеча не собираюсь.

– Но объяснить это Рыбакову будет сложно, – парировал капитан.

– А демонстрировать наготу, согласитесь, неловко. Я, конечно, человек отчаянный, но не до такой же степени. После подобного стриптиз-шоу его ведь могут отстранить от должности. А что станет со мной, и вовсе предположить трудно.

– Ну почему же? Это как раз вполне предсказуемо: уволят по дискредитации. Давайте доложим Онищенко, – напомнил он.

– Лучше без меня... – сникла Маша. – Мне как-то не с руки.

– Понимаю, – Тищук вздохнул и скрылся в кабинете шефа.

Спустя несколько минут капитан выглянул с улыбкой победителя на розовощеком лице и широким жестом распахнул перед Машей дверь. Ловко поменявшись с ней местами, он подмигнул и шепотом успел обнадежить: «Все окей – вопрос улажен». Преодолевая сомнения, журналистка нехотя шагнула внутрь. Онищенко, откинувшись в массивном кресле, в котором выглядел далеко не гигантом, вызываясь улыбался. Молча кивнув на стул рядом с собой, он театрально выдержал паузу и многозначительно сообщил: «Присаживайтесь, помозгуем, как нам быть». Маша насторожилась – этот вкрадчивый тон она слишком хорошо изучила, чтобы ошибиться.

– Марья Андреевна, примите мои поздравления, – с ехидцей в голосе заявил полковник. – Вам снова удалось вывести из себя начальника штаба и по обыкновению впасть в немилость. Но есть и хорошая новость: вопрос вашего гардероба улажен окончательно.

После последнего замечания женщина облегченно вздохнула.

– Отныне и навсегда вы вольны в выборе формы одежды...

Машу охватило двоякое чувство. Эта загадочная фраза вполне могла означать, что начальник штаба больше не настаивает на ношении формы. У него масса неотложных дел, и тратить время на придирки к упрямой подчиненной не имеет смысла. Но могло быть и иначе. В случае увольнения, причину которого руководство найдет всегда и объяснять ее не посчитает нужным, вопрос с выбором формы одежды отпадет сам собой. Думать о последнем варианте как-то не хотелось. Маша понадеялась на благоприятный финал. Возможно, ее начальнику все же удалось договориться с Рыбаковым, и сейчас он тянет время и ждет от нее заурядного раскаяния. Конфликт можно было исчерпать, смиренно попросив у Онищенко прощения. Но унижаться не хотелось, а степень накала их отношений не позволяла свести разговор к элементарной шутке. Замполит, вероятно, рассчитывал на слова благодарности, а потому интригующе шурился. Прикинув все «за» и «против», Маша так и не сумела выдать из себя «благодарю», полагая правой в этом споре себя.

– У меня действительно нет формы.

– Потому с завтрашнего дня вы служите в самой дальней из частей, где вопрос ношения формы не стоит так остро. Допрыгались! – съязвил-таки он и встал с видом праведного мстителя. – Все ясно?

Маша едва сдержала обиду, но взяла себя в руки и встала.

– Будем играть в молчанку? – в голосе Онищенко появились нотки раздражения. – Мария Андреевна, я вижу, ваше упрямство не позволяет осознать всей тяжести сложившейся ситуации. Поясняю: вы более не являетесь ведущей теле- и радиопрограмм, не печтаетесь в газете и не заведуете музеем. Вы едете в часть, где вас будут окружать простые трудяги, в дороге вы будете проводить три и более часа, заниматься вам предстоит в лучшем случае документацией, а то и вовсе носить подносы с пищей, – вышел из себя начальник. – Чего вы добиваетесь? Срочно идите к Рыбакову и извиняйтесь! Кланяйтесь ему в ноги и слезно просите отменить приказание!

– Не кричите на меня! – направилась к выходу Маша.

– Смирно! – повысил вслед ей голос полковник и пригрозил: – Я добьюсь, чтобы вас лишили погон! Можете их снять прямо сейчас!

Маша посмотрела на него, сожалея, и с усмешкой парировала:

– Не вы мне вручали погоны, не вам и отнимать. А чтобы не видеть вас, я поеду хоть на край света и выполню любую работу. Прощайте, – она гордо вскинула голову и вышла, придерживая дверь.

– Сумасшедшая! – обиженно выкрикнул вслед шеф и с угрозой в голосе пообещал. – Вы еще запросите помощи!

– Ни за что, – не оглядываясь, шепнула упрямица.

Глава восьмая

...Ранним зябким утром, перепрыгивая через кочки грязного снега, то и дело вздыхая и бесконечно жалея себя, Маша бежала на мотовоз, боясь не успеть к его отправлению. Резко перестроить свой рабочий график она пока не сумела. Служа вблизи города, женщина так дотошно не следила за передвижением стрелок на часах. Даже если и случалось опаздывать, всегда можно было свернуть на «переклад» и при необходимости добраться до работы авто-стопом. Мотовозный ритм такую вольность исключал. Старенький состав отправлялся строго по расписанию, и возможность попасть на дальнюю площадку попутным транспортом практически сводилась к нулю. Дальнейший опыт показал, что оказия в те края случалась крайне редко, и полагаться на нее было безрассудно.

Нельзя сказать, что раньше Маша совсем не была знакома с мотовозной жизнью. Время от времени шеф пытался приучить ее к субординации и отправлял на перевоспитание в одну из подчиненных частей. Как правило, это были кратковременные творческие командировки по сбору материалов для пополнения музейных экспозиций, которые непременно заканчивались экстренным вызовом на рабочее место. Поскольку нынешняя «ссылка» была продиктована конфликтом с начальником штаба, ее продолжительность была непредсказуема. Вполне вероятно, часть Семенова могла стать местом ее постоянной службы.

Вбежав на перрон, Маша металась в поисках своего вагона. Еще не начавшись, дорога в новую часть уже показалась ей если не заключением, то условным сроком, как минимум. Без каких бы то ни было надежд на амнистию. «Марья Андреевна, вы с оператором или без? – поинтересовался майор и, видя удивление женщины, напомнил: – Вы недавно снимали сюжет о нашей части». «Мне бы добраться в часть полковника Семенова», – смутилась Маша. Офицер проводил ее до вагона и помог подыскать свободное место, поручив знакомому взять шефство над прессой. «Как же, как же, узнали, – улыбнулся тот и, привстав, представился: – Капитан Полунин. Наконец, и о нас вспомнили».

Мотовоз издал резкий протяжный звук, словно прощался с городом навсегда, и нехотя отчалил. Заметив свободное место, Маша извинилась и пересела к окну. Проходившие мимо пассажиры, узнавая ее, приветливо кивали или просто улыбались. Женщина отвечала им взаимностью, но разговоров тактично избегала. Сумбур внезапных перемен требовал переосмыс-

ления, для которого было недостаточно даже полутора часов пути. «Я подумаю обо всем этом завтра», – вслед за героиней любимого романа повторила она, глядя за окно. Еще недавно стройные и кучерявые березы потеряли листву, бросая на рабочий поезд печальные взгляды и кланяясь каждому порыву ветра. Эти белостволие красавицы почему-то ассоциировались у нее с образом военнотружущих женщин: как деревья зависели от погодных явлений, так и дамы в погонах были подневольны перепадам настроения своего руководства. Маша почувствовала себя бесконечно одинокой и, чтобы не расплакаться, закрыла глаза. Время тянулось медленно. Быть может, его бы и хватило, чтобы проанализировать неприятности, свалившиеся на нее в последнее время, но возвращаться к недавним событиям, пусть даже и мысленно, не хотелось. Требовалась обыкновенная передышка, и Маша взяла небольшой тайм-аут.

Следовало признаться, что взаимоотношения с начальством у нее явно не складывались. Не выйти за рамки строго расписанных уставных правил ее мятежной душе не удалось, за что время от времени женщину вызывали на очередной «ковер» и песочили, подобно нерадивому школяру. Скрепя сердце она принимала такое положение вещей, как данность, и бороться за свои права считала бессмысленным. Прежде протесты Маши сходили ей с рук, но изредка все же вызывали праведный гнев армейских бонз. После нового приступа «формомании» или серьезного спора с неугомонным шефом, ей обязательно «ставили на вид», указывая на недопустимость подобного поведения, а то и вовсе грозили «ссылкой на километры», но, как водится, ограничивались лишь предупреждением и спускали дело на тормозах. Маша так привыкла к игре в кошки-мышки, что препирательства по поводу переодевания в военную форму принимала, как должное, и была уверена, что все ограничится очередной словесной баталией. В конце концов, она отвечала за экспозиции музея и проводила в нем бесконечные экскурсии, занималась публикациями в прессе, вела теле- и радиопрограммы, готовила праздничные концерты, сопровождала иностранных гостей, писала отчеты и доклады, не считая десятка текущих поручений. Потому к вопросу десантирования в дальнюю часть подходила философски, искренне полагая, что ее востребованность в качестве гида и журналиста возьмет верх над требованием о ношении одежды установленного образца. Поссорившись с Рыбаковым, она не учла, что начальник штаба далек от информационной политики космодрома, и ему нет ни малейшего дела до вопросов идеологии. Занимаясь боеспособностью, он не вникал в такие мелочи, как пропаганда, потому не слушал не только местные, но и центральные радиопередачи, а по телевизору смотрел исключительно спортивные новости. Решив наказать неугомонную спорщицу, он незамедлительно велел перевести ее в самую дальнюю из частей космодрома и более того: взял этот вопрос на контроль. Переубедить его было под силу только командиру, но идти к нему с такой «мелочью» замполит не решился, потому, как бы ни хотел помочь Маше, вынужден был согласиться с приказом. Видя, что вопросы идеологии находятся под угрозой срыва, Онищенко еще больше злился на строптивую подчиненную, понимая, что причиной всех ее бед является бунтарский дух и несносный характер. А их в армии требовалось искоренять, чтобы другим было неповадно.

Сделав первую остановку, мотовоз тронулся дальше. Маша с грустью вспомнила, как совсем недавно делала с Тищуком документальный фильм о его пассажирах, и, проходя по вагонам, совершенно не задумывалась о настроении сидящих в них людей. Впрочем, что можно было прочесть в их глазах мимоходом? Кто-то, попав в объектив видеокамеры, тушевался и прятал лицо, кто-то наоборот – рисовался и выпячивал себя. Тогда эта поездка показалась ей познавательной прогулкой. Снимали они всего полчаса – на первой же остановке их ожидал уютная машина шефа, который поддержал идею создания необычного ролика. Сделанный по материалам поездки музыкальный клип стал позже гарнизонным телехитом и всякий раз служил украшением местных застолий. Сегодняшний маршрут Маши был не таким радужным.

Слово «мотовоз» только звучало романтично и загадочно. Но каждый из его завсегдатаев доподлинно знал, что это простой рабочий поезд. О нем местные поэты, музыканты и остро-словы слагали стихи, песни, анекдоты, смешные истории и даже легенды. Мотовоз стал самой колоритной из тем народного творчества. Военные фольклористы коротали на колесах время на службу и обратно. В пути они проводили по два, три и более часа в день. Для большинства из них старенькие вагоны стали привычкой, образом жизни, наконец, вторым домом, где успе-ваешь поразмыслить в шахматной или шашечной баталии, сразиться за партией преферанса или другой, не менее азартной, но более выразительной игры, написать письма родным или, наконец, просто выспаться. Здесь читали свежие новости и захватывающие романы, играли на гитаре и чинили сломанные вещи, курили, собирались с мыслями и решали многочисленные проблемы. В мотовозе ссорились и мирились, делились секретами и житейской мудростью.

Особой главы в мотовозной эпопее заслуживали женщины. За неимением рабочих мест в городе они были вынуждены часами добираться на службу за десятки километров от дома. В дороге их купе превращались в мини-парикмахерские и мини-кухни, где приводили себя в надлежащий вид и изобретали замысловатые рецепты. Здесь сводились счеты и давались незаменимые советы, обсуждались семейные драмы и разгадывались многоходовые служебные комбинации. В этих купе на свет появлялись произведения рукодельных искусств, кроились сплетни и зрели всевозможные заговоры. Не секрет, что именно по пути на службу рождались шедевры кулинарии и направления текущей моды, обсуждались вопросы государственной и местной политики, приходило вдохновение и плелись интриги.

Таковыми были, да и, чего греха таить, остаются ныне особенности гарнизонной жизни, и никому не под силу изменить хитросплетения многолетних устоев.

Мотовоз дал гудок и притормозил. Пассажиры встали со своих мест. В общем потоке к выходу потянулась и Маша. Когда она спускалась из вагона, Полунин подал ей руку и вежливо поинтересовался, чему будет посвящен новый фильм. «Надеюсь, не только испытателям? Мы ведь тоже не лыком шиты». «Кина» не будет», – усмехнулась Маша и уточнила, как найти командира. Растерявшийся офицер вызвался ее проводить.

В кабинете Семенова царили полумрак и творческий беспорядок. Полковник внима-тельно посмотрел на Машу и подавил беспокойный вздох. В его взгляде читались сожаление и досада, но в первую очередь – недоверие. Командира терзали сомнения.

– Я не вправе расспрашивать вас об истинной причине приезда – приказы командования не обсуждаются. Работы по вашему профилю, как вы понимаете, в части нет. Может, вас опре-делить к замполиту? Как вы на это смотрите, Марья Андреевна?

– Если честно, меньше всего я бы хотела работать на этой ниве. Проверки и придирки моего бывшего шефа замучают ваших подчиненных, что косвенно скажется на отношении ко мне.

Полковник согласно кивнул.

– Тогда штабным писарем. Работа несложная и...

– А нельзя в зал, где ракета?

– А какое у вас образование? Техническое?

– Филологическое, – смутилась Маша.

– Это что за «зверь»? – растерялся командир.

– Русский язык и литература.

– Тогда на ракету не стоит, – отмахнулся он и подошел к Маше вплотную. – Вы, случаем, не засланный казачок? Может, вас направили приглядывать за мной или как? Никак не пойму, зачем вы здесь?

– Да не диверсант я, а жертва обстоятельств! Сослана за острый язык, – честно призналась женщина.

– Такая головная боль, ясен перец, и мне без надобности: расшатаете штабную дисциплину и будете таковы – вы у нас, думаю, не задержитесь. А мне потом каленым железом восстанавливать порядок. Так что ли? – почесал за ухом Семенов. – Нет, от штаба вас следует держать подальше, – он снял телефонную трубку и распорядился: – Гамова ко мне!

Через несколько минут в кабинете появился седовласый подполковник с внушительными залысынами.

– Алексей Ильич, принимай пополнение.

– Не понял, – опешил тот, расплываясь в улыбке. – Неужели и мы удостоены чести стать героями ваших сюжетов?

– Ты, кажется, говорил, что Бубенцова ушла в декрет? – пропустил мимо ушей его замечание Семенов.

– Ушла... – напрягся Гамов в ожидании подвоха.

– Вот ей замена. Знакомьтесь: Марья Андреевна.

– В образ что ли будете вживаться? – растерялся офицер.

– Служить буду, товарищ подполковник!

– Командир, мне нужна бортжурналистка, а не журналистка, – сообразил, наконец, начальник группы. – Я на полном серьезе.

– И мне не до смеха! – повысил голос Семенов. – Какие уж тут могут быть шутки? Принимай пополнение.

Гамов опешил и не нашелся, что ответить. Командир отвернулся, чтобы скрыть улыбку, а Маша покраснела. От этого торга ей стало неловко, но она была вынуждена молчать – возражать на первых минутах службы не следовало.

– Короче, – командир строго посмотрел на подполковника. – Веди женщину на рабочее место, вводи в курс дела, знакомь с коллективом и все прочее, – он извиняюще посмотрел на журналистку и попросил: – Марья Андреевна, не сочтите за труд дождаться Алексея Ильича в коридоре. Мы тут перекинемся парой фраз.

Маша выскочила в коридор и приложила руки к щекам. Они горели, словно предчувствовали кострище армейской инквизиции. Сдерживая слезы, женщина прислонилась к стене. Проходившие мимо мужчины приветливо здоровались, дамы – высокомерно кивали. Маша начинала понимать, что все произошедшее с ней не сюжет новой передачи, а самая что ни есть реальность. Но привыкнуть к ней еще предстояло.

Наконец, появился с трудом скрывающий недовольство Гамов. Мельком взглянув на новую подчиненную, он сухо предложил ей пройти на рабочее место и подвел к уже знакомому капитану Полунину.

– Андрей Stanisлавович, принимай пополнение.

– Киношников? – оживился тот и пошутил: – Вот и на нашей улице вошла марихуана. Алексей Ильич, нам самим определиться с объектами съемок или на всякий случай режимщика пригласить?

– Обойдешься своими силами! – рявкнул шеф. – Короче, покажи, как заполняется бортжурнал, познакомь с Настей и так далее.

– А как же мы? – сник офицер. – Не восьмое же марта, чтобы только про одних женщин.

– Капитан Полунин, вы меня не поняли?! – взревел Гамов. – Я русским языком говорю: Марья Андреевна будет служить вместо Бубенцовой. Принимай пополнение.

– Понял, – опешил тот. – Ефрейтор Богданова! Ко мне!

Подошла стройная большеглазая девушка в военной форме.

– Вот вам напарница, введите ее в курс дела.

– Есть! – звонко отрапортовала подчиненная, разглядывая Машу, и вежливо пригласила: – Идемте.

В обязанности боржурналиста, которые осваивала Маша, входило фиксирование замечаний по ракете в формуляре на нее. Рабочее место находилось на участке испытаний огромного зала монтажно-испытательного корпуса (в простонародье МИКа). Полунин открыл бортовой журнал и принялся объяснять:

– Вот в эти графы вносятся замечания, выявленные в ходе работ на ракете. Запись делается нашими испытателями, но обязательно в присутствии представителей завода-изготовителя. Порядок их внесения отлично известен всем офицерам. Ваше дело – проследить, чтобы запись была сделана на положенной странице, в нужной графе, и главное – без исправлений. Делается это для того, чтобы в дальнейшем избежать упреков наших партнеров, не дописано ли замечание позже, – капитан наслаждался своей значимостью и возможностью поучать ту, которая еще вчера была на вершине гарнизонного Олимпа, и с интересом следил за реакцией новой подопечной. – Все гораздо проще, чем в журналистике, – иронично пояснил он и уточнил: – Вопросы есть?

– Нет!

– Если возникнут, ефрейтор Богданова вам все объяснит – она у нас боржурналист со стажем. Приступайте к работе!

Настя проводила начальника взглядом и пояснила:

– Бывает, заглянет руководство и поинтересуется, какие внесены замечания. Потому всегда лучше знать суть того, что пишут испытатели. Начальство в журнале копать не любит – ему лучше грамотно доложить, какие сделаны записи и выявлены ли недостатки. Их обычно немного, – заверила она. – Кстати, завтра здесь будет комиссия во главе с московским генералом. В раздевалке осталось платье Бубенцовой. Заберите его домой и приведите в порядок, иначе проблем не оберетесь.

– Мне обещали, что форма не понадобится, – вздохнула Маша.

– В обычные дни можно обойтись и без нее. Но проверяющие любят подивиться на военную выправку. Иначе могут и списать.

– Увольняться мне нельзя: армия меня хотя бы кормит.

– Тогда айда на примерку.

На вечернем разводе группы Гамов, давая указания, как вести себя в присутствии высокопоставленных лиц, задержал пристальный взгляд на Маше и многозначительно поинтересовался:

– Как у вас с формой, Мария Андреевна?

– Я всегда в форме, – по привычке выпалила она, но, помятуя результаты прежних преппирательств, спешно сменила тон: – Завтра прибуду в военной форме одежды!

Подполковник удовлетворенно обвел взглядом строй.

– На строевой смотр всем прибыть поглаженными, подстриженными и со средствами защиты. Вопросы есть?

– Так точно! – не удержалась Маша. – Товарищ подполковник, какие именно средства защиты необходимо иметь при себе?

По рядам пробежал сочный смешок. Гамов нахмурился, не понимая причины веселья. Маша смотрела на него невинными глазами.

– Резиновое изделие номер два, – подсказал кто-то сзади.

Комментарии, пробежавшие вдоль строя, и грянувший следом хохот не предвещали ничего хорошего.

– Со средствами защиты от ОМП, – разделяя каждое слово, уточнил начальник. – Еще вопросы есть?

Среди дружно грянувшего в ответ «Никак нет» подполковник снова уловил голос Маши: «Есть!» Начальник поморщился, а группа замерла в ожидании развязки. Заместитель Гамова подмигнул Маше и, разряжая обстановку, шутливо предложил:

– Пять долларов!

– За что? – уточнила подчиненная.

– За бесплатно не работаем, – самонадеянно выпалил майор.

– Отдам натурой, – с вызовом посмотрела в глаза офицеру Маша.

– Да как вы смеете?! – краснея, возмутился он.

– А вы о чем подумали? – с нарочитой простотой улыбнулась женщина. – Лично я имела в виду ежемесячный продовольственный паек: консервы, крупы, овощи, специи, поскольку денежный эквивалент довольствию даже в рублях не выплачивают уже несколько месяцев...

Офицер провел рукой по лбу, вытирая выступившие бисеринки пота, а начальник группы поспешно скомандовал:

– Разойдись! Прапорщик Пилипенко, а вас я попрошу остаться!

Понимая, что перегнула палку, Маша понуро направилась следом.

– Я с уважением отношусь к речевому жанру и ценю в людях чувство юмора, – пояснил Гамов, когда они остались наедине, – но впредь попрошу вас воздерживаться от комментариев в строю.

Ожидая крутого виража в разборе полетов, Маша оценила тактичность подполковника и благодарно кивнула в ответ.

На следующий день она приступила к исполнению нехитрых обязанностей. Работа шла своим чередом, когда у стойки боржурналистов появился Полунин. «Девчонки! Начальство ведут, нет им покоя. Говорят, та еще «шишка». Мэтр! Пыль быстренько протрите, раз-два!» Маша направилась в щитовую за тряпкой. За время ее недолгого отсутствия в бортовом журнале появилась запись о наличии на обтекателе ракеты царапины. Когда Маша вернулась, напарница уже отбивалась от дружеских объятий Полунина. «Андрей Станиславович, я за водой, а то наш цветок зачахнет от тоски», – игриво улыбнулась она и удалилась, забыв предупредить Машу о внесенном замечании. В этот момент в зале в сопровождении Семенова появилась представительная комиссия во главе с низкорослым генералом. «Тоже мне «мэтр». Метр с кепкой», – мысленно подытожила Маша, но на всякий случай вытянулась по стойке «смирно». Полунин облегченно вздохнул в надежде, что на сей раз обойдется без происшествий. Побеседовав с испытателями, заезжий гость направился, было, к выходу, но краем глаза заметил привлекательную боржурналистку. Взгляд на ней задерживали многие мужчины, но, зная далеко не кроткий нрав и колкий язык, предпочитали улыбаться на расстоянии. Генерал о подобной тонкости предупрежден не был, потому решительно свернул к стойке. Семенов напрягся, а капитан незаметно перекрестился.

– Что же это у вашей ракеты нос поцарапан? – игриво поинтересовался москвич. – Не вы ли хулиганите в свободное время?

– А как еще привлечь внимание высоких гостей?

– И правильно делаете, – лукаво подмигнул весельчак.

Ему захотелось продолжить беседу. Маше бы воздержаться от дальнейших комментариев, но, увы, остановиться вовремя она не сумела.

– Товарищ генерал, может, это вы ракету папахой задели? – бойко предположила она, но, оценив наискромнейший рост собеседника, поняла, что лучше было промолчать: столичный визави был так мал, что до злополучного обтекателя не достал бы и в прыжке с шестом.

От генерала не ускользнул ироничный взгляд миловидной говоруньи. С лица проверяющего мгновенно исчезло подобие улыбки – он решил, что Маша насмехается над его невысоким ростом, и обиженно насупился. Семенов заметил это, его передернуло. Резко развернувшись, гость, не простившись, стремительно засеменил к двери. За ним последовала вся свита. Командир движением глаз подозвал к себе Полунина и что-то строго выговорил ему. Капитана бросило в жар. Он развернулся и на всех парусах помчался к Маше, но, натолкнувшись на ее ложное смирение, растерянно притормозил.

– С вами работать, как на пороховой бочке сидеть, – простонал офицер. – С какой стати вы упомянули рост генерала?

– Так я ведь ни полсловечка об этом, – невинно улыбнулась возмутительница спокойствия и на всякий случай взяла инициативу в свои руки. – И вообще, причем тут рост? Известны десятки великих полководцев: Суворов, Багратион, Кутузов, Наполеон, – богатырским ростом не отличавшиеся, а чудеса творить умевшие. Вспомните Спартака, Македонского, Цезаря...

Капитан жестом остановил запал подчиненной и сухо сообщил:

– В конце рабочего дня зайдите на беседу к командиру.

Маша обреченно вздохнула. Вызов «на ковер» не сулил ничего хорошего – у нового командира на нее тоже мог вырасти зуб.

Освещение в кабинете Семенова оставляло желать лучшего. Стены давно не видели ремонта. Мебель времен расцвета застоя изрядно обветшала. Полковник нервно шагал вдоль стола. Маша, переминаясь с ноги на ногу, устало смотрела под ноги. Разговор шел на повышенных тонах и не нравился ни одной из сторон.

– Марья Андреевна, я с пониманием отношусь к вам и вашему теперешнему положению. Но вольнодумства в части не допущу. Здесь армия, а не Северное тайное общество. Прежде всего – порядок! Это незыблемо. Вынужден перевести вас писарем штаба, – он покосился на Машу и уточнил: – Начальник штаба недоумевает, почему вас не устраивает ритуал воинского приветствия. «Отдание воинской чести» не его прихоть, а требование Устава. В чем суть протеста?

– Это требование по отношению к женщине звучит весьма двусмысленно. С честью расставаться я не намерена!

По умному лицу полковника скользнула улыбка. Скрывая ее, он отвернулся. Семенов тайне симпатизировал журналистке, но не желал, чтобы об этом догадывались другие. Тем более что сославшее ее руководство настаивало на самом строгом отношении к бунтарке. Раздался гудок мотовоза. Маша вздрогнула. «Вы свободны», – наконец, дал добро командир. Женщина вышла в коридор, топнула от обиды ногой и, размазывая по щекам слезы, направилась в умывальник. «Поезд ушел, – включая воду и смывая тушь, огорчилась она, рассматривая отражение в зеркале. – Ну, и как ты теперь доберешься домой? И что будет с Мишкой? Кто его покормит и спать уложит, кто проверит уроки и отправит в школу? Мать называется!» Осознав безысходность ситуации, Маша прислонилась лбом к стеклу и зарыдала.

В это время из здания штаба стремительно вышел Семенов. Лицо его нервно подергивалось. Полковник в надежде осмотрелся. Автомобиль, фыркнув, завелся и подскочил к крыльцу. Командир закурил, затягивая время, не спеша бросил окурочек в урну и сел в машину. Она резко сорвалась с места и понеслась к воротам. И только в этот момент в дверях штаба появилась Маша. Ежась от холода, она натянула перчатки и со вздохом посмотрела на часы. На ее мокром от слез лице читались боль и разочарование. Следом за ней показался дежурный по части. Майор вздохнул и сочувственно уточнил:

– Как же вы умудрились опоздать? С непривычки что ли?

– Командир вызывал...

– Тогда он, по-моему, вас и дожидался. Наверное, хотел подвезти.

– Надо было не задерживать!

– Командиру виднее, но он все же вас искал. Я еще подумал, чего это он все курит и не садится в машину. Теперь вот до дома вряд ли доберетесь: вечером попутка большая редкость. Идите лучше сразу в медсанчасть – там можно вполне комфортно переночевать, – посоветовал он и предложил: – Хотите, позвоню фельдшеру?

– Не стоит. На всякий случай схожу на переклад. Вдруг повезет?

– А хоть знаете, куда идти? Чтобы срезать, держитесь вон той тропинки. Метров через двести, на перекрестке, налево. И больше часа не стойте – нет смысла, только замерзнете, – заметил он. – На обратном пути постучитесь к нам, препровожу вас к медикам.

Маша углубилась в лес. Скрывшись среди деревьев, она присела на замшелый пенек и дала волю слезам. Ей вдруг стало нестерпимо жаль себя. Привиделся голодный, заброшенный сын, который беспокойно метался по холодной квартире. Но более всего тревожил возможный приход мужа, для которого давно уже перестали существовать семья в целом и проблемы ребенка в частности, но при случае он считал своим долгом продемонстрировать жесткий родительский нрав. Воспитательный процесс Митя понимал не иначе, как применение грубой физической силы, и всякий раз, когда ему казалось, что мальчик смотрит на него недостаточно уважительно, хватался за ремень. Признаться, по месту прописки любитель плотских утех появлялся далеко не каждый день, но при этом всегда с неизменным финалом в виде нервного срыва сына. Высмеивая его физические недостатки и интеллигентность, отец попрекал Мишу черствостью и безволием, унижая и оскорбляя детское достоинство, чем провоцировал вспышки ненависти, за которые потом нещадно бил. Мальчик опасался и всячески избегал встреч со скорым на расправу папашей, зная, что тот всегда пьян.

Трезвым появляться в доме Дмитрий остерегался, но с каждым месяцем все глубже увязал в топи хмельного болота. Доведенный до отчаяния подросток не раз грозился отомстить обидчику. Особенности психики переходного возраста в любой момент могли обернуться трагедией. Памятуя, что капля камень точит, Маша старалась не оставлять их наедине. Смирившись с тем, что семейные отношения обречены на провал, женщина не считала возможным попустительствовать жестокости супруга. Принимая сторону мальчика, она усугубляла конфликт с мужем и не знала, как разорвать этот порочный круг. Разъехаться в гарнизоне было сложно, поскольку квартирный вопрос всегда стоял очень остро. А оставаться под одной крышей врагами было опасно. Посодействовать в получении жилья на «гражданке» не смогла бы и дюжина золотых рыбок. Потому Маша призвалась в армию: в качестве военнослужащей она обрела законное право на заветные квадратные метры. Зная по личному опыту, сколько лет мать обивала пороги всевозможных ведомств, чтобы получить ордер на их однокомнатную хрущобу, она только теперь ощутила высокую цену собственного угла.

Сам Дмитрий об уходе в общежитие и слышать не хотел. Его вполне устраивала отдельная комната и независимость в придачу. Вот только нежелание брать на себя ответственность за чью бы то ни было судьбу лишало шанса устроить личную жизнь в дальнейшем. По мнению гарнизонных охотниц за мужьями, Митя был бесперспективен, поскольку предпочитал плыть по течению и злоупотреблял спиртным. Он с большим удовольствием заводил бурные романы, но ЗАГСа сторонился, как черт лаdana. Терзая себя и своих близких, полумуж-полусосед не находил ни времени, ни желания разрубить гордиев узел созданных им же проблем. Безусловно, ситуация требовала экстренного вмешательства. Маша не раз собиралась развестись, но, будучи в силу своей профессии публичным человеком, откладывала поход в суд в долгий ящик. Не хотелось, чтобы их с Дмитрием грязное белье стало достоянием многочисленной теле- и радиоаудитории. Да и объяснение с руководством в этом случае было неизбежным. А разговаривать на столь щекотливую тему с Онищенко ей хотелось меньше всего. Загнанная в тупик, она никак не решалась на развод.

Ссылка в часть и как следствие отлучение от эфира пришлось как нельзя кстати: они помогали избежать масштабной огласки. В этот же вечер Маша написала заявление на развод. В конце концов, насильно под венец ее никто не вел, а противостоять неприятностям больше не было ни сил, ни желания. Предъявлять кому бы то ни было претензии было глупо и бесполезно. Жалела она лишь о том, что не решилась на эту неизбежную процедуру раньше. Прошло бы не так болезненно для сына. Она вздохнула и улыбнулась, осознав, наконец, что пришло время начать жизнь с чистого листа.

История Машиного замужества не отличалась от сотен тысяч неприкаянных женских судеб. С Дмитрием они учились в одной школе, которую он с блеском закончил двумя годами раньше. Ухаживаний старшеклассника скромница Маша долго не замечала. Она была отличницей и активисткой, и, как все ровесницы, втайне мечтала о принце и надеялась на покровительство сказочной Феи. Воспитанная без отца, девочка долго сторонилась сверстников, предпочитая их обществу диванному чтению далеких от реальности романов. Выбрав своей специальностью филологию, она с легкостью поступила в университет и часами просиживала в читальном зале, все глубже погружаясь в мир классических грез. Учебная пятилетка вкупе с трудовыми семестрами не научили ее бороться с житейскими трудностями и невзгодами. Преодолевать их позже учила сама жизнь. И, как водится, делала это жестоко и без сантиментов.

Спустя годы Маша поняла, что причиной семейных неурядиц стал не только ее инфантилизм. Митя рос с матерью, всегда готовой приютить заглянувших к ней на огонек мужчин. Слово «отец» он так и не узнал, поскольку кандидат в таковые замерз задолго до его появления на свет, возвращаясь с очередной бурной попойки. И не вина, беда парня в том, что впитанная с молоком матери неразборчивость в связях со временем стала моделью его поведения.

Поступив в военное училище прямо со школьной скамьи, юноша едва ли отдавал себе отчет, что не готов к серьезным семейным отношениям. Приняв первую же влюбленность за серьезное чувство, Дмитрий стал забрасывать Машу объемными любовными посланиями, не решаясь признаться даже самому себе, что покорение своевольной барышни для него, заядлого спортсмена, стало попросту навязчивой идеей, когда к достижению цели идешь любой ценой. Его избранница жила в своем мире, где Мите не было места, а потому заветный трофей по имени Маша стал для молодого человека делом престижа. Он приложил массу усилий, чтобы обратить на себя внимание. Признаться, юный искуситель был остроумен, хорош собой, слыл покладистым и компанейским парнем. В него безудержно влюблялись девушки, а позже и женщины, и это окончательно утвердило его в собственной неотразимости. Дмитрий так уверился в своих силах, что перестал понимать слово «нет».

Когда Маша не приняла ухаживаний в первый раз, курсант только раззадорился. Дождавшись ее совершеннолетия, он добился внепланового отпуска и примчался, чтобы сделать очередное предложение, но снова получил отказ. Девушка открыто дала понять, что до окончания учебы замуж не собирается и вовсе не факт, что ее избранником станет именно Митя. На обратном пути ревнивец вынашивал план мести и решил проучить обидчицу, молниеносно женившись на соседке по купе, которая всю дорогу горевала о разрыве отношений со своим кавалером. Через сутки они расписались, а уже через две недели молодая жена торжественно объявила о своей беременности. Спустя семь месяцев Дмитрий вынес из роддома сына-богатыря, но эта радость была омрачена комментариями более опытных товарищей. Те быстро вернули его с небес на грешную землю: подруга сокурсника лично принимала роды и подтвердила, что упитанный карапуз появился на свет даже позднее намеченного срока. Открывшиеся обстоятельства обострили и без того непростые отношения молодых супругов. Дмитрий предпочел держаться подальше от злополучной семейки и вернулся в казарму. Так его первый любовный опыт потерпел сокрушительное фиаско.

Горечь поражения и стремление проучить весь женский род очень скоро толкнули его в объятия юной поварихи. На смену ей пришли лаборантка, массажистка и парикмахерша, вместе взятые. Число утешительниц росло пропорционально годам обучения. Незадолго перед выпуском избирательный ценз будущего офицера повысился. По обоюдному согласию с одной из преподавательниц он благородно помог ученой даме не упустить последний шанс стать матерью. Прощаясь с молодостью, она выбрала будущему малышу генетически перспективного отца, не требуя от последнего ничего взамен. Узнав об этом, официальная жена Мити подала на развод, найдя благовидный предлог вернуться к бывшему возлюбленному, благо, тот одумался и захотел воспитывать собственного сына. К сожалению обманутого супруга и к радо-

сти его второй половины, о генетической экспертизе тогда известно не было, потому суд не выявил обстоятельств, позволивших поставить под сомнение факт Митиного отцовства. Так с исполнительным листом вместо семьи умудренный опытом лейтенант прибыл на космодром и, наверстывая упущенное, пустился, как говорится, во все тяжкие. Сполна вкусив плотских радостей, он, впрочем, не выпускал из вида первую любовь, которая, по его сведениям, замуж так и не вышла и по окончании университета вернулась в родной город, с головой погрузившись в школьные будни.

Поклонниками Маша обижена не была, но того, единственного, пока не встретила. Это окрылило Митю. При поддержке будущей тещи и вездесущих соседей он бросился завоевывать любимую не штурмом, а осадой. Мать Маши, боясь, что ее кровиночка засидится «в девках» и, подобно миллионам учителей, будет прозябать в нищете в их однокомнатной квартирке, упорно настраивала ее на семейный лад. Давний ухажер проявлял себя во всей красе: регулярно слал телеграммы, исправно звонил и каждые полгода навещался в отпуск, забрасывая Машу цветами и подарками. Он клялся в вечной любви и безграничной преданности, обещая манну небесную и полцарства в придачу. С потенциальной тещей Дмитрий был чрезвычайно обходителен. Желая дочери только добра, та первой склонила чашу весов в пользу замужества. К всеобщей радости Маша вскоре капитулировала. Впрочем, обручальное кольцо не стало гарантом ее счастья. Долгосрочность их с Митей перспектив карточным домиком рухнула в первый же вечер по приезде в гарнизон. В разгар свадебного застолья невеста случайно заглянула в ванную комнату и стала свидетельницей первой измены новоявленного супруга. Дождавшись, когда гости уйдут, а муж заснет, она проплакала ночь напролет. Узнав причину слез, Дмитрий обвинил жену в консерватизме и привел в пример прогрессивных шведов. Надежды на тихое семейное счастье не оправдались, а возвращаться в отчий дом было совестно, потому новобрачная отдалилась и замкнулась в себе. Понимая, что семейная лодка идет ко дну, горемуж направил свой баркас к мысу плотских утех. Для Маши подобная модель поведения была неприемлемой, но, рассудив, что годы уходят, она задумалась о материнстве. Кандидат в отцы естественно был один – законный муж. Купаясь в океане бурных страстей, рождение сына Митя воспринял как посягательство на личную свободу. Решив, что привыкать к малышу не стоит, он, не задумываясь, вычеркнул кроху из своей жизни. Теперь супругов связывали только штамп в паспорте и общая жилплощадь.

Маша никоим образом не претендовала на финансовую и прочие виды помощи, не обивала пороги начальства в поисках справедливости и даже не жаловалась общим знакомым. Оказывается, она была счастлива уже тем, что стала матерью.

Поразмыслив, что такое существование не лишено прелестей, Дмитрий в одностороннем порядке сложил с себя отцовские обязательства. Его корабль взял окончательный курс к островам наслаждений, а жизнь приобрела «полноценный» смысл. Теперь-то он точно знал, что привычная семья – удел безголовых простаков...

Придя в себя, Маша ощутила холод, осмотрелась и поняла, что все еще сидит в лесу. Стемнело. Она вытерла слезы и стала искать тропинку.

В это время к штабу вернулся командирский автомобиль. Дежурный, положив ноги на табурет, удобно откинулся в кресле и смотрел телевизор. Он не заметил приезда Семенова и выскочил навстречу, когда тот появился уже на пороге. «Документы забыл», – сухо пояснил командир, следуя в свой кабинет. Майор проводил его удивленным взглядом и остался ждать на входе. Через несколько минут полковник появился с папкой в руках. Дежурный проводил его до машины, чувствуя, что командир хочет о чем-то спросить, но не решается. Офицер даже предположил, что тот интересуется судьбой отставшей от мотовоза женщины, но озвучить эту мысль вслух не отважился. Семенов нервно передернул плечами и направился к машине.

Маша появилась на перекрестке как раз в тот момент, когда командирский автомобиль стремительно промчался мимо. Она бросилась вдогонку, но не успела и в бессилии остановилась. В свете одинокого фонаря ее сгорбленная фигура напоминала силуэт затравленного зверя. Слезы брызнули из глаз с новой силой. Страдалица не сразу заметила, что машина дала задний ход. Семенов привык, что ловцы удачи обычно бросались к машине наперегонки, стремясь поскорее занять вакантное место, и был удивлен, что новенькая застыла на месте как вкопанная. Та же попросту ждала, чтобы высохли слезы. Полковник нетерпеливо открыл дверцу, выглянул из салона и недовольно поторопил:

– Нельзя ли побыстрее! Видите, вас ждут.

– Не думала, что меня. Говорят, вы не сторонник брать на борт женщин, – защищаясь, съехидничала в ответ подчиненная, забираясь на заднее сидение, где уже сидел незнакомец.

– Счастье, что вы – не моя женщина, – с апломбом бросил попутчик, заведомо беря сторону руководства.

– Все женщины не могут быть вашими, – парировала Маша.

При этих словах офицер закашлялся, а Семенов улыбнулся. Всю дорогу ехали молча. Уже в городе командир, оценив смелость и независимость Маши, поинтересовался, куда ее отвезти. Она попросила притормозить у магазина, поблагодарила за помощь и попрощалась.

В универсаме неподалеку от кассы Бедоносова придирчиво изучала стеллаж с овощными консервами. Пытаясь избежать нежелательной встречи, Маша предусмотрительно обошла ее стороной, краем глаза заметив, что активистка метнулась к Митрофановой. В шапке-таблетке Ада напоминала старуху Шапокляк из полюбившегося мультика.

– С нашими фигурами сладости не страшны, – фамильярно заметила Анна, видя, что надменная мадам выбирает между сдобой и конфетами.

Та посмотрела исподлобья, не считая нужным отвечать.

– Как дела? Как дети?

– И вам не хворать, – сухо попрощалась Митрофанова.

– Адочка, погоди! – метнулась следом Бедоносова, делая вид, что не замечает намеренной холодности тона. – У меня к тебе небольшая просьба. Надеюсь, выручишь по старой дружбе?

– Анна Алексеевна, мне не до праздной болтовни, спешу, – категорично свела на нет всяческие попытки общения Ада.

Бедоносова решила не отступать и нагнала ее уже на улице, услужливо забежав вперед:

– Ада... Сергеевна. На правах давней приятельницы интересуюсь...

– Не стоит, – запротестовала собеседница. – Убеждать вас, что кресло заведующей я получила вовсе не потому, что имею мужа-генерала, у меня нет ни времени, ни желания.

– У меня другой вопрос, – залебезила Анна, переходя на скороговорку. – От души поздравляю тебя... вас с новым назначением и прошу за сына. Сережа в этом году выпускается из училища. Хотелось бы...

– Вопросы распределения вне моей компетенции, – высокомерно оборвала ее генералыша, в тоне которой сквозила откровенная неприязнь. – И в дальнейшем попрошу вас учесть, что муж не терпит вмешательства в служебные дела.

Маша, чтобы разминуться с Бедоносовой, на всякий случай шагнула за угол и переждала.

У своего дома она неожиданно столкнулась с Полуниным. В пакете капитана оптимистично позвякивали бутылки. Он растерянно опустил глаза и стал оправдываться:

– Иду вот по делам...

– Дело холостяцкое, имеете полное право, – улыбнулась Маша и посочувствовала: – Андрей, вас опять отчитали за мой острый язык?

– Что было, то было, – смутился тот. – Кстати, Марья Андреевна, с завтрашнего дня вы служите на телеметрии. Там тихо, тепло, уютно.

– И вне поля зрения начальства, – закончила его мысль Маша.

– Не без этого, – с готовностью согласился офицер. – К тому же дочка шефа после музыкального училища вернулась – надобно трудоустроить.

– Славно, теперь будем работать с музыкой. А у вас, Андрюша, появится возможность завязать с холостяцкой жизнью. Женитесь, заведите ребеночка, и тесть сразу же продвинет вас по службе.

– Пускай лучше добровольно уйдет на заслуженный отдых и освободит место, – запротестовал капитан. – Тогда у меня и без его участия перспектива появится. А дочь его не в моем вкусе, да и мы... – он долго подыскивал слово, – в разных весовых категориях. Она в папу – колобок. Так что не женюсь ни за какие коврижки: с меня хватит первого раза!

– Не зарекайтесь, – усмехнулась Маша. – По-моему, вам самое время обзавестись наследником – из вас выйдет славный отец.

– Вы так думаете? – обрадовался Андрей и, порывшись в карманах, протянул фото. – Как вам она?

С портрета, улыбаясь, смотрела милая школьная учительница, скромная, симпатичная, интеллигентная.

– Вполне. Одобряю ваш выбор.

– Если честно, я пока не определился, – признался начальник.

– Мамочка! – налетел сзади Миша.

– Привет, бродяга, – обняла сына Маша, – пошли кормиться, – она посмотрела на сослуживца и, кивнув на пакет с бутылками, добродушно посоветовала: – По возможности не берите на душу лишнего.

– Само собой, – неуверенно пообещал Полунин.

Утром на службе он выглядел уставшим и понурым. При взгляде на ракету капитана откровенно воротило. Подойдя к стойке боржурналистов, он хмуро попросил у Насти средство от головной боли. Девушка, пряча улыбку, привычно протянула таблетку и воду.

– Снова гусарили? – посочувствовала она.

– Ирония судьбы, – вздохнул офицер, залпом осушив стакан.

– Банная что ли история, Андрей Станиславович? – игриво обратила на себя внимание девушка весьма заметных размеров. – Парились?

– Можно сказать и так, – хмыкнул начальник, удаляясь.

– Холост? – по-деловому уточнила новенькая, доставая зеркальце.

– Как и большинство других, – углубилась в книгу Настя.

– Папа сказал, что рабочее место – не читальный зал, – в пику ей заметила напарница, щелкнув крышкой роскошной пудреницы.

– Ясно. Не будем расстраивать папу, – Настя убрала роман в сумочку и приветливо кивнула знакомому.

– Девушки, здравствуйте, готовимся писать замечание, – вырос перед ними майор и осмотрелся. – А где же Маша?

– Осваивает телеметрию, – открыла боржурнал Настя. – Диктуй.

– Вместо Маши теперь я, – жеманно сообщила толстушка.

– Жаль, – сухо констатировал офицер.

– Хамло! – небрежно хмыкнула девица, едва майор исчез, и капризно надула губки. – Ему, видишь ли, жаль, что здесь теперь я!

– Лена, ему жаль, что нет Маши, – уточнила соседка.

– Я не Лена, а Алена! – нахмурилась напарница, нервно перебирая содержимое косметички.

– Выходит, против парикмахерского салона на рабочем месте папа не возражает? – с вызовом парировала Настя.

Лаборатория Маши располагалась этажом выше. В комнате действительно было тепло, светло и немногочисленно. Кроме нее, здесь находился молоденький двухметроворостый лейтенант. Пугливый и неразговорчивый, он, чертыхаясь, возился у гудящего за перегородкой устройства. Маша смотрела на него с улыбкой, но помощь не предлагала – сама едва успевала записывать показания в толстый рабочий журнал. С непривычки делать это было не так просто. То и дело путаясь в графах, она с нетерпением ждала окончания работ. Наконец, по громкой связи донеслось: «Испытания завершены. Все свободны». Лейтенант только что не перекрестился и с облегчением выключил монитор. «Отдыхайте, – радостно разрешил он и уже на выходе предупредил: – Будут искать, я – в зале». В дверях он столкнулся с Полуниным. Молча посторонились, пропуская друг друга.

– Маша, – капитан на мгновение замялся, но протянул ей конверт. – Можно вас отвлечь?

– Вы мне вчера уже показывали, – напомнила она.

– То фото, а вот само письмо, – офицер протянул несколько листов, исписанных крупным размашистым почерком.

– Я не читаю чужих писем, – запротестовала женщина.

– Пожалуйста, не отказывайте мне в помощи и дайте совет! Вы единственная, кто верит в то, что я стану хорошим отцом.

Маша уже пожалела о вчерашнем разговоре, но делать нечего, она развернула письмо. Пока она читала, капитан нетерпеливо барабанил по оконному стеклу, перекладывал с места на место документы и нервно чертил карандашом на листе бумаги всякий бред. Он то суетливо садился, неуклюже обхватив голову руками, то вскакивал и начинал метаться по комнате, вытирая выступивший пот не совсем свежим носовым платком. Маша подняла голову и внимательно посмотрела на бедолагу:

– Что тут непонятного? Девушка отчаянно вас любит, – она вернула письмо. – О свадьбе не мечтает, будущего ребенка...

– Не отказываюсь – мой! Но жениться... – Андрей замялся, подыскивая слово, – ...рановато.

Маша взглянула на его залысины и мысленно усмехнулась.

– Я не вправе принимать решение за вас, – вздохнула она. – Девочку Марина в любом случае решила рожать для себя. Как я понимаю, на браке она не настаивает, да и живет, как вижу, далеко.

– Да, рядом с моими родителями...

– Будет кому помочь. Но развязать этот узел, кроме вас, никто не в состоянии, – Маша налила и протянула капитану стакан воды. – Решайте сами. А почему она так уверена, что будет дочь?

– УЗИ определило, вот она мне и позвонила.

– А вы еще и перезваниваетесь?

– А почему нет? Мы же одноклассники!

– Только ли? Этими разговорами вы подаете ей надежду.

– Вы так думаете? – искренне удивился Андрей.

– Для женщины, уверена, важнее всего определенность.

– А что гуманнее?

– Кому как. Единственный совет: определяйтесь поскорее. Беременным вредно волноваться. Пожалейте мать и ребенка.

– Нет, ну, жениться я точно не намерен!

Вместе со стуком в комнату вошла Настя с баночкой облепихового варенья в руке и с ходу воткнула в розетку вилку электрического чайника. Маша облегченно вздохнула, офицер недовольно закашлялся и, пряча письмо в карман, нехотя попятился к двери.

– Андрюха, оставайся на чай, – хохотнула ему вслед гостя, усаживаясь за стол. – Небось, о «хозяйской» дочке талдычил?

– Ни слова об этом. Кто, кстати, такая?

– Не ахти, – отмахнулась Настя. – Девушка с характером.

– Так это здорово. Нашего полку прибыло.

– Между прочим, точит на тебя зуб.

– С какой стати? Ведь мы не знакомы и даже не встречались. Насколько я знаю, она едва ли не вдвое моложе.

– Но не терпит соперничества! Амбиций выше крыши!

– По-моему, я ей не конкурент!

– Она так не считает. Держись – Алена будет самоутверждаться.

– Прорвемся, не привыкать! Выдадим замуж – и все дела.

– За кого?

– К примеру, за Андрея.

– У него на толстушку самая настоящая аллергия!

– Это пока. Не секрет, капитан мечтает занять место ее папы, – напомнила Маша. – А шеф, заметь, со своим креслом расставаться не спешит и второй месяц тянет с увольнением. В качестве зятя получить его должность проще всего. Что-то мне подсказывает, что карьеризм Полунина возьмет верх.

– Андрей никогда на это не пойдет! – пряча взгляд, взорвалась Настя, заливаясь пунцовым румянцем.

Маша только сейчас поняла, что задела больное место коллеги.

– Как знать. Буду рада ошибиться...

Глава девятая

У ворот войсковой части машина с Машей и Никитой притормозила. Навстречу прибывшим степенно вышел контролер:

– Вы с телевидения? – солдат тщательно проверил документы и попросил: – Загляните в режим, там ваше разрешение на съемку.

– Ясно, – Маша захлопнула дверцу и уточнила. – НП направо?

Воин кивнул и на всякий случай указал направление рукой.

– Помню, – порадовалась она. – Это сюда меня ссылали.

– Революционерка ты наша! – с улыбкой прокомментировал воспрянувший духом оператор. – Кстати, что за зверь этот НБ?

– НП, – поправила collega, всматриваясь. – Наблюдательный пункт. Олег, притормозите. По-моему, нам что-то несут.

– Маня, отпад! – восторженно прокомментировал Никита. – Какой ништяк эта ракета! Первый раз вижу так близко!

– При желании сможешь и потрогать, – заверила она, покидая машину, и предложила: – Выбирай натуру.

У тропинки их уже поджидал офицер штаба. Предупредив, что разрешение на съемку сейчас поднесут, он стал инструктировать Никиту. Выслушав, тот послушно кивнул и полез на дерево.

– Сниму через березовые листья, – радостно сообщил он.

– Лучше сквозь ветви голубых елей, – посоветовала Маша. – Они здесь не хуже, чем на Красной площади.

– Откуда такая роскошь?

– Высадили после катастрофы. И на мемориале тоже... – голос журналистки дрогнул.

Так и не договорив, она, сама того не желая, оказалась в плену событий десятилетней давности.

...Морозным зимним утром в день памяти по погибшим испытателям космодрома у Вечного огня мемориала по традиции собрались ветераны и военнослужащие гарнизона. Пока строились офицерские «коробки», Маша интервьюировала тех, кому удалось выжить. Пряча глаза, они отворачивались от объектива камеры и избегали микрофонов. Над озером тихим стоном лилась траурная музыка.

В суете никто не обращал внимания на стоящую за елями дородную женщину. Она сторонилась толпы, в бессилии растирая опухшие от слез глаза. Ее сгорбленные плечи сотрясали рыдания. Пока шел митинг, женщина едва держалась на ногах. Когда основная масса народа разошлась, она с трудом присела возле одной из плит и, упав на колени, стряхнула изморось с портрета молодого парня. Слезы градом полились по ее изможденному лицу. Мать нежно провела ладонью по непослушным вихрам и тихо извинилась за нечастые встречи. Всматриваясь в любимые глаза, она вела неторопливый разговор со своим дорогим мальчиком, рассказывая о затяжных бедах и крошечных победах. Маша с телеоператором Сергеем работала в центре событий. Записав несколько интервью, она не обратила внимания на сгорбленную фигуру и поспешила в студию.

– Монтировать будем сразу или потом? – уточнил Сергей.

– Сейчас. И побыстрее. У сына сегодня день рождения.

– Угрозило же его родиться в такой день.

– И не говорите! Впрочем, сын тут не причем: угрозило меня. Причем на месяц раньше срока: планировалось, что Мишутка появится на свет аккурат в день космонавтики. Но ему не терпелось поскорее стартовать на волю. С тех пор вертится, как заводной.

Завершив дела, Маша помчалась домой и прямо с порога принялась за готовку. Прославившая торт, она то и дело косилась на часы. Сын задерживался, и оставалось неясным, скольких гостей он приведет вместе с собой. В прошлый раз на праздник собралась дюжина добрых молодцев с отменным аппетитом. Матери хотелось, чтобы в этом году появились, наконец, и девочки.

Миша ворвался, как обычно, внезапно, но раздеваться не спешил. На ходу поцеловав мать, он схватил горбушку хлеба и помчался к выходу, сообщив, что идет помогать учительнице, у которой при взрыве ракеты погиб сын. Маша расспросила его и из сбивчивого объяснения подростка с трудом поняла, что речь идет о событиях десятилетней давности. Для нее, приехавшей в гарнизон уже после трагедии, стало откровением, что в городе живет мать одного из захороненных на мемориале солдат.

Утром следующего дня Маша буквально ворвалась в кабинет Онищенко. Изучая газетные публикации с красным карандашом в руках, замполит делал выписки в толстенную тетрадь. Он сухо посмотрел на подчиненную и нервно уточнил:

– Почему опоздали?

– В городе живет мать погибшего при взрыве солдата!

– И что? Я интересуюсь, почему вы опоздали?

– Зашла к ней на работу, узнала, правда ли все это. Оказалось, да.

– А причем здесь вы? – потерял терпение шеф.

– Одинокому немолодому уже человеку требуется помощь!

– Мария Андреевна! – вышел из себя начальник. – Через час у вас в музее экскурсия для особо важных гостей, а вы занимаетесь демагогией и до сих пор не представили мне не только план проведения экскурсии, но и текст того, о чем вы будете говорить. И свой график работы до обеда!

– Товарищ полковник, в городе живет мать, у которой армия отняла двух сыновей! – вспыхнула Маша, едва скрывая слезы. – Тело второго сына ей привезли из Афганистана через девять месяцев после взрыва, но она в тот момент переезжала в наш город, и его похоронили на родине, в деревне, за тысячу верст отсюда. Теперь у матери даже нет средств, чтобы раз в несколько лет навестить вторую могилу. У нее в этой жизни вообще больше никого и ничего не осталось. Ей живется очень нелегко. Давайте позаботимся о ней!

– Какого рожна вы лезете не в свое дело?! Вам что, своих обязанностей мало? Добавим! Не мы у нее сына отняли...

– А кто?! И как ей это объяснить?! Она отправила в армию здоровых парней, а получила вместо них два цинковых гроба!

– Не теряйте понапрасну время! И чтобы через двадцать минут у меня на столе лежали планы мероприятий на...

Так и не дослушав его гневной тирады, Маша, хлопнув дверью, выбежала вон.

– Вернитесь и выйдите, как положено! – потребовал вслед замполит, но бунтарка лишь отмахнулась.

Спустившись этажом ниже, Маша фактически ворвалась в приемную начальника космодрома. Адьютант бросился на дверь, словно на амбразуру, и стойчески заслонил собой вход в генеральский кабинет. «У командира – важная встреча, – шепотом, словно речь идет о военной операции, сообщил он. – Ваша экскурсия только через полчаса».

Женщина украдкой осмотрелась, прикидывая, чем можно отвлечь внимание прапорщика. Отдышавшись, она села на стул возле генеральской двери, схватилась за сердце и с легким стоном запрокинула голову.

– Вам плохо? – испуганно вскочил адъютант.

Гостья кивнула, беспомощно глядя на графин с водой.

– Да-да, пожалуйста, – без слов внял ее просьбе прапорщик и трясущимися руками протянул стакан.

– А валидол есть? – чуть слышно уточнила притворщица.

– Момент, – собеседник исчез в комнатухе рядом.

Едва он скрылся, Маша вскочила и решительно распахнула заветную дверь. Генерал Митрофанов сидел за большим круглым столом в окружении деревенских стариков. В руках он держал кусок толстого поролон и огромную «цыганскую» иглу. Проткнув поролон, генерал протянул иглу первому из дедов: «Теперь ваша очередь». Старик повторил опыт. Командир предложил продолжить эксперимент его соседу.

– Ну, как, отцы? Заметно что-нибудь? – хитро поинтересовался он, когда практические занятия были завершены.

– Нет, – хмуря лоб, качнул головой самый бойкий. – А что мы должны были разглядеть?

– След от иглы.

– Нешто его увидишь? – усмехнулся в бороду старик.

– Усложняем задачу и берем прут, – Илья взял толстую стальную проволоку. – Протыкаем – а дырки как не было, так и нет, – он прищурился и хитро посмотрел на гостей. – Можете сами убедиться.

– И что с того? – напрягся бородач.

– Так и с нашими ракетами. Не делают они дырок в небе, – Митрофанов сел. – Не от этого ваша картошка желтеет, отцы. Клянусь матерью, – для убедительности вставил он.

– Она, кстати, велит тебе кланяться, – вспомнил гость. – Но ты, Илюха, все же растолкуй, почему раньше ботва не желтела.

– Удобрения были натуральными! Сейчас одна химия.

Командир рассмеялся и заметил взволнованную Машу.

– Вы ко мне?

- Да, – только и смогла выдохнуть журналистка.
- Срочно?
- Очень!

Митрофанов извинился перед делегацией, встал, выглянул в приемную и поручил: «Николай! Сделай-ка нам всем чаю, да покрепче!»

Генерал подмигнул прапорщику и обернулся к старикам.

– Прошу вас в комнату отдыха, – незаметно он распахнул дверь позади своего кресла. – А я пока поговорю с дамой. Очень скоро она проведет для вас прекрасную экскурсию.

Командир жестом пригласил вошедшую сестр, внимательно выслушал, снял телефонную трубку и коротко приказал: «Солопова!» Услыхав в ответ голос подчиненного, начал без подготовки:

– Дело есть по твоему столу, Николай Викторович. Говорят, в городе живет мать солдата-героя... – слушая ответ, командир одобрительно кивал головой. – Правильно делаешь. А как ты догадался? – он что-то черкнул на календаре и с удовольствием пояснил Маше: – Даже привез ей землю с места взрыва. Что касается продуктов, молодец, – это ей кстати. И ремонт тоже. А мне вот советуют привезти ее в часть, пусть походит возле старта, побудет на месте взрыва. Знаю, что не положено, но она мать. Кто накажет? Любые органы войдут в наше положение. Ей до наших секретов нет никаких дел. И еще. Ее второй сын погиб в Афгане и похоронен на родине. Надо бы организовать проездные документы, отвезти на вокзал, потом встретить. Никакого финансового нарушения не будет. Как это, кто? Это я тебе говорю. При чем здесь ревизия? Там тоже люди. У них что, матерей нет? Она не на курорт едет, – он нервно закурил. – А вот это выход. Включайте посмертно в списки части: появится легальная возможность выписывать ей проездные документы и паек. Лады, – Митрофанов положил трубку и с довольным видом пояснил: – Солопов берет ситуацию под личный контроль.

– Спасибо вам огромное, Илья Федорович, за помощь и понимание, – стремительно поднялась со стула Маша.

Генералу это не понравилось. Он нахмурил брови:

– А кто вам позволил встать? – сурово оборвал он.

– Просто пора в музей, – натянуто улыбнулась просительница, направляясь к двери, и, чтобы не гневить начальника космодрома, тактично напомнила. – Да и вас гости заждались.

– Ну-ну, – усмехнулся Митрофанов, брови которого удивленно поползли вверх. – Вы у нас женщина Онищенко? – уточнил он.

Эти слова обидно задела Машу. Ее щеки вспыхнули.

– Я подчиненная полковника Онищенко, и только! – глядя в глаза командиру, возразила она, всем видом выражая протест.

– Идите! – Илья резко встал и сухо пояснил: – А старики – совсем не гости. Это что ни на есть ответственная работа! Политика!

От повышенного тона Маша вздрогнула, но промолчала. Едва она покинула кабинет, генерал снял телефонную трубку.

– Слушаю, – раздался в ответ фальцет Онищенко.

– Научите свою подчиненную соблюдать субординацию и лично примите у нее зачет на знание Устава, а то идут, понимаешь ли, напрямую к командиру все, кому не лень!

Через несколько дней весь город бурлил, обсуждая Машину статью «Чужого горя не бывает». Днем позже в эфире местного телеканала вышла ее авторская программа, рассказывающая о трудной судьбе обездоленной матери. Уже утром к женщине прямо на улице стали подходить люди, предлагая искреннюю помощь. Директор школы вошла в класс прямо во время урока и вручила коллеге огромный букет цветов, предложив педагогам взять шефство над одиноким человеком. В срочном порядке был составлен график дежурств и расписаны дни посещений.

Не менее оперативно действовал и городской совет депутатов. На внеплановом заседании спешно утвердили список мер по поддержке матери героя. Почувствовав внимание и заботу, женщина ожила. Вскоре она разыскала Машу. Не глядя на разницу в возрасте, они нашли общий язык и подружились. Отъезд Маши стал для учительницы непоправимой бедой. Она всем сердцем прикипела к молодой приятельнице, став близким человеком и для ее сына.

Спустя время забота городских властей сошла на нет, но военные до самой смерти навещали старушку и выполняли ее редкие просьбы...

Никита изумленно наблюдал за замершей на полуслове коллегой. Заметив его растерянность, Маша смущенно улыбнулась.

– Походу, ракета может жахнуть? – оторопело уточнил приятель.

– Может, – отгоняя неприятные воспоминания, призналась журналистка. – Как-нибудь расскажу, чтоб не под руку.

Появившаяся из-за спины молодая женщина с папкой в руках протянула разрешение на съемку. Маша задумчиво оглянулась.

– Настя? А ведь это ты!

– Я, – та с готовностью шагнула навстречу. – Оформляла пропуска и решила, что ты посоветуешь снять ракету сквозь ели, – улыбнулась она. – Тебе всегда нравился этот ракурс.

– Как жизнь? Как дела? Помощь не требуется?

– Спасибо. Неплохо управляюсь сама.

– Замужем?

– Рашу сына, – стушевалась Настя.

– Как наши? Наверное, многие уже разъехались?

– Почти все. А вот Полунины еще здесь. Андрей стал начальником группы и женился на Алене. У них тоже сын.

– Андрей? На Алене? Не может быть! Он же...

– Да, да, да, – криво усмехнулась собеседница. – Хотел сместить начальника революционно, а сделал это эволюционно. Ты была права: тесть уступил ему свое место без боя, – она нахмурилась и сменила тему. – Хорошо выглядишь.

– Ты тоже молодец.

– Маша! – подал голос оператор. – Я закруглился! Айда на НД!

– На НП, – смеясь, поправила напарница.

– Не стану вам мешать, – ретировалась Настя.

– Может, все же могу чем-то помочь?

– Ни в коем разе, – возразила приятельница, конфузясь под прицелом камеры. – Ой, не надо меня снимать!

– Интересная женщина, к тому же в форме – писк сезона, – нахохлился и пошел в атаку Никита, откровенно демонстрируя желание. – Хороший кадр – моя фишка!

– Я нефотогеничная.

– А вот это зависит исключительно от моего профессионализма! Сниму так, что все ахнут.

– Не сомневайся, так и будет, – поддержала товарища Маша, переместив Настю правее. – На фоне ракеты дама будет выглядеть эффектнее, – порекомендовала она.

– Смотрите вечером новости нашего канала! – распушив хвост, подмигнул оператор.

Видя блеск в его глазах, Маша строго посмотрела на часы и буквально потребовала:

– Казанова, нам пора!

Настя грустно улыбнулась и поспешила удалиться.

– А женщина, к слову, с изюминкой, – с явным сожалением оглянулся волокита. – Тополевская, не компрометируй меня! Тоже мне полиция нравов. Зачем только ты свалилась на

мою грешную голову? Все планы коту под хвост! В который раз страдаю из-за твоей бдительности!

– На всякий случай напоминаю, что ты на работе!

– Одно другому не помеха! Вот скажи, твоя ракета без горячего полетит? То-то! А я – живой человек. И без дозаправки – ни на шаг!

– Будь добр, вычеркни Настю из своего списка!

– Никак ревнуешь? – игриво поддел дамский угодник. – Вот что я тебе скажу, Мария, – темная ты женщина! Да будет тебе известно: приятный вечер в компании интересного мужчины элементарно заменяет сеанс высококласной терапии. Заметь – даром и без всякой очереди! Мечта любой пекущейся о своем здоровье дамы. Кстати, роман на стороне – отличное лекарственное средство. Даже медики рекомендуют время от времени прием этого допинга. Для профилактики семейных отношений, так сказать. Фитнес просто отдыхает!

– Шел бы ты, знахарь, куда подальше! Поищи для своих любовных утех кого-нибудь другого, а Настю оставь в покое.

– Маня, не нервируй меня! – шутливо потребовал оператор и, снова оглянувшись, послал Насте воздушный поцелуй. – Учти, она тебе этого не простит! – пригрозил он. – Хотел оказать гуманитарную помощь одинокой женщине. Безвозмездно и абсолютно бескорыстно.

– А с чего это ты взял, что она одинокая? У нее семья, сын.

– Сын? Возможно. А вот мужа нет! И мужика, кстати, тоже!

– Кто это тебе сказал?

– А я и без слов вижу. У нее в глазах все написано.

– Тоже мне Фрейд! – уколола Маша. – Половой альтруист!

Остаток дня коллеги беззлобно шутили и пикировались.

Заехав после пуска на местную телестудию и перегнав материал в Москву, телевизионщики вернулись в гостиницу. Оператор в ней не задержался и почти мгновенно ускользнул. Маша посетила магазин и, устроившись в кресле, включила телевизор. Приближалось время новостей. Не отрываясь от приготовления ужина, она просмотрела сюжет и с удовлетворением отметила качественный видеоряд. Коллеги были правы – у Никиты действительно оказалась очень легкая рука. Кроме того, он обладал ярко выраженным художественным мышлением. Лучший ракурс, чем он, не выбрал бы никто. За те пять лет, что Маша провела в стенах Останкино, так легко ей ни с кем не работалось.

Сам пуск прошел без видимых осложнений, в светлое время суток и ясную погоду, что случалось крайне редко. Удалось даже отснять так называемое «зависание», когда тело ракеты какое-то мгновение как бы парит над землей, словно та не желает выпускать его из дружеских объятий, а потом вдруг уступает напору безудержной мощи и без сожаления выталкивает строптивое дитя в свободный полет. Ажурный шлейф, который оставила ракета сегодня, с подачи Никиты превратился в пышную фату новобрачной и очень удачно был увенчан крестообразной диадемой ее прощальных огней. «Шеф останется доволен», – отметила Маша, снимая трубку звонившего за ее спиной телефона. На том конце провода звучала громкая музыка.

– Маня, как тебе картинка? – явно набивался на комплимент слегка хмельной оператор.

– Мастерство, как известно...

– ...не пропьешь, – хвастливо промурчал он. – Официально сообщая: я вне зоны досягаемости. Вполне возможно, дружественный визит затянется до утра. Какие есть пожелания?

– Не теряй лицо!

– И тебе не кашлять.

Никита был неисправим, что, впрочем, никак не сказывалось на результатах его работы: он ни разу не опоздал и не сорвал съемку.

Маша улыбнулась, вернула трубку на место и посмотрела на часы. Было поздно, а от мужа так и не появилось ни единой весточки. Андрей собирался прилететь еще утром, но за весь день они почему-то ни разу не пересеклись. Досаждать мужу звонками она не привыкла. С давних пор у них существовал уговор, что при деловом визите супруг выходит на связь только в случае крайней необходимости. Как офицерская жена со стажем, Маша научилась терпеливо ждать своего часа. Переживая, она тревожно металась по комнате, меряя шагами пространство от окна к двери и обратно, поочередно прислушиваясь то к звукам на улице, то к шуму в коридоре.

Андрей появился, как обычно, внезапно. Жена обняла его и прослезилась. Тополевский устало улыбнулся: «Все уже позади, просто было много работы. Ты же знаешь, как далеко площадка и сколько прибыло гостей. Вырваться невозможно. Кстати, тебе давно пора перестать волноваться: я умею за нас постоять».

Муж переоделся и направился в душ. Маша прислонилась к дверному косяку и проводила его нежным взглядом: уверенность Андрея действовала на нее убаюкивающе.

– Есть хочу! – выйдя из ванной, шутливо потребовал он.

– Все готово.

– Надеюсь, чай с «курарой»?

– Как обычно. С чего начнем?

– Стыдно признаться, – лукаво подмигнул Тополевский и, обхватив жену огромным полотенцем, притянул ее к себе. – С тебя!

– Сначала подкрепись, – смутилась недотрога.

– Звучит многообещающе, – игриво прищурился Андрей. – Не помню, говорил ли я сегодня...

– ...как сильно люблю тебя, – выдохнули они разом.

– Мне нравится ход твоей мысли, – нежно шепнул муж и передвинулся ближе. – Может, а ну его, этот ужин?

– Не спеши... – многозначительно улыбнулась Маша.

Тополевский радостно потер ладони.

– Кстати, почему мы не встретились на НП?

– Никите захотелось снять с крыши МИКа – картинка колоритнее. А я была на подхвате – мало ли что. Он же у нас парень неопытный.

– В который раз крыша! – нахмурился Андрей. – Ты же обещала!

Он не на шутку рассердился. Видя это, Маша, угостила его конфетой. Тополевский обхватил ее ладонь, нежно поцеловал в запястье и укоризненно посмотрел в глаза: «Не подлизывайся! Ты ведь уже не раз обещала обходить крышу МИКа стороной. Это не место для променада. Работать там крайне опасно!» Жена виновато опустила глаза:

– Все позади. Забудем. Следующий раз сдержу слово.

– Следующий раз? – нервно переспросил супруг. – Значит, будет и следующий раз! – он швырнул чайную ложечку на стол. – Ты так и не научилась отличать прогулку по площадке от реальной опасности, которая исходит от стартующей ракеты! Ради красного словца готова рисковать своей и чужой жизнью! С Никиты какой спрос? Мальчишка, новичок! Но ты же дока в подобных делах. Неужели забыла, чем может обернуться подобная беспечность?

Маша смутилась, но по привычке тихо возразила:

– Но ведь ракета летит в противоположную сторону.

– В большинстве случаев, да. Но были и аварийные пуски, когда еще при запуске двигателей отваливался один из ее боковых блоков, и «раненая» ракета падала как раз в сторону МИКа. И горе тем, кто самовольно оказывался рядом! – Андрей встал и нервно прошелся по комнате. – Справедливости ради стоит признаться, – он, наконец, улыбнулся, – что никто из наших «партизан» ни разу не пострадал. Удивительный факт: от страха они умудрялись про-

скакивать в крошечные щели, будучи одетыми по-зимнему, а в нормальных условиях не могли протиснуться туда даже нагишом.

Маша незаметно подняла полотенце и обняла мужа сзади.

– Ты Головина имеешь ввиду?

– Нет, Федор у нас, по выражению командующего, победитель в номинации «псевдо-репортаж». Находясь после запуска в пультавой бункера, он монотонно бубнил в микрофон: «Двадцать секунд – полет нормальный. Тридцать секунд – полет нормальный». А ракета тем временем пикировала к земле.

– Помню, как отреагировал Петров, – рассмеялась Маша.

– Стало неловко перед гостями. Вот и не сдержался.

– Победил в номинации «самый хлесткий комментарий». Выхватил у связиста микрофон и заорал что есть мочи: «Головин, прекращай отсчет, твою мать! Пуск аварийный!»

Андрей обнял ее и посмотрел в глаза:

– Давай не будем сводить серьезный разговор к шутке. Я хочу, чтобы ты помнила, что каждый пуск таит в себе опасность. Каждый! – акцентировал он.

– Но ведь сегодня все прошло в штатном режиме.

– Только на первый взгляд.

– Выходит, зря мы так оптимистично рапортовали об успехах? – опешила Маша. – На пуске я опять что-то упустила?

– В процессе его подготовки, – успокоил супруг.

– Опять спишут на присутствие женщин!

– Ты же знаешь, я в эти приметы не верю, – Тополевский нежно щелкнул жену по носу. – Просто в очередной раз проявился «визит-эффект». Не зря же Митрофанов любил повторять: раз гости в дом – огрехи все наружу. И действительно, пока официальные лица не прибыли на старт, все шло строго по плану. А потом...

– ...ракету все же сглазили, – нахмурилась Маша.

– Я привык оперировать только фактами: в дренажном клапане верхней ступени образовалась внушительная течь.

– Жидкий кислород?!

Андрей кивнул, возвращаясь мыслями на три часа назад.

...Ракета возвышалась над стартом в белоснежных клубах испаряющегося жидкого кислорода. Высокопоставленные гости откровенно любовались завораживающим зрелищем. Они были очарованы грандиозностью происходящего и с удовольствием фотографировались на память.

Тополевский, стоя чуть поодаль, с тревогой наблюдал за хорошо заметной течью. Командующий приветливо улыбнулся ему и сообщил делегации, что в недавнем прошлом полковник Тополевский успешно руководил научной и испытательной работой космодрома, был участником не одной сотни пусков. «А во главе этого сложнейшего хозяйства стоял генерал-полковник Уральцев», – добавил Андрей, настороженно глядя в глаза бывшему командиру. «Да, нам здесь каждый винтик знаком», – согласился тот. Краем глаза он, профессионал, уловил немой вопрос, перевел взгляд на ракету и тоже заметил течь. Проработав вместе много лет, они поняли друг друга без слов. Стараясь не привлекать внимания, Андрей поспешил к бункеру управления. «Друзья мои, до начала пуска осталось чуть более получаса. Предлагаю переместиться на наблюдательный пункт», – прозвучал за его спиной шуточный голос командующего. Уральцев даже в минуты опасности не терял самообладания, заражая своим оптимизмом окружающих.

Тополевский старался идти как можно быстрее. «Спокойно, – уверенно стучало в висках. – Нельзя привлекать внимание, потому что бегущий полковник, даже бывший, в мирное

время вызывает смех, а в военное – панику. Именно на этом старте произошла катастрофа, а потому вслед за первым бегущим бросятся все остальные. Таков негласный закон стартовиков».

– Здорово, Андрей! – окликнул кто-то сзади. – Есть дело, задержись.

– Привет, Володя! Давай не сейчас. Я обязательно найду тебя после пуска, обещаю, – не замедляя хода, пообещал он.

– «Узок круг этих людей, слишком далеки они от народа», – недоверчиво усмехнулся вслед приятель.

В пультовой заправки было тихо. На лицах присутствующих читалось недоумение. Офицеры обнаружили течь, но не могли установить ее причину и, главное, не знали, как обеспечить безопасность пуска, до которого оставались считанные минуты. Андрей поздоровался нарочито громко, выводя людей из ступора своей уверенностью.

– Вручную можно закрыть подпиточный клапан? – сухо уточнил он.

– Да, – оживился начальник команды. – А что это даст?

– За время, оставшееся до пуска, излишки кислорода должны испариться, и его уровень в баке ракеты придет в норму, что позволит набрать команду на пуск.

– А если не успеет испариться?

– Давай считать вместе. Возьми из журнала статистики среднюю скорость испарения кислорода и объем гарантийных запасов топлива в этом баке.

Майор начал лихорадочно листать журнал, что-то выписывая.

– А теперь раздели вторую цифру на первую: получишь время, за которое должен испариться лишний кислород.

Офицер считал шепотом, волнуясь и сбиваясь. Зачеркнув столбик цифр, нервно начал заново. Наконец, поднял глаза и радостно сообщил:

– Времени хватит! Но кто возьмет ответственность на себя?

– Оформляй техническое решение, – Андрей оглянулся. – А я свяжусь с командующим, – он выразительно посмотрел на стоящего рядом связиста. Тот все понял.

– Слушаю: Уральцев, – прозвучал в трубке подчеркнуто твердый голос генерала. Он был спокоен и выдержан в любой обстановке.

Тополевский доложил, что все необходимые меры уже приняты и попросил утвердить решение на проведение пуска.

– Вы уверены? – уточнил генерал.

– Расчеты показывают: излишки кислорода испарятся до пуска.

– Спасибо. Идем на пуск. Жду вас с подробностями на НП.

В оставшиеся до расчетного времени минуты на стартовом комплексе царило оживление. Убедившись, что все в порядке, офицеры и солдаты по команде направились в укрытие.

На одной из площадок колонны обслуживания сержант стряхнул с рукавицы иней и посмотрел вниз. С высоты птичьего полета разноцветные кроны деревьев, сливаясь воедино, напоминали замысловатый узор домотканого ковра. «Лепота!» – восхитился молодой человек, но, видя напряженное ожидание в глазах товарища, посмотрел на часы и дал отмашку. Солдат, сияя от гордости и значимости, четко вывел поверх снежной изморози на борту ракеты четыре ровные буквы: НАДЯ.

Летописцы истории космодрома разошлись во мнении по поводу возникновения этой традиции. Одни убеждены, что своим именем ракета наречена по фамилии первого командира части полковника Надеждина. Другие придерживаются романтической версии. Мол, в день первого запуска солдат получил письмо от своей девушки и от полноты чувств начертил имя любимой поверх кислородной «шубы». Как бы то ни было, но уже более полувека эти четыре заглавные буквы считаются талисманом удачи. Боевой расчет может закрыть глаза на

факт присутствия на старте женщины, но после заправки обязательно проверит, появился ли на борту ракеты символ успешного пуска. В тот трагический день, когда прогремел взрыв, написать НАДЯ попросту не успели...

На наблюдательном пункте было многолюдно. Гости старались держаться подчеркнуто степенно, но во взгляде новичков читалось предчувствие чего-то необыкновенно значимого. Иностранные специалисты, чья аппаратура была установлена на спутнике, коротая время, оживленно переговаривались, отчаянно жестикулируя.

Уральцев, военные и промышленники внимательно вслушивались в каждое слово, транслируемое по громкой связи. Как такты метронома, над затихшей тайгой мелодично звучали емкие команды: «Ключ на старт», «Ключ на дренаж», «Протяжка»... Ежась от неприятного вечернего холода, собравшиеся на НП с напряжением ждали развязки сюжета. Затаив дыхание, они следили за колебанием воздуха. Плавной стрелой поплыла непривычно длинная тень отошедшей от ракеты заправочной мачты. После наддува баков с ракеты, искрясь и обгоняя друг друга, посыпались крупинки намерзшей во время заправки жидким кислородом «шубы», тая на лету. В тишине отчетливо прозвучало: «Пуск». В это же мгновение воздух сотряс мощный хлопок. Из-под ракеты вырвались огненные языки ярко-рыжего пламени, провалившиеся в белоснежное облако клубящегося газа. Пространство на много километров вокруг озарилось ярчайшим светом. Выглянувшая из-за облаков круглолицая луна «померкла» на фоне разыгравшейся феерии. Ракета на мгновение зависла, словно прикидывая, стоит ли ей расставаться с землянами, в руках которых она какое-то время была тихой и послушной, затем напряглась, вздрогнула и, плавно раскачиваясь, медленно поползла вверх. Казалось, сама природа аплодировала всепобеждающей симфонии человеческого разума. Бескрайний массив тайги на мгновение стал частью и продолжением огненной стихии. Торжественно и вместе с тем трогательно ракета простилась с Землей, устремившись в заоблачные дали.

В это время нарастающий гул ракетных двигателей достиг наблюдательного пункта. Создалось впечатление, что непривычно мощные звуковые колебания вдавливают брюшную полость собравшихся там людей до самого позвоночника. Уши заложило так, что с непривычки хотелось кричать. От сильной вибрации воздуха казалось, что комок застрял в горле и, разрывая грудь, норовит вырваться наружу. Видимо, и поэтому тоже зрачки гостей расширились до размера глазных яблок. В них, как в зеркале, отражалось блестящее тело земной посланницы, стремительно уходящей ввысь. На глазах присутствующих то ли от напряжения, то ли от гордости навернулись слезы. Через несколько минут звук стал постепенно затихать, а в области слабо мерцающей звездочки, в которую на высоте успела превратиться ракета, стало просматриваться подобие «креста». Вскоре и он пропал из вида, но люди в установившейся разом тишине не расходились и все еще продолжали чего-то ждать. Отсчет времени они вели ударами собственных сердец. Одна минута, две, три... девять. Наконец, по громкой связи прозвучало долгожданное сообщение: «Космический аппарат вышел на заданную орбиту». Только после этих слов, необратимо свидетельствующих об успехе запуска, раскатисто грянуло громогласное «ура». Взволнованные иностранцы, бросая вверх головные уборы, шумно приветствовали друг друга и по-детски непосредственно радовались, что сопричастны рождению чуда. Кто-то из них с заметным акцентом процитировал: «Кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». Тополевский с уважением посмотрел на знатока российской словесности и улыбнулся в ответ. Генеральный конструктор облегченно вздохнул и незаметно перекрестился. Командующий поднял глаза к небу. Кого он благодарил в это мгновение, было не ясно, но он, как никто другой, доподлинно знал, насколько сложно боевому расчету работать на технике, созданной полвека назад. Солидный запас ее прочности не может быть вечным. Генерал-полковник отчетливее кого бы то ни было понимал, что за каждым таким пуском стоят, прежде всего, жизни и судьбы сотен тружеников космодрома.

Рассадив гостей по машинам, Уральцев нагнал Тополевского.

– Андрей Васильевич, хочу поблагодарить вас за найденное решение. Иначе бы пуск сегодня не состоялся. А это значит, что высокие гости, которых я пригласил на космодром специально, не смогли бы «лично приобщиться» к столь важному делу. Их помощь и, чего греха таить, финансовая поддержка в нынешних условиях, когда каждый хочет только урвать, а не поделиться, военному космосу весьма кстати.

– Это моя работа, товарищ командующий. В свое время вы учили нас искать решения. Так что спасибо за науку.

– Вас подвезти?

– Благодарю, мне выделили машину. Доберусь сам.

– Жду на ужине, – пожал ему руку Уральцев. – Будете?

– Не обещаю: здесь по телевизионным делам моя супруга. Хотелось бы пообщаться, а то скоро опять разъедемся.

– Так вместе и приходите!..

Андрей умолк, устало улыбнувшись. Маша, по-детски подперев щеки кулачками, слушала мужа, не перебивая и не задавая вопросов. Переживая, она по привычке злоупотребляла сладостями, а потому время от времени таскала из вазы конфеты. Через полчаса на блюде выросла внушительная горка разноцветных фантиков.

– Не ешь на ночь много углеводов, – шутливо укорил муж.

– Вечер начинался так многообещающе...

– Намек понял, – Тополевский подхватил жену на руки.

Спустя время, они, обнявшись и затихнув, лежали в постели. В комнату сочился лунный свет, и в его серебристых лучах пространство вокруг приобретало причудливые очертания. У Маши разыгралось воображение. Стены спальни превратились вдруг в своды средневекового замка. Сквозь приоткрытые ресницы массивные шторы на окнах показались старинными портьерами, а незамысловатый штампованный светильник под потолком напомнил роскошную кованую люстру. Словно по мановению волшебной палочки просторная кровать трансформировалась в мягкое старинное ложе. Через оконные щели проникал едва уловимый свет, будто за стеклом горели не уличные фонари, а мерцающие факелы. Маша улыбнулась своим витиеватым фантазиям и, подобно скульптору, игриво провела пальцем по профилю мужа, губами нежно касаясь его груди. Улыбку Андрея выдала белизна зубов.

– Бог мой, послезавтра опять разлука... – шепнула она.

– Надеюсь, на какую-то неделю.

– На целую неделю! А вдруг и дольше?

В уголках ее глаз задрожали слезинки.

– Бросай все, и летим вместе, – Андрей вдохнул аромат духов любимой. – О месте в самолете я договорюсь с командующим.

– Нельзя, – смутилась Маша. – Проект запущен, я за него в ответе, да и Петров ждет от тебя результатов. Пока ты поработаешь над книгой в Москве, я пообщаюсь с ветеранами на космодроме.

– Прочь дела, – Тополевский нежно прикоснулся к губам супруги. – Самое главное – ты рядом. Все остальное – суета. Ты – моя судьба, моя любовь, моя жизнь. Я тебя просто обожаю!

Она счастливо улыбнулась и трогательно призналась:

– Я так долго просила Создателя: подари мне любовь.

– И Он послал нам это чудо, – губы Андрея скользнули вниз. – Ни слова о работе, – чувственно попросил он.

Спустя время Маше показалось, что кто-то пытается открыть дверь их номера. Муж поднялся и тоже прислушался. После небольшой паузы раздался настойчивый стук. Андрей

спешно оделся. На пороге, покачиваясь, стоял нетрезвый прилично одетый мужчина весьма почтенного возраста. Он уверенно потряс перед лицом Тополевского ключами и возмущенно поинтересовался, что в его номере делает практически обнаженный гость. Подвыпивший оказался руководителем одного из конструкторских бюро. Андрей улыбнулся старику и тактично объяснил, что ему следует подняться этажом выше. Выставив возмутителя спокойствия за дверь, он пояснил: «Главный конструктор. Был на банкете и немного перебрал. А я грешным делом на одного негодяя подумал...». «На кого? – напряглась Маша. – Их в нашей жизни было предостаточно». – «Завтра расскажу. Не хочу омрачать такую романтическую ночь...»

Глава десятая

Андрей проснулся затемно, когда обитатели гостиницы видели кто вторые, а кто и пятые сны. Он не любил, да и не привык залеживаться, потому бодро встал, потянулся, бесшумно перешел в гостиную и выглянул в окно. Солнечный луч, отразившись в сияющих новизной окнах строящегося напротив дома, на мгновение ослепил его. Тополевский прищурился, прикрыл ладонью глаза и посмотрел на градусник. Было на удивление тепло и ясно. Полусонный дворник лениво гонял по тротуару несколько разноцветных обертков. Пожилая женщина терпеливо выгуливала старенького пуделька. Пес тоскливо оглядывался в поисках привычной компании, но время других собачников еще не настало, и ему пришлось довольствоваться скромным обществом любимой хозяйки.

Андрей приоткрыл окно, вдохнув свежесть утренней прохлады, улыбнулся новому дню и отправился на пробежку. С юношеских лет он неизменно начинал рабочий день с этой приятной процедуры. Вернувшись, принял прохладный душ и, заглянув в спальню, застал Машу спящей. Жена была ярко выраженной «совой», с легкостью могла засидеться едва ли не до рассвета, а потому особенно в последние годы стала просыпаться с невероятным трудом. С тех пор, как ее телевизионный график перестал требовать обязательной явки на работу к строго установленному часу, она с удовольствием растягивала время утреннего блаженства, позволяя себе задержаться в студии, а потом немного понежиться в постели. Занятие спортом с детства вызывало у нее глубочайшее неприятие. Полагаясь на биологические часы мужа, если он, конечно, был рядом, Маша в такие дни совершенно не следила за передвижением стрелок. Андрей поправил ее подушку и присел на краешек кровати. Почувствовав любящий взгляд, супруга лукаво приоткрыла один глаз, оценила обстановку и безмятежно зажмурилась, делая вид, что еще спит.

– Здравствуй, – тихонько шепнул Андрей, целуя ее в висок.

– Здравствуй, – счастливо улыбнулась она в ответ.

Тополевский уткнулся в золотистую россыпь ее пушистых волос и прошептал, что завтрак готов. Маша потянулась. Любуясь бархатистой кожей жены, Андрей обнял ее и поцеловал в губы.

– Не устою, – шепнул он и шутливо предложил. – Может, мне остаться? В Москве, пожалуй, разберутся и без меня.

– Было бы здорово, – жена с нежностью прижалась щекой к его широкой ладони, но, глядя на часы, виновато охнула. – Пора вставать. Чем ты меня угостишь, мой господин?

– «Курарой», – протянул ей халат Тополевский.

За завтраком Маша поинтересовалась, кто же испортил ему настроение после вчерашнего пуска. Андрей нахмурился:

– Куримов. Век бы его не вспоминать.

Маша брезгливо поморщилась:

– А что ему было нужно?

Муж задумался.

...После пуска Тополевский первым делом разыскал окликнувшего его у входа в бункер приятеля и помог уладить служебный вопрос. После отъезда гостей и журналистов старт заметно опустел. Как и водится, на своих местах для проведения заключительных операций остался только боевой расчет.

Ожидая машину, Андрей воспользовался редкой возможностью полюбоваться закатом. Оказалось, разбросанные по небу звезды чем-то напоминали искрящуюся паутинку елочной гирлянды из далекого детства. Во время службы на космодроме заметить это не удавалось – в часы запуска было не до сантиментов. Размышления Тополевского прервал лилейный до неприятия голос. «Смотрю, ты все растешь. Сам командующий на ужин приглашает, – из темноты леса навстречу ему хитрым лисом шмыгнул однокашник Куримов. – Не могу сказать, что рад тебя видеть, – с вызовом продолжил Иван. – Просто захотелось узнать, был ли ты на юбилее выпуска?», – криво усмехнулся он и нехотя протянул руку. Андрея словно окатило ушатом мутной воды. Память мгновенно восстановила всю цепочку их долгого и не совсем приятного знакомства со времен военного училища.

...У кабинета, на двери которого одинокой кнопкой был пришпилен лист с надписью «Мандатная комиссия», толпились будущие офицеры. Негромко перешептываясь, они переминались с ноги на ногу в ожидании своей очереди. Предстоящее распределение одних пугало, других обнадеживало. Не волновался, казалось, только Андрей, хотя знал, что его вызовут первым. Наконец, зычный голос за массивной дверью четко произнес: «Курсант Тополевский!» Он подтянулся и шагнул внутрь. Куримов криво усмехнулся и то ли с ехидцей, то ли с завистью выдал вдогонку: «Отличникам – лучшие должности!»

Тополевский вошел строевым шагом и представился. За длинным столом торжественно восседали члены комиссии во главе с у беленным сединой генералом. При виде Андрея тот дружески улыбнулся:

– Помню, помню – блестящая защита, – председатель встал и протянул молодому человеку морщинистую ладонь. – Порадовали вы старика своим дипломным проектом, – он сел и всмотрелся в листы перед собой. – Золотая медаль дает вам право выбирать место службы. Куда поедет, товарищ лейтенант?

– На космодром, товарищ генерал.

– А зачем же ты училище с медалью заканчивал, если просишься в такую глушь? – не смог скрыть удивления генерал.

– Там ракеты взлетают чуть ли не каждый день. Да и квартиру дают сразу. А у меня семья, сыну уже почти два года.

– Когда же ты все успел? – усмехнулся в усы председатель, вышел из-за стола и снова пожал Андрею руку. – Рад за твоих будущих командиров. Знаю, не подведешь! – он посмотрел выпускнику в глаза. – Пожалуй, ты прав. На космодром не едут дети академиков и маршалов, министров и деятелей культуры. Там служат такие, как ты, парни из простых семей. Люди, которые с детства привыкли трудиться и смыслом своей жизни видят добросовестное исполнение служебных обязанностей. За вас не хлопочут высокопоставленные родители, а грядущие успехи – это по крупницам собранные знания, навыки и умения. Удачи тебе, лейтенант. Надеюсь, когда-нибудь свидимся.

Не догуляв первый офицерский отпуск, Андрей вместе с семьей в числе первых прибыл на космодром, надеясь без суеты и спешки решить актуальный жилищный вопрос. Каково же было его удивление, когда у здания с табличкой «КЭУ» первым он встретил курящего Куримова. Иван держался надменно и самоуверенно. При виде сокурсника он снисходительно усмехнулся и панибратски хлопнул Андрея по плечу:

– Привет отличникам!

– Привет, – «не замечая» протянутой руки, Тополевский присел и стал перевязывать шнурки.

– Стоило ли пять лет пахать на одни пятерки, чтобы вместе с троечниками тянуть одну и ту же лямку, – загородил вход Куримов.

– Я приехал служить и в бурлаки не записывался! – Андрей решительно отодвинул сокурсника и направился внутрь.

– Так ведь мы все служить приехали, – догоняя, напомнил Иван. – Кстати, можешь меня поздравить, я женился.

– Сочувствую, – иронично хмыкнул офицер. – Москвичка?

– Вот еще, – не уловив подвоха в его тоне, буркнул Куримов. – Надежда – моя одноклассница, из нашего села. Деревенские, знаешь ли, надежнее, – уверенно констатировал он и с особой значимостью уточнил: – Передовик производства, лучшая доярка.

– Из скольких?

– Что? – не понял Иван.

– Сколько их всего было?

– Кого? – растерялся Куримов.

– Доярок.

– Не знаю... – растерялся однокашник, забегая вперед. – Кстати, я узнал, жилье будут давать «с подселением». Надо проситься вместе, чтобы теткам нашим было сподручнее.

– В каком смысле?

– Сообща им будет легче, как в колхозе. Моя-то хозяйственная.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Андрей, лишь бы отвязаться, и вошел в кабинет с надписью «Секретарь квартирной комиссии». Но уже через минуту вернулся обратно.

– Бортанули? – опешил Иван.

– Справку в гостинице забыл.

Когда Тополевский вернулся в КЭУ, у входа его караулил Иван.

– Я уже обо всем договорился, – гордо сообщил он. – С сегодняшнего дня мы – соседи. Хата, по моей просьбе, на первом этаже, чтобы на улицу было ближе ходить.

– Туалет ведь внутри квартиры! – вскипел Андрей. – Какого черта ты подсуетился?

– Так мы, вроде, договаривались... – растерялся Иван. – Да ладно тебе дуться, иди за ордером, увидимся на хате.

Едва перешагнув порог выделенной квартиры, Тополевский попал под прессинг вездесущего Куримова, который, как оказалось, уже все спланировал. Ведя Андрея по коридору, он важно пояснял:

– Здесь поставим бабкин сундук – под картошку. Здесь – кадушки для огурцов, помидоров и грибов, а в ванную сунем бочку с капустой. Как тебе такой расклад? – с пафосом уточнил он.

– Вань, по-моему, это городская квартира, а не деревенские сени, – спокойно рассудил сосед. – Нормальные люди в коридоре вешают одежду, а в ванной моются и стирают, а не капустой занюхивают.

Куримов, обиженно сопя, развернулся. Громко хлопнув дверью, он демонстративно скрылся в своей комнате.

На следующее утро лейтенант Тополевский впервые отправился на службу мотовозом. Дорога практически все время петляла по тайге, при этом прямо из вагона были видны стоящие на опушке леса, словно включенные маяки, небывалых размеров подосиновики. Воображение заядлого грибника поразили не столько габариты лесных красавцев, сколько их количество. Прежде Андрею не доводилось видеть такое изобилие грибов сразу. Сказать, что он был

удивлен, было бы недостаточно, он был потрясен и уже строил планы на ближайший выходной. Единственное, что никак не мог взять в толк новичок, почему эта живописная картина не волнует никого из немногочисленных пассажиров мотовоза. Каждый занимался своим делом: женщины читали, вязали или вели душевные разговоры; офицеры дремали, играли в карты, шахматы или домино. За окно они даже не смотрели. Задумавшись, Тополевский не сразу заметил, что рядом с ним приземлился Иван.

– Привет! Ты чего меня не дождался? – будто и не было вчерашнего конфликта, уточнил он. – В какую часть тебя назначили?

– К Надеждину, – буркнул Андрей.

– Меня тоже, – обрадовался Куримов и поделился секретом: – Буду проситься в комсомольские вожаки. Как говорится, работа не пыльная: рот закрыл, и рабочее место убрано.

– Без знаний и навыков? Из нас ведь инженеров готовили.

– Это ты у нас грыз гранит науки, а я хотел просто вырваться из деревни. Кому охота пахать от зари до зари? Так что училище для меня – пять лет курорта. Сдал все на тройки и мигом позабыл. Кстати наши с тобой дипломы только цветом и отличаются. Что твой «красный», что мой «синий» привели нас в одну и ту же часть.

– И зачем ты выбрал космодром? – не сдержал раздражения Андрей.

– Это у тебя было право выбора, а меня никто не спрашивал. Куда послали, туда и прибыл, – Куримов вальяжно откинулся на сидении и убежденно добавил: – Но я здесь не задержусь, факт. Знающие люди подсказали, что комсомольские и партийные работники продвигаются через свой кадровый орган, а не в порядке общей очереди, как всякие там «инженерики». Так что очень скоро распрощаемся.

– Ну-ну, – скептически бросил Тополевский, глядя в окно.

До части доехали молча.

– Кстати, завтра медкомиссия в поликлинике, – уже на выходе заметил Ваня и подмигнул. – Там многое может решиться.

Андрей ничего не ответил.

В коридоре гарнизонной поликлиники было не протолкнуться. Куримов оказался на месте в числе первых. Завидев Андрея, он взмахом руки позвал его и покровительственно заметил:

– Опоздываете, товарищ лейтенант. Скажите спасибо, что я с раннего утра занял очередь во все кабинеты сразу, – и пояснил хмурому прапорщику. – Он передо мной!

– Спасибо, но я как-нибудь сам...

– Не упрямясь, – Иван силком втолкнул соседа к офтальмологу.

После теста на таблице, врач приподнял веки Андрея, всмотрелся в зрачки, утвердительно кивнул: «Все в порядке» – и сделал соответствующую запись. Лейтенант направился к выходу. «Не уходите, вам сейчас отдадут документы, – попросила миловидная медсестра и вызвала: – Следующий!» Иван перешагнул порог кабинета с деловым и сосредоточенным видом.

– Проходите, садитесь, – указала на стул медсестра и напомнила Тополевскому. – Ждите медкнижку.

Андрей сел в сторонке.

– Куримов, закройте правый глаз и называйте буквы третьей сверху строки, – строго попросила девушка, подойдя к таблице, и ткнула указкой в нужное место.

– Широкая, узкая, широкая... – с достоинством начал Иван.

– Что вы называете? – недоуменно оглянулась сестричка.

Врач перестал писать и удивленно поднял глаза. Куримов сидел на стуле, как петух на насесте, рдея от важности предстоящего момента. Медсестра переместила указку строкой выше.

- Широкая буква, узкая, – медленно повторил Иван.
- А вы можете прочесть эти буквы? – растерялась девушка.
- Нет, – удрученно вздохнул Иван. – К сожалению, не могу.
- Вы не знаете букв? – она беспомощно посмотрела на доктора.
- Буквы я знаю, но – увы – практически не вижу их.
- Давно? – поинтересовался врач, прищулив глаза.
- Честно? – Куримов пересел ближе. – Уже несколько лет.

Старик перелистал его медкнижку, но, не найдя в ней необходимой отметки, недоверчиво посмотрел на пациента.

- Не вижу соответствующей записи.

– И не увидите. Я скрывал это от ваших коллег, потому что очень люблю свою профессию и с детства хочу служить на технике, – с трепетом в голосе заверил Иван. – Причем тут зрение? Напишите, что оно у меня в норме. Ракета крупная, на ней все видно, я ни за что не ошибусь. В конце концов, что с ней сделается? А у меня мечта!

– Да вы с ума спятили! – врач решительно стал заполнять соответствующую страницу. – С таким зрением, голубчик, вы можете погубить миллионы народных рублей!

- Как это? – в испуге поинтересовался Куримов.

- Сколько, по-вашему, стоит ракета?

- Не приценивался, – пожал плечами лейтенант.

– Десятки миллионов рублей, – назидательно заметил доктор. – Случись по вашей вине авария, такие деньжищи и на ветер? С кого потом спрос? С меня! Нет, милоч, я запишу все, как есть!

- Вы разрушаете мою жизнь, – перехватил его руку Иван.

– Поймите же, молодой бунтарь, для работы на технике требуется предельное внимание и отличное зрение. Нет, братец мой, ваше место – на земле. И без возражений!

– Это невозможно! – с придыханием прошептал Куримов, и его глаза засветились от счастья. – Вы так и запишите?

– Конечно, на другую запись и не рассчитывайте. К моим рекомендациям комиссия непременно прислушается, – заверил врач, жирно подчеркнув диагноз.

Уже на выходе из поликлиники Тополевский лоб в лоб столкнулся с хитроумным однокашником. Тот заносчиво подмигнул:

- Видал, как надо? Учись, пока я рядом!

– Ты чего комедию ломал? – хмуро поинтересовался Андрей. – Ты же здоров как бык. И со зрением у тебя все в порядке.

– Эх, дружище, ну ты и простота, хоть и не дурак, – высокомерно улыбнулся Иван. – Я без особого напряжения сумел получить медицинское заключение о полной непригодности к работе на технике. Для меня теперь зеленая улица в политработники, где особых медицинских показаний не требуется, – он с превосходством посмотрел на незадачливого соседа и победоносно изрек: – А недогадливые будут вкалывать в особо вредных и главное весьма опасных условиях.

Вечером того же дня Куримов с нетерпением поджидал Тополевского «на хате», то и дело выглядывая из окна. Едва Андрей открыл дверь, Иван метнулся в коридор и задиристо похвастался:

- Я пролезу в любую дыру и скоро стану большим начальником.

- Флаг тебе в руки! – усмехнулся Андрей, снимая китель.

Иван забежал вперед и повысил голос:

– Вы все еще стучаться будете, входя в мой кабинет.

– Поживем – увидим.

– Чего не знаю, у добрых людей спрошу или вон жена поможет. Ей скоро рожать, а в роддоме бабы всякие лежат. В том числе и жены начальников. Она быстрехонько там все разнюхает, – он покосился на кухню. – Слышь, что ли, Надюха?

Та, запихнув в рот кашу, утвердительно промычала.

– Тебе бы самому надобно в госпиталь, Ваня. Заждались там тебя, – Андрей решительно подвинул Ивана в сторону и стал мыть руки.

– Не понял, – опешил тот, хватая ртом воздух.

– Нервишки бы тебе подлечить, – посоветовал Тополевский.

Удивительно, но такие стычки не мешали Ивану уже через несколько минут, как ни в чем не бывало, постучаться к соседям и одолжить крупу, кастрюлю или даже деньги. Наутро в мотовозе он без зазрения совести злословил по поводу сложного нрава и ограниченности Тополевского. Такова была суть натуры Куримова. В любом поступке он искренне верил в собственную непогрешимость. События очередного субботнего вечера не стали исключением.

...Белые ночи сбивали с привычного биоритма даже взрослых, не говоря уже о детях. Андрей безуспешно пытался уложить спать перевозбужденного предыдущей игрой сына. Тот под любым предлогом вскакивал в кроватке, ища повод продолжить веселье.

– Во, – обрадовался малыш, слыша, как включился холодильник.

– Ну-ка, спать! – пряча улыбку, нахмурился Андрей. – А то холодильник на тебя рассердится и перестанет работать. Помнишь, как быстро без него портится еда?

– Когда у меня после макалон живот болел?

– Да. Спасибо дяде Стасу, что одолжил денег на холодильник.

– Спа-си-ба, – старательно повторил сын.

– Ну, а теперь пора спать. По-солдатски, как я тебя учил.

Денис положил ладошки под щеку и стал усиленно сопеть. Его реснички потешно вздрагивали. Андрей пересел к окну и достал газету: читать, когда солнце практически не заходит за горизонт, было легко. Тишину неожиданно нарушил резкий звонок в дверь.

– Во! – снова вскочил Денис.

– Мой хороший, если ты не заснешь, за тобой придет бабай. Это он как раз звонит. Пойду, попытаюсь его прогнать.

Малыш в испуге натянул на голову одеяло. Андрей, с трудом протиснувшись по заставленному корзинами и баулами коридору, открыл входную дверь. На пороге стояли Надеждин, его замполит и воинственно настроенная Бедоносова.

– Что делают наши лейтенанты, если долго не открывают дверь? – с порога пробасил командир и шутливо добавил: – Доложите!

– Сына спать укладываю, товарищ полковник, – вытянулся Андрей. В спортивном костюме он чувствовал себя неловко.

– Молодец, – похвалил Надеждин. – А мы вот с замполитом обходим жилье выпускников. Показывай, как устроился, знакомь с женой и соседями. Где они, кстати? Неужто спят? – осмотрелся командир.

– Нет, товарищ полковник. Жена с Куримовыми ушла в кино. Вот-вот должны вернуться. Проходите, – посторонился лейтенант.

Из-за плеча Надеждина показалась копна рыжих волос.

– Жена в кино, а муж с ребенком. Даже как-то странно, – с ехидством прокомментировала Бедоносова.

– Так ведь и вы не дома, – не растерялся Андрей. – Наверное, и у вас есть семья и дети?

– Мой младший сын ровесник вашему, – проявила свою осведомленность дама и акцентировала: – Я на работе!

– Но с детьми-то муж, – заметил Андрей, косясь на командира.

– Знакомьтесь, член женсовета части Анна Алексеевна Бедоносова, – поборов улыбку, представил женщину Надеждин.

– Очень на это похоже, – как-то неопределенно ответил Андрей, обыгрывая говорящую саму за себя фамилию.

Дама, с интересом изучавшая скромный интерьер кухни, не заметила скрытой иронии.

– Ходить в семьи мой священный долг! – выкрикнула она.

Чувствовалось, что гостье нравится быть при исполнении. Надеждин и его заместитель опустили глаза, скрывая усмешки.

– А что, жена вместе с Куримовыми ушла? – переспросил командир.

– Втроем отправились...

– А какого ж хрена он жалобы на вас строчит? Мол, житья не даете. Терроризируете, самовольничаете и все прочее.

– А вы бы захотели, чтобы в коридоре огурцы соленные хранились, а в ванной – бочки с капустой? – пошел в наступление Андрей.

– Это еще зачем? – не понял Надеждин.

– У них так в деревне принято. Вот я и возразил.

– Конфликт ясен, – засмеялся командир, представив ситуацию.

– И потом, товарищ полковник, стали бы вы хранить свои продукты в холодильнике «врага»? – уточнил лейтенант.

– Конечно, нет!

– А Иван хранит! – забыв про засыпающего сына, Тополевский распахнул дверь своей комнаты и жестом пригласил гостей за собой.

– Во! – опять вскочил Денис.

– Привет, черноглазый, – улыбнулся Надеждин и потрепал мальчишку по голове. – Спи, больше мешать не будем, – он, однако, успел заглянуть в открытый Андреем холодильник и спешно вышел.

– Все ясно, – обратился к замполиту командир. – Куримов хочет жалобой решить квартирный вопрос. Вот ему, – он показал характерный мужской жест. – Все, лейтенант, живите спокойно. С жильем, думаю, скоро все определится. Теперь твоя главная задача – побыстрее освоиться на старте.

Уже на выходе Надеждин дал слово Бедоносовой:

– Анна Алексеевна, а у вас есть вопросы?

– Нет. Но есть добрый совет. Не балуйте жену, перекладывая ее обязанности на свои плечи! – она вскинула голову и гордо удалилась.

Полковник дружески хлопнул подчиненного по плечу:

– Решай все сам. Это просто активистка-любительница.

– На Руси зря фамилий не давали, – заговорщицки шепнул Андрей.

Надеждин улыбнулся и кивнул в знак согласия. «Но ведь другие не хотят заниматься общественной работой», – тихо пояснил он.

В выходной, гуляя с сыном, Андрей заметил, как у близлежащего магазина прямо с грузовика продают страшный по тем временам дефицит – бутылочное пиво. Очередь вселенских размеров выстроилась мгновенно, но практически не двигалась, потому что впереди то и дело пристраивались «знакомые» и «стоявшие раньше». Андрей без хитростей обосновался в самом «хвосте». Через несколько минут топтания на месте Денис во всеуслышание поинтересовался:

– Па, а что дают?

– Пиво.

– Пива? Я тоже пиву хочу.

– Наш парень, – усмехнулся толстяк и предложил: – Товарищи, давайте пропустим кормящего отца без очереди! Он честно стоит.

Мужчины не стали возражать и расступились. Продавец, хитро улыбнувшись, посмотрел на Андрея и подмигнул:

– Вам на двоих?

– Да, – по-взрослому уверенно выпалил сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.